E17
T61

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. Растопчина.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В КОСТРОМЕ.

Издание Костромского Губкома Р. К. П.

БЮРО ИСТПАРТА.

КОСТРОМА.
1922.

Кострома 11го августа 1926 года.

E17 — 161

Составлено по материалам
Губернского Бюро Истпарта
М. Растопчиной.

Оглавление.

Стр.

Вместо предисловия

Очерк движения с 1873—1902 год 3

1903 год 11

1904 год 16

1903—1904 года 19

1905 год 21

Страничка живого прошлого 46

1906 год 49

В дни борьбы 61

1907 год 63

1908 год 68

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 21138 1967

Не изучив прошлого,
Нельзя строить будущего..

Как тучи по небу, как стаи перелетных птиц осенью, несутся годы

Быстро мелькнет и целая жизнь, с ее радостями и горестями.

Целая вереница лиц, воспоминаний, невысказанных мыслей, недодуманных дум, самых сложных переживаний, мечтаний, надежд, разочарований..

Пройдет жизнь, уйдет в небытие и забудется человек, как бы он ни был умен, талантлив, популярен.

Забудутся его хорошие и плохие дела, самые яркие его мысли.

Как маленькая песчинка потонет он в реке времен.

«Река времени в своем стремленьи уносит все дела людей»... Уносит каждого отдельного человека, стирает отдельный индивидуум, но не смыть даже ей своим могучим потоком то, что составляет содержание *целого поколения*.

Маленькие песчинки—люди создают мощный коллектив.

Опыт каждого человека, весь его индивидуальный мирок войдет, как капля в океан—в то, что составляет достояние целого поколения.

Жизнь человека—борьба, жизнь—стремление вперед, жизнь—яркий порыв к счастью, свободе

Не зная прошлого, не учтя опыта этой борьбы, истории успехов и поражений, нельзя творить нового.

Изучение прошлого имеет не только неоспоримую научную ценность, но и практический интерес: история—завет предков потомкам.

Тот, кто мыслил, переживал, кто затратил свою жизненную энергию на борьбу, должен внести свое в то большое сложное, что называется жизнью.

«Мы пишем о вечно живом и юном пролетариате и потому мы зовем к себе всех живых интересующихся историей пролетарской революции» *).

Каждый исторический документ—для нас громадная ценность.

Но надо помнить, что свидетели возникновения документа лучше поймут его, чем люди, подходящие впервые к документу через ряд лет, неспособные даже иногда понять обстановку его появления, живо воспринять его сущность.

Надо, чтобы к этим документам подходили те, кто может при этом «извлечь из богатых сокровищ своей памяти драгоценные алмазы революционных переживаний» **).

---

*) Пролетарская Культура № 1.
**) Красная Летопись № 1.

Надо, чтобы освещали эти документы те, чья жизнь богата воспоминаниями о длинных годах борьбы с самодержавием: о подпольной работе, о тесных кружках, о захватывающих речах на первых массовках, о книжках и газетах на папиросной бумаге, открывавших тогда новый мир.....

Те, кто крадучись читал прокламацию, кто «снимал с работы», кто встречал ночью «гостей» с звенящими шпорами... .

Те, кто пережил одинокие дни в сырых стенах тюрьмы, унылые годы ссылки, этап.

Те, у кого живы в памяти свист казацкой нагайки, горящие глаза защитника баррикад, растерзанный труп девушки, широкооткрытые глазенки ребенка, падающего от пули.

„Воспоминания дают психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно".

По одним воспоминаниям нельзя писать истории—они пишутся большею частью много лет спустя, когда события не так уже ярки в памяти пишущего, когда многое спуталось. Но нельзя писать ее и без того, что дают участники и свидетели борьбы.

Каждая книга, которая издается Истпартом, должна быть не только интересной для прочтения, но и быть пособием, источником для изучения истории.

Может быть неверны даты, неправильно освещение того или иного события,—дело читателя исправить и дополнить.

Данный сборник дает попытку набросать картину революционного движения в Костроме.

Матерьялы, которыми пользовался автор:

1) архив жандармского управления, 2) архив быв. Михинской фабрики, 3) листовки с 1900—1906 год, собранные Костр. губ. архивом, 4) номера с. д. газет 1906 и 1907 годов, 5) мемуары участников движения, 6) личные воспоминания автора.

В противоположность сборнику „Пролетарская Революция", где матерьялы не об'единены местом и временем, автор поставил себе целью дать нечто цельное, поскольку позволяло наличие матерьялов, время и силы.

„Красная Кострома" должна запечатлеть историю своей борьбы.

Пусть эта книжка будет первым шагом на этом пути.

Пусть критикуют, пишут поправки, дополняют, опровергают...

Главное—разбудить тех, чья жизнь богата общественными переживаниями, кто может внести свою крупицу в великое дело изучения истории борьбы за светлое будущее человека.

М. Растопчина.

Декабрь 1922 год.

Очерк движения 1873-1902 год.

Еще в 16 и 17 столетии Кострома стала известна, как промышленный город: большая часть вывоза русских полотняных изделий заграницу была из Костромы.

„В 18 веке Костромские фабриканты так популярны заграницей, что достаточно их подписи, чтобы любая Лондонская фирма открыла кредит". [1])

С появлением машинного производства ручные фабрики закрылись и Кострома, с изготовления полотен, перешла на производство льняной пряжи.

В 1854 г. открыта первая льнопрядильная фабрика в Костроме, работала она с таким успехом, что вскоре нашли выгодным открыть еще несколько фабрик. Позднее в 60-х, 70-х годах в Костроме существовал еще машиностроительный завод Шипова с 3.000 рабочих.

Обанкротившись на казенных заказах в войну 1877—78 г., он прекратил свое существование.

Таким образом в Костроме был уже, хотя и небольшой, процент пролетариата.

Первая попытка Костромских рабочих выразить коллективный протест против условий труда относится **к 1873 году:** Михинские рабочие требовали отмены работы в Новый год, т. к. другие фабрики в этот день праздновали.

Забастовка была характерной для того периода рабочего движения: толпа собралась перед фабрикой и стала бить стекла, разнесла заодно и фабричную сторожку. Большое участие в „бунте" принимали подростки.

Присоединились к Михинцам рабочие Шиповского завода. [2]) Вызваны были солдаты, но до кровопролития не дошло: толпа дала себя разогнать.

Эта неорганизованная „забастовка", вернее „беспорядки"—как тогда называли—достигла цели: требование рабочих было удовлетворено.

„В 1883 году в Костроме существовал кружок, в который входили слесарь Семенов, сновальщик Ив. Скрипкин, уборщик с Кашинской фабрики Забродин, Баранов с ф-ки Зотова, студент Врублевский и еще человек 5," пишет в своих воспоминаниях рабочий Набегин: „задачей кружка являлось саморазвитие и получение технического образования. Читались классики и нелегальная латература. На каждого члена кружка возлагалась обязанность ведения пропоганды".

Только через 14 лет отмечается второй случай массового проявления недовольства рабочих. В 1887 г. 22 ноября 300 человек чесальщиков Зотовской фабрики толпою направились к директору с требованием отменить сбавку расценка в 10 коп. с пуда.

На этот раз рабочие потерпели неудачу—и расценка не подняли и „зачинщиков" расчитали.

---

[1]) Брошюра „Рабочее движение в Костроме", неизвестного автора, изданная заграницей в 1902 г.

[2]) О положении рабочих Шиповского завода, о пропоганде, которая велась среди них, о волнениях на заводе в августе 1878 г. и о своеобразной демонстрации с самодельными флагами из рогожи, см. статью Е. Ф. Дюбюк в библ. Обществ. движений в России XIX и XX в. вып IV. изд Костр. Научн. о ва по изучению местного края.

К этому времени можно отнести первую попытку пропаганды со стороны революционеров. Есть сведения об арестах кружков учащейся молодежи и даже смутные воспоминания рабочих об аресте механика Шиповского завода Бита и нескольких рабочих.

В 1890 году в Костроме были массовые аресты Поводом к ним послужила провокация, можно думать, что в это время существовала уже в Костроме организация Соц-революционеров, которую в этот год разгромили. Есть достоверные сведения, что в этом году арестован бежавший из Сибири народоволец Михаил Сабунаев, бывший студент военно-медицинской академии, живший в Костроме нелегально и усиленно занимавшийся пропагандой среди Костромского общества. Главные силы Сабунаев и члены его кружка направляли на интеллигенцию, особенно конечно на учащуюся молодежь.

Привлекли и небольшой кружок рабочих. По своему мировоззрению, они близко подходили к народникам.

Работа в кружках велась путем устной беседы и чтения нелегальной тогда политической литературы, напр. речь на суде Петра Алексеева, статьи из „Вестника Народной Воли", роман „История одного французского крестьянина" и проч.

Через свой небольшой кружок они стремились распространить литературу среди массы.

Кроме самого Сабунаева были арестованы члены его кружка: Турковский чиновник (и он и Сабунаев после 2-х лет заключения в Крестах были сосланы в Сибирь), акушерка Успенская, семинаристы Евгенов, Изюмов и Тарский, реалист 6-го класса Пазухин, гимназист Мухин (скоро освобожденный), кончавшие реалисты Федор Горский и Нарезков, Панибратцев, Попов, Княжевский, чиновники: Ершов, Алякринский, кончившая гимназистка Елизавета Тарунина, студенты Алексей Волков, Гаврила Волков, Алексей Преображенский, Николай Коратыгин (в 1896 г. умерший в тюрьме), Владимир Каратыгин, Василий Апушкин, Всеволод Барыков (работавший в Костроме, как правый-эсер в 1917 году). Стрежнев, Яблочков и др. Часть из них была арестована по этому делу не в Костроме.

Уцелевшие от ареста Сабунаевцы, поддерживая связь с разгромленной в 1894 г. группой Петербурских народовольцев, продолжали работу. Кружки, организованные ими, носили культурнический характер. Иногда начинали занятия даже с арифметики, и один такой кружок, в 5 человек, только на 3-й год существования перешел к социальным вопросам, и то напрасно, т. к. руководитель уехал и кружок распался.

Таким образом кружки эти, выработав м. б. единиц интелигентных рабочих, не подвинули дело политического развития массы Костромских рабочих.

С развитием рабочего движения в крупных промышленных центрах, в Костроме начинают появляться изгнанные оттуда революционно-настроенные и политически грамотные рабочие. Правительство причиняло себе большой вред, рассылая по всем глухим углам своих „неблагонадежных" граждан.

В 1894 году организовалась коллективная подписка на газету, что очень сближало рабочих.

С появлением в Костроме каждого высланного, вокруг него собирался кружок и пропаганда политических идей подвигалась понемногу вперед. Начало социал-демократической пропаганде в Костроме положено одним высланным в 1895 г. (имя его не сохранилось).

Немного позднее в Костроме уже набралась небольшая группа соц. демократов, к которым примкнули некоторые местные интеллигенты.

Было положено начало нелегальной с. д. библиотеке, организована рабочая касса, и нелегальная литература стала довольно широко распространяться среди рабочих.

Делать это приходилось очень осторожно, чтобы, при раздаче вместо сочувствующего, не наткнуться на предателя и не провалить тех рабочих, которые уже стали намечаться, как руководители. „Помню", рассказывает в

своих воспоминаниях рабочий Сысоев, „как я познакомился с ячейкой Р. С. Д. Р. П. Сначала меня устно знакомили с тем, что представляют из себя правительство и фабриканты. И только когда стали считать меня надежным, начали давать мне и литературу, а также и поручения подбирать товарищей понадежней. Собирались для бесед мы больше в портерной, за бутылкой пива или ввиде прогулки. Передовыми были тогда Набегин, портной Николай Лукич, Влад. и Вас. Балашовы, Яков Волчков". [1])

Первое руководство соц.-демократами стачкой Костр. рабочих можно отнести к 1896 г. [2]) когда у с. д. установились уже порядочные связи с рабочими. Кружок, руководимый с. д., явился инициатором стачки на Зотовской ф-ке. Было выпущено воззвание, хотя и без подписи из конспирации, организовалась денежная помощь.

Поводом к стачке послужило понижение расценка и обсчитывание ткачей на вырабатываемых ими кусках полотна, которое проводилось при помощи особого приема, носящего название „примерок" и основанного на технических особенностях ткацкого станка.

Толчком к этой стачке было также и знакомство рабочих, через нелегальную литературу, со стачкой 30.000 петербургских рабочих.

Сохранились такие подробности: вечером 24 сентября к Костромскому фабричному инспектору Горбунову явились депутаты от рабочих. Инспектор их не принял, а распорядился выгнать.

Возмущенные рабочие решили на другой день на работу не являться, а собраться перед фабрикой (не входя туда, чтобы не оказаться запертыми) для переговоров с Горбуновым. (самого Зотова в Костроме не было). Когда инспектор снова грубо обошелся с рабочими, обругав их „фабричной рванью", послышались со стороны рабочих свист и крики „дурак". Через час Горбунов приехал с полицеймейстером Власьевским и приставом 2-й части и обратился к рабочим с угрозами Особенно возбудила рабочих речь Власьевского, прозванного в Костроме „Ванькой-Каином".

„Ведь вы, господа, не крепостные, вам никто не мешает уйти, если здесь не нравится", необычно любезно обратился он к рабочим. „Куда уйти, после того, как мы здесь растратили свои силы и здоровье, уйти с семьями на руках? Остается только идти воровать"...

— „О, здесь петербургские агитаторы действовали," вот как ответил представитель власти на выражение рабочими своей нужды.

Стачка продолжалась. Рабочие, руководимые с. д., вели себя выдержанно и спокойно, нелегальная литература читалась нарасхват. По вечерам происходили собрания. На третий день стачки назначили за городом сходку для обсуждения положения дела. Начали собираться. В это время некоторые увидали пристава, искавшего собрание. Пришлось группе человек в 25 уйти в чайную. Там избрали главного руководителя стачки. Для обеспечения его семьи на случай расправы с ним обещали собрать ему по 20 коп. с каждого рабочего.

Рабочие пред'явили в письменном виде такие требования: 1) оставление на зиму летней расценки, 2) уничтожение примерок в куске выработанного полотна, 3) смещение управляющего в ткацком отделении, грубого с женщинами, 4) освобождение рабочих от обязанности переносить машины и сырые материалы, 5) сокращение рабочего дня с 13 до 9 час. [3]) 6) прием в фабричную больницу членов семейства рабочих и добросовестное отношение к больным медицинского персонала.

На 5 или 6 й день стачки полиция арестовала нескольких рабочих: Шипунова, Каратаева, Цицерина и Симановского. Последнего за то, что он да-

---

[1]) Влад. Балашов погиб в японскую войну.

[2]) Об этом говорят и личные воспоминания рабочих костромичей участников стачки (А. А. Симановский „Известия Губкома" № 16).

[3]) На одной прядильной ф-ке Сидорова в Костроме существовал в то время 9-ти час. рабочий день.

вал забастовавшим в кредит товары из лавочки своей жены. Как ни старались жандармы выведать фамилии „вожаков," арестованные все дружно отвечали: „никаких у нас зачинщиков не было, все сразу решили и не пошли на работу". Через несколько дней всех арестованных выпустили. По улицам фабричного района была расставлена полиция, переодетые жандармы и шпионы старались проникнуть везде. Распускали слухи о штрейбрехерах-ярославцах. Губернатор вызывал к себе рабочих, убеждал их, грозил тюрьмой. Все же рабочие продержались 2 недели. Через местных с. д. присылали забастовщикам деньги Московский рабочий союз. Московская студенческая организация, Петербургский „союз борьбы за освобождение рабочего класса". Рабочие других Костромских фабрик собирали деньги товарищам. делались усиленные сборы среди местной интеллигенции. Даже гимназисты гор Вязьмы Смоленской губ. и те помогли Зотовцам

Часть требований удовлетворили и, главное, администрация стала разговаривать другим тоном.

Зотовская забастовка наделала в Костромском обществе много шуму — дело о рабочих-„подстрекателях" разбиралось в Окружном суде. Те, кто считали Зотова передовым человеком за его статьи по рабочему вопросу в русском Богатстве, убедились, что он такой же эксплоататор, как и другие. А рабочие—эти „пьяницы и буяны"—поразили всех своей стойкостью.

Известие о Зотовской стачке попало даже в правительственное сообщение о Московских студенческих безпорядках 1896 г, а именно сообщение о пожертвовании стачечникам.

Во время Зотовской забастовки на соседней Кашинской ф-ке сделали некоторые уступки рабочим.

„В 1896 году на ф-ке Кашина было организовано первое частичное „рабочее движение в отделении гекля, которое было сорвано директором: рабочим была сделана прибавка 65 к. в день", рассказывает рабочий Сысоев.

Наиболее видные рабочие Зотовской ф-ки после стачки получили расчет и должны были как и часть интеллигенции с. д. уехать из Костромы. Влияние на рабочих получили отчасти культурники с народническими взглядами, отчасти вновь возникший в 1897 г. кружок интеллигентной молодежи, работавший без определенной программы. Среди этой группы выделялся один убежденный с. д. рабочий Дмитрий Антонович Семенов, очень умный и энергичный человек, вступивший годом позднее в Петербургский Союз Борьбы и умерший от туберкулеза в 1898 г. Говорят, будто бы полиция преследовала его до самой смерти и, придя с обыском, нашла его уже лежащим на столе. По его инициативе была устроена рабочая касса, в которую входило 40 рабочих, бывали вечеринки для связи с рабочими

Осенью 1898 г. полиция напала на след одного кружка. Арестовали рабочего Василья Кулакова, производились обыски у слесаря Форсова и чиновника Лебедева. Из предосторожности местные культурники стали постепенно прекращать свою работу. В то время существовало еще несколько кружков учащихся, изучавших политическую экономию.

Летом в 1897 г. возникла стачка в фабричном селе Кинешемского уезда Наволоках. Туда тотчас направили из Костромы нелегальную литературу.

В рабочих кружках того периода читали Писарева, Добролюбова, Белинского, Скабичевского, разсказы Чехова и Златовратского, биографии революционеров, Наемный труд и капитал, Беллами. Часто с. д литературу получали из других городов, например с приезжающими на каникулы студентами. Не всегда литература попадала к рабочим, иногда заваливалась месяцами. После смерти Семенова его кружок, проявивший при нем кипучую деятельность, распался, большая часть его членов переселилась в деревню, удовлетворяясь более работой среди крестьян.

Перед 1 мая был перепечатан первомайский листок Петербургского союза борьбы.

В июле 1998 г. в Костроме были аресты среди рабочих, нашли нелегальную литературу, гектограф Это помешало попыткам завести связь с Костромскими рабочими Петербургской организации „Рабочее Знамя".

Осенью 1898 г. отмечается забастовка среди возчиков Чумаковской ф-ки. Мысль об этом подал один возчик, затронутый с. д. пропагандой. Угроза забастовать подействовала, и плату за мешок повысили.

В ноябре 98 г. арестованы в Казани студенты Костромичи: Потехин, Рейпольский, Беликов и Крутиков. Многих Костромских рабочих в связи с этим, таскали на допросы,пытаясь создать „дело". И только позднее в 1900 г. и 1901 г. арестовали почти всех, фигурировавших в деле „казанцев"...

Столичное студенческое движение 1899 года произвело на рабочих сильное впечатление. На пасхе 1899 г. в Костроме скопилось много сосланных студентов, устроили катанье на лодках. Когда проезжали с пением мимо фабрики—послышались бурные приветствия. Один студент произнес горячую речь. Полиция проспала этот момент сближения пробуждающихся рабочих с революционерами, хотя все время пыталась помешать знакомству рабочих со студентами.

„За знакомство со студентами я был вызван в жандармское управление, где впрочем отделался только замечанием да „особым надзором", пишет в своих воспоминаниях рабочий Скворцов.

Из студентов в памяти рабочих особенно сохранились имена Бориса Дмитриевича Яковлева и Бориса Александровича Федорова.

В ночь с 16 на 17 августа 1899 г. в фабричном районе расклеили прокламации с призывом к борьбе за свержение самодержавия. Указывалось, что если Николай II не даст свободу, с ним будет поступлено, как с Александром II. Прокламации были написаны от руки, подписи не было. Всего их было 40-50 экземпляров. Возможно, что это являлось работой одного лица, по крайней мере так думала полиция, спокойно реагировавшая на это. Рабочие много толковали по поводу прокламаций и приписали их студентам.

Летом 1899 г была забастовка малолетних на Михинской фабрике. Ребята вдруг заявили мастеру, что прекратят работу, если им не увеличат плату. Крик мастера не подействовал. „Забастовщики" бросили работу и пошли гурьбой купаться. Один было хотел вернуться к станку, но ему пригрозили, и он остался со всеми. Между тем многие взрослые рабочие вели в это время полевые работы, заменить подростков было некому, и пришлось их удовлетворить. Вместо 15 к. стали получать 20 к. Осенью 1899 г. в Костроме собралось несколько человек соц.-демократов, им удалось связаться с рабочими, затронутыми пропагандой предыдущих и в январе 1900 г. было положено начало соц.-демократической организации и выделен комитет. Но уже в феврале и марте начались обыски и аресты, арестовали статистика П. Н. Третьякова, портного Ник Лук. Плугина. портного Лукова, рабочего Кузьму Лаврова и Румянцева. Произвели более ста обысков у рабочих, нашли много нелегальной литературы, большинство было привлечено, но не арестовано. У одного из арестованных нашли список членов легальной рабочей кассы.

На допросах держались плохо и много себе повредили.

Много нитей для арестов дала жандармам эта легальная касса взаимопомощи. При ее организации разрешались даже собрания, правда в присутствии жандармского офицера Пормян.

Но утверждение устава все оттягивалось, причем губернатор требовал новые подписи, лиц более благонадежных. Все, дававшие подписи, были арестованы.

В мае 1900 года рабочие, наконец, получили утвержденный устав. „Вызвали во 2-ю полицейскую часть, чтобы расписаться на каких то пустяшных бумагах, и нас всех показали сыску", пишет рабочий Скворцов.

В 1900 году был организован кружок рабочей молодежи, но вскоре благодаря провокации рабочего Кашинской ф-ки чесальщика Ал. Кашина, члены кружка Скворцов, Смирнов Серг , Плугин Ник. и др. были арестованы и высланы.

Весной 1901 г. обвиняемые по делу 1900 г. получили приговоры: большинство высылку на 2 г в разные губернии и некоторые тюремное заключение на такой же срок.

Провалы и слежка не помешали все же организовать рабочую кассу. Как раз группа рабочих, входившая в нее, в августе 1900 г. и приняла название Социал-демократической группы, входящей в состав Р. С. Д. Р. П. и выпустила за этой подписью листок к рабочим завода Прянишникова [1]).

Листок этот был обращен к маленькому заводу только потому, что как раз там работал один из активных членов группы, он и позаботился прежде всего „о своих".

После ареста в Костроме 2-х Московских студентов Горского и Кутукова по делу с'езда тайных студенческих организаций в Одессе и исполнительного комитета студентов Московского университета жандармерия долго таскала на допросы рабочих, пытаясь найти членов соц.-дем. группы.

Уличные демонстрации 1901 г. в Петербурге. Москве, Харькове, Казани, Киеве и Томске приподняли настроение и у Костромских рабочих. Промышленный кризис, отразившийся на положении рабочих в этом росте настроения также сыграл свою роль. Стали в Костроме поговаривать о 1 майской демонстрации. В апреле в рабочих кварталах появились 3 чел., агитировавшие за маевку, повидимому приехавшие соц.-революционеры. Было назначено рабочее собрание для решения вопроса о маевке, но оно не состоялось по случаю новых арестов.

Слухи о маевке дошли до жандармского полковника Кемпе. Жандармерия заволновалась и 13 апреля были арестованы рабочие: Корсаков (он же Катков), Соколов Никандр, Гвоздев, Смирнов Сергей, две сестры Семеновы, Михаил Барабанов. Кроме того служащие: Егор Иванов, Скрипкин Ив. Фед., Алексеев Леонид, Дмитрий Прянишников. Геннадий Прянишников (выпущенный на другой день), портной Плугин, Василий Буянов, садовник Коленцев. Были высланы в разные места К. И Барабанов. Белов Павел, Никандр Соколов, Семеновы, Махов, Курбиков (оказавшийся провокатором).

Арестованы были также: Загайный Алексей, ученики механико-технического училища; Глеб Грейберг, Вл. Федоровский и Ляшкин, студент Алексей Кутуков, Ал. Горский, Ник. Медиакритский Последние скоро были выпущены. Обысков было тоже не мало Перед 1 мая губернатор дал распоряжение держать все время наготове 40 чел. солдат с заряженными ружьями на случай демонстрации. На улицах фабричного района опытный глаз мог заметить много переодетых шпионов и жандармов. Нелепые аресты и обыски заставляли рабочих интересоваться тем, что происходило. Нелегальную литературу читали нарасхват, каждое неосторожное слово жандарма быстро разносилось.

„Дай вам 8 час. рабочий день", так вы нам головы поотрываете, закричал полковник Кемпе на допросе на одного рабочего. Эти слова быстро облетели фабричный район. Все взбудораживало рабочих, приподнятое настроение все росло.

В июле соц.-дем группа выпустила к рабочим воззвание о присоединении к Р. С. Д. Р. П. Делегат от Костромской группы присутствовал на 2-м с'езде соц.-дем. Северного района, на котором было положено начало Северному Союзу Р. С Д. Р. П.

---

[1]) **Из прокламации: „К рабочим завода Прянишникова".**

„Тяжело живется рабочему человеку. Унижение. Оскорбление. Низкая заработная плата... Особенно тяжело живется у нас сдельщикам, приготовляющим кряжики на катушки, начинают они работу с 3 4 часов утра и работают до 8 вечера и за весь день успевают приготовить только тысячу кряжиков, получая за этот каторжный труд (17 часов) 70 копеек. Пуск машины раньше срока. Штрафы. Расплата товаром.

„Ведь и мы тоже люди, ведь и рабочий человек хочет облегчить свое тяжелое положение. Прошло уже то время, когда он покорно подставлял свою спину"... „Пора позаботиться об улучшении жизни"... Требования.

«Вставай подымайся рабочий народ» и пр. Костромская Соц. Дем. группа.
Август. 1900 г.

В июле же жандармерия произвела новый ряд обысков, арестованы рабочие Яшин и Самохвалов, народный учитель Николай Васильевич, фельдшер Дмитрий Востров, статистик Вас. Ник. Соколов, стат. Ник. Петрович Грацианский, бывший студент Лесн. Инст. Ник. Пав. Богданов, бывший в Костроме под особым надзором полиции и даже отставной унт. офицер Лебедев, техник Врублевский.

В сентябре был арестован рабочий Ник. Белов, привлекаемый по делу 1900 г., получил 3 мес. тюрьмы и 2 г. высылки, но не отбыв срока заключения, выпущен на свободу. Белову предлагали стать шпионом и, не добившись согласия, снова арестовали.

Осенью 1901 года костромичи призывники, захваченные общим настроением, отказались от присяги.

В январе 1902 г. Костромским Комитетом группы выпущено воззвание к обществу [1]), а в новый год раскидано и расклеено в фабричном районе 450 экз. новогоднего воззвания к рабочим [2]). Листок читался рабочими вслух целыми группами, в чайных и даже в самой фабрике.

---

[1]) **К ОБЩЕСТВУ.**

Русское правительство в стремлении своем доказать, что все обстоит благополучно, не останавливается ни перед какими средствами. Живая жизнь однако не хочет и не может укладываться в тесные рамки жандармско-полицейского режима и рвется наружу. Число фактов открытого протеста различных слоев населения все возрастает, и слухи о них, хотя и в намеренно искаженном правительством виде, доходят до общества. Правительство, чтобы оправдать ту исключительную жестокость, с которой оно преследует протестующих, считает достаточным назвать их „революционерами", „политическими преступниками" и действительно, это название внушает какой то мистический страх запуганному обманутому обществу.

Наша задача—об'яснить обществу, что же такое на самом деле политический преступник в России. К какой бы партии они по названию не принадлежали, все усилия их одинаково направляются к одной ближайшей цели—свержения того ига бесправия, произвола, насилия, в котором держит всю Россию самодержавно правящая от имени одного человека шайка чиновников, стоящих выше закона. Смелые честные люди, которым стал невыносим теперешний порядок вещей. „революционеры", борются как только могут и умеют с самодержавным правительством. Они добиваются от России права свободно говорить, писать, что думаешь, права не опасаясь преследований, верить так, как велит совесть, права неприкосновенности всякого от физического насилия, будь то розги, кулак городового или казацкая нагайка, права для страны управляться через действительных своих представителей. Тяжела и неровна борьба.

Правительство, имея в своем распоряжении войска и целые своры полицейских шпионов, жандармов, зверски подавляет всякую попытку протеста против существующего порядка вещей, сотнями хватает подозреваемых в политическом преступлении и держит в тюрьмах по году и более. О том, что творит там с ними эта новая инквизиция, можно судить по десяткам ежегодно сходящих с ума или кончающих самоубийством. Угроза уморить себя голодом—вот единственный способ для заключенных отстаивать свое человеческое достоинство от наглых посягательств лиц, производящих дознание.

Русское общество, нашедшее в себе достаточно нравственных сил и материальных средств помогать бурам, храбро отстаивавшим свою свободу где то далеко в Африке, не может не прийти на помощь лучшим своим представителям в трудной борьбе за свободу. Долг каждого, в ком многолетний гнет не задавил еще окончательно чувства чести и человеческого достоинства, облегчать сочувствием и материальной поддержкой положение тех, кто в борьбе за попранные человеческие права не останавливается ни перед какими жертвами.

Костромской Комитет.

Данный листок помещается почти целиком, как очень характерный для периода в революционном движении, который, в отношении к другим партиям, как либеральным, так и социалистическим, определялся так: „врозь итти, вместе бить", т. е. расходясь в программе и тактике с другими партиями, все же итти вместе с ними до момента свержения самодержавного правительства, как общего врага.

[2]) **К КОСТРОМСКИМ РАБОЧИМ.**

С Новым Годом, товарищи!

«Пусть Новый Год даст нам новые силы и новые победы в борьбе за улучшение нашего положения»... Положение рабочего... Чего добились рабочие заграницей... Переход русских рабочих от одной экономической и к политической борьбе „с верным другом и защитником капиталистов правительством. Демонстрации рабочих в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве Казани и Томске...

«Станем же, товарищи, раз'яснять менее сознательным из нас те подлости, которые творит над рабочими наше царское правительство. Будем больше распространять запрещенных

Жандармерия выбивалась из сил, ища виновников, заподозрила в распространении листков рабочего Муракина, арестовала его, но за неимением улик через 3 дня выпустила.

Следующим листком, разосланным комитетом был оттиск статьи „Исторический поворот“ из листка „Рабочего дела“. Это предназначалось для интеллигенции и было выпущено только в 60 экз.

В конце января комитет выпустил отпечатанную на гектографе брошюру: „Как держать себя в тюрьме и на допросах“. 18 февраля были разбросаны прокламации о значении крестьянской реформы [1]), 2 экз. наклеили на дверях жандармского управления, а один - на дверях участка. Это произвело впечатление. Вечером 19 февраля к фабрикам были двинуты 2 роты солдат, постояли и ушли—„бунта“ не оказалось.

Полковник Кемпе, ожидая выступления рабочих, поставил в ночь на 20 февраля наряд полиции в государственный банк. Все сторожа были вооружены отточенными шашками и заряженными револьверами.

На другой день утром полиция арестовала у фабрик какого то мужчину с узелком в руках, показавшегося ей подозрительным. Проходившие мимо рабочие избили полицию, отбили арестованного, который тотчас-же скрылся. Между другими был арестован крестьянин „за чтение прокламаций“ и только в участке, в ответ на ругань пристава, тот смиренно пробормотал: „Ваше Высокоблагородие, да я грамоте то не знаю“. Оказалось, неграмотному сунули в карман прокламацию.

В ночь на 1 марта жандармерия устроила облаву, было произведено до 30 обысков и арестованы рабочие Чекалев и Каратаев, только что вернувшийся из ссылки Петерб. рабочий Шиманович и ряд других лиц, даже часть таких, которые не знакомы были с нелегальной литературой. Комитет выпустил 8 марта новое воззвание к интеллигенции о денежной помощи арестованным [2]).

Таким образом до 1903 года, как слабо было рабочее движение, так и несовершенны формы сыска.

книжек, будем об'единяться, станем устраивать кассы на случай стачки. Составим одну дружную родную семью и пойдем рука об руку против всех наших угнетателей“..

Да здравствует рабочее движение, политическая свобода, соц. демокр. рабочая партия...

Смело, товарищи, в ногу...

Костромск. комитет Р.С.Д.Р.П.
Январь. 1902 г.

[1]) **19-го ФЕВРАЛЯ.**

После изложения истории крепостного права и его падения прокламация заканчивалась так:

«Пожелаем же в великий день 19 февраля, в день падения крепостного рабства, чтобы русские рабочие, тесно сплотившись в дружную рабочую семью, скорее завоевали себе полную свободу от гнетущего их царского правительства и капиталистов Пусть скорее падут также как и крепостное право и новые, скованные вместо крепостных цепи фабричной кабалы. Но только на этот раз свобода будет дана уже не милостью защитника капиталистов и помещиков—батюшки царя, от которой рабочий люд попал лишь в новые цепи, а ее добудут себе путем упорной борьбы сами рабочие».

Да здравствует рабочее движение. Да здравствует руководящая им Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Да здравствует политическая свобода.

Вставай подымайся рабочий народ,
Вставай на врага брат голодный,
Раздайся крик мести народной
Вперед, вперед, вперед.

Костромск. комитет Рос. Соц.-Демокр. Раб. Партии.
18 февраля 1902 г.

[2]) **К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.**

«Снова обыски, аресты... Опять Костромск. острог полон политическими заключенными.. Ни один Костромск. обыватель не гарантирован от того, что его арестуют только за то одно, что его наружность показалась подозрительной какому-нибудь жандармскому унтеру».. Призыв о денежной помощи.

Костромск. комитет Р.С.Д.Р.П.
8 марта 1902 г.

1903 год.

Начало 900-х годов, которое ознаменовалось затяжным промышленным кризисом, было новым этапом в развитии рабочего движения. Стачки перестали быть единичными фактами, они теперь захватывают целые производства в ряде городов. Из чисто экономических они все более начинают окрашиваться в политический цвет С.-д. комитеты, руководя экономической стачкой, стараются использовать каждое столкновение, чтобы осветить его с классовой точки зрения, чтобы указать на роль правительства в борьбе труда с капиталом. Классовая борьба—есть борьба политическая,—вот в чем начинают определенно убеждаться рабочие Политические требования программы Р. С. Д. Р. П. становятся популярными в массах.

1903 год называют предтечей 1905 года.

Летом на втором всероссийском партийном с'езде принята программа, и партия твердо берет в руки руководство рабочим движением. Усиливаются и репрессии.

В то время, как за предыдущее трехлетие с 1898—1900 г. было арестовано по России 385 человек, высланных—454 чел. С 1901—1904 г. число арестованных равняется 1203 чел., высланных 1783 чел. [1]).

В Костроме 1903 г. отмечается забастовкой на Михинской фабрике, продолжавшейся 6—7 дней.

Настроенные революционно рабочие решили итти к дому губернатора с красным флагом. Демонстрантов встретила полиция и казаки Несколько человек было ранено, масса перепорото нагайками. Полиция озверела—врывалась в дома наиболее активных рабочих, арестовывала их, избивала.

Рабочие геройски защищались. На солдатской улице возле фабрики были попытки даже строить баррикады, разбирали мостовую и „отстреливались" камнями. Разгромили квартиры фабричной администрации. Усиленно помогали старшим подростки.

Много рабочих поплатилось тюрьмой и ссылкой.

Арестованы были: Куранов, Батуговский, Петровский, Матвеев, Барабошкин, Чемочкин и др.

Несший знамя рабочий Куранов вскоре погиб, при побеге из Сибирской тайги, куда он был сослан.

Думают, что эта демонстрация, эти ненужные жертвы, были плодом провокации—игравший тогда, да и позднее, большую роль удивительно энергичный рабочий с.-р. Иван Батуговский оказался впоследствии провокатором.

С этого побоища Михинский сквер стал дорогим местом для рабочих, освещенным пролитой кровью.

Товарищи! Много нам пришлось пережить и перечувствовать за последние дни, пишет в прокламации от 1 июня Костромской Комитет Р. С. Д. Р. П. Столько ужаса, жгучей боли за избиваемых и убитых товарищей., жажды мести, острой злобы и ненависти к нашим врагам! Среди той горячки, в которой мы жили все это время, некогда было внимательно оглядеться кругом. Теперь однако, пора уже оглянуться на все происшедшее и выяснить его значение.

Дело началось стачкой на фабрике Бельгийского Анонимного О-ва мануфактур Гратти, Жерар и Михиной. Постоянные штрафы,—часто незаконные—придирки разных негодяев из мастеров и администрации, подчас кулацкая расправа, постоянные сбавки с заработной платы и всякого рода надувательства при рассчетах. После пасхи Администрация фабрики понизила заработную плату до таких пределов, которые не давали возможности существовать даже и впроголодь. Забастовавшие рабочие, как Вы знаете, обращались со своими жалобами и к фабричному инспектору и к губернатору. Однако

[1]) Н Батурин. очерк истории Социал-демократии в России. стр. 85.

и это не помогло и кулаки фабриканты упорно отказывались удовлетворить требования рабочих. У рабочих остался один исход—обратить внимание всего города на свое положение, на свои законные требования и 8-го Мая они устроили уличную демонстрацию. Как отнеслись власти к этой демонстрации? А они послали на мирно идущую толпу свою полицейскую и жандармскую свору, и эти свирепые псы устроили в центре города, при свете белого дня, на глазах изумленной публики, дикую бойню. Жандармы и полиция били кого попало и чем попало, били в лицо, валили на землю, истязали беременных женщин. Вызваны были на подмогу две роты солдат, но к счастью они опоздали и не были пущены в дело. Так вот как вступились за обобранных изголодавшихся рабочих царские слуги. Правительство живет в согласии и союзе с обирателями капиталистами. А рабочий является их общим врагом. Не тот рабочий, который как вол, покорно гнет свою спину и позволяет себя обирать, а тот, в котором пробудилось его человеческое сознание, который хочет правды в жизни и добивается своих прав.

Так будем же, товарищи, стойко бороться за свободу и за свои требования, заканчивается прокламация. Не будем бояться жертв, которых потребует от нас эта борьба. Наша победа близка. Заря свободы уже светит над нами и загорается все ярче и ярче.

Дружно товарищи в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью пробьем мы себе.

Да здравствует политическая свобода.
Да здравствует выборное народное правительство.
Да здравствует восьмичасовой рабочий день.
Да здравствует равенство и братство людей.
Да здравствует вождь рабочих — Российская Социал Демократическая Рабочая партия.

С осени 1903 г. начинают усиленно работать кружки. Главными организаторами их являются Константин Иванович Барабанов, Михаил Васильевич Задорин, Гамозин, Иван Константинович Вульпе и др. рабочие, ярко выделившиеся уже в то время, как вожаки массы.

О том, какую роль играла эта первая рабочая революционная интеллигенция, можно судить по любопытному письму—анонимке, автором которого является какой то услужливый осведомитель жандармского Управления.

„Ваше высоблагородие, господин полицымейстер [1]), спокорной квам прозбой бутте настоль любезны возмите сихъ означенныхъ негодяевъ которые делаютъ вредъ всему народу и распространяютъ политику даже вбунте были первые бунтовщики первой Андрей Ипатовъ Виноградовъ онъ въ части лично подалъ помощнику политическую книшку второй Михайло Задоровъ живетъ у Кашина воткацкой третей Митрей Борноволоковъ ето люди самые первые политиканты и бунтовщики Виноградов и Борноволоковъ у Зотова в фабрике. Да прикажите фабриканту штобы етакую дрянь в фабрике не держали."

Занимались в кружках в качестве пропагандистов большею частью учащиеся, часто слишком молодые, но зато горячо преданные партии, революционно настроенные, глубоко убежденные, что этой работе они должны посвятить себя целиком. Это был для революционной молодежи период беззаветной преданности революции, стремления забыть себя, отдать манящую и радостную жизнь во имя чего то, еще более манящего, во имя светлого будущего, во имя победы.

Громадную роль в росте революционного сознания рабочих играла нелегальная литература, которую распространяли тогда в большом количестве.

У Ц. К. Р. С. Д Р. П. была установлена прочная и тесная связь с местными организациями, число которых выросло тогда до 36.

[1]) Письмо помещается с сохранением орфографии.

Михинский сквер—место рабочих митингов в 1905 году.

В течение года было издано в России и перевезено из-за границы около 300 пудов литературы. Только Ц. К. издал 69 названий брошюр и прокламаций в количестве более миллиона экземпляров. [1])

Местный Комитет поставил хорошо дело издания листовок, в них отражалась рабочая жизнь, немудрено, что читались эти новые еще для рабочих воззвания нарасхват.

Были специальные листовки и „к обществу".

Студенческие беспорядки, в 80-х и начале 90-х годов, служившие почти единственной формой массового протеста против безобразий нашего политического режима, за последние годы отодвинулись уже на задний план перед более грозными проявлениями политического недовольства со стороны более глубоких слоев населения [2]). У нас стали обычным явлением политические уличные демонстрации, в которых принимают участие не только студенты и интеллигенция, но и массы рабочих.

Агитация и пропаганда различных революционных партий получила у нас за последние годы самое широкое развитие.

Когда плотно сколоченный тяжелым молотом исторической необходимости старомодный ковчег нашего государственного порядка под напором новых веяний, новых реальных сил, выдвинутых на сцену ходом той же истории, трещит, расползается по всем швам.

Из всех течений, под непрерывным натиском которых содрагается и стонет этот ковчег, наиболее прогрессивным, жизненным и способным к дальнейшему развитию выказало себя рабочее ввижение, руководимое революционной социал-демократией.

Эпоха узко-экономической борьбы уже миновала, рабочие массы, руководимые сознательными элементами, выступили на широкую арену борьбы за политическую свободу и слились в одну боевую армию с революционной, социалистической частью интеллигенции. И вот уже несколько лет под ряд движение растет и ширится.

Даже наша богохранимая Кострома, из которой хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь, за последние годы приобщилась к политической крамоле, а в самые последние дни сделалась свидетельницей событий, ясно показывающих, что и для нас патриархальные времена, всеобщей гармонии интересов миновали, что и у нас серая рабочая масса просыпается и уже начала созревать для сознательной борьбы с существующим режимом.

В Костроме и вдруг... Политическая демонстрация...

Это ли не доказательство того, что и в широких кругах рабочего населения просыпается ясное сознание того бесправия и гнета, среди которых мы живем, просыпается новое стремление к политической свободе и человеческой жизни. Но что сделало общество, что сделала наша интеллигенция для того, чтобы поддержать эту святую искру, не дать ей заглохнуть, чтобы сознательному политическому протесту, пробудившихся масс не дать выродиться под влиянием голода и отчаяния в простое животное озлобление, в дикую расправу с ближайшим бельмом на глазу—непосредственным угнетателем. Увы на этот вопрос приходится отвечать печальным „ничего".

Сколько нибудь активного отношения к совершившимся событиям, сколько нибудь живого на деле обнаруженного, а не платонического сочувствия к задавленным и голодающим рабочим со стороны местного общества в широком смысле слова мы не видели. Так пусть же наше общество, пока еще не поздно соберет свои лучшие силы, заканчивается 4 листовая прокламация, пусть об'единится оно для борьбы с правительством, пусть окажет активную поддержку революционным силам. На каждое проявление революционной борьбы со стороны рабочего класса пусть общество отзовется живым сочувствием, на каждую меру правительственной репрессии активным протестом, взрывом негодования. И пусть оно не забудет, что всякая активная сила в борьбе руководится лозунгом: „Кто не за нас, тот против нас".

Костромской комитет Российской Социал Демократической Рабочей Партии.

Июль 1903 г.

В сентябре была выпущена Костромским Комитетом длинная прокламация, где рабочих подробно знакомили с движением в других городах. Расска-

[1]) Н. Батурин. История социал-демократии, в России. стр. 103.
[2]) Листок Костромского Комитета, выпущенный в июле 1903 г.

зывалось, где какие требования выставляли рабочие, сколько их участвовало в забастовке, как с ними расправлялось правительство.

Об'единяйтесь же товарищи, заканчивается прокламация, идите вслед за вашими южными братьями. Будите сознание ваших товарищей и силой увещания заставляйте их становиться в ряды борцов за великое дело освобождения рабочего класса. Идите все под знамена признанного вождя русских рабочих—Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Уже недалек тот день, когда этот вождь поведет нас на последний окончательный штурм крепости самодержавия, когда падет эта ветхая преграда на пути рабочего движения и русские рабочие сомкнутыми рядами пойдут к великой цели осуществления социалистических идеалов. Пусть же и Костромские рабочие, уже вступившие на путь борьбы, не отстанут в ней от своих южных товарищей, пусть и они пополнят собой ряды смелых борцов за свободу, пусть они в первых, а не последних рядах.

Да здравствует же рабочее движение!

Да здравствует грядущая революция!

В октябре 1903 г. Костромской Комитет призывает рабочих к всеобщей забастовке.

„Что же делать теперь, когда терпение иссякло. Будем бор ться теперь же, но привлечем к борьбе всех Костромских рабочих Пусть станут все фабрики, все заведения и поддерживая друг друга, потребуют лучших условий труда: повышение расценка, сокращения рабочего времени, уничтожения штрафов, человеческого обращения

Усиленная работа по разброске прокламаций заставила жандармерию напрячь все свои силы для подавления „крамолы". Одним из верных способов розыскать „крамольников„ является привлечение к себе на службу так называемых „агентов охранного отделения", заклейменных рабочими позорной кличкой „шпик". Таким „свидетелем", как деликатно его называют жандармы в своих донесеньях, явился рабочий Павел Арсеньевич Кубриков. Многие рабочие обязаны ему своими преследованиями.

„Из показаний свидетеля П. А. Кубрикова видно", читаем мы в донесении жандармского ротмистра от 10 ноября, „что К И. Барабанов состоит членом преступного сообщества, что он был в близких сношениях со скрывшимся А. П. Завариным и высланным из Костромы Тихоном Ив. Поповым.

Рабочие М. В. Задорин, Пучков, Борноволоков, Лапшин, разбрасывавшие вместе с Барабановым в ночь на 10 ноября прокламации, попадают в тюрьму тоже по милости „свидетеля" Кубрикова.

У Барабанова находят при обыске 86 экземпляров „преступных" изданий.

Арестовывается вскоре Кологривский мещанин Василий Александрович Козлов, который—по доносу одного из тайных агентов—вызывался в Галич для получения инструкций по ведению пропаганды среди фабричных рабочих.

Доносят на Павла Лебедева, снабжавшего Кострому прокламациями из Ярославля, и он после обыска, попадает в тюрьму. В этом же месяце жандармерии посчастливилось: приезжает в Кострому некто Иван Арсеньевич Санжур с 2 пудами запрещенных изданий. Арестуют вместе с ним доктора медицины Парижск. Университета Марию Семеновну Ширскию, пред'являя ей обвинение в содержании конспиративной квартиры. Бывший учитель Ник. Вас. Романов, слесарь Кулицкий, служащая София Алексеевна Загайная тоже попадают в руки жандармерии, как активные работники по распространению нелегальной литературы.

Больше всех жандармерию, очевидно, интересует Санжур, явившийся кстати в Кострому с чужим паспортом и оказавшийся позже гражданином Кубанской области.

В ночь на 2 декабря на шоссе находят неизвестно кем разбросанные прокламации, отпечатанные на мемиографе, и 12 экз. брошюры „Государственное устройство". Дело о разброске прокламаций разрастается.

Арестованные волнуются.

Козлов об'являет голодовку и уже после недели пишет длинное письмо, на которое начальство распоряжается ответить: „об'явить лично Козлову, что дознание ведется без замедления".

Между тем Северный Комитет выпускает листок к учащейся молодежи „мученикам школьного режима" по поводу трагической смерти застрелившегося в Петербурге ученика Влад. Бажина. Распространяется листок Военно-Революционной организации к новобранцам. „Пусть знает народ, что мы его дети, и когда наступит час, мы будем в первых рядах борцов за его свободу и счастье".

В ноябре комитет выпускает листок по поводу суда над участниками демонстрации.

„28-го октября судили наших товарищей за стачку, бывшую летом в этом году на фабрике анонимного общества „Гратри, Жерар и Михиной". Судили их не судом присяжных, не судом сословных представителей и не как политических, а как уголовных. Приговор вынесли неожиданный для российских подданных, привыкших к каторжным приговорам по отношению к „бунтовщикам" за последнее время. Из 24 подсудимых оправдано 18, остальных приговорили: Потапова к 2 годам, Киршанова (он же Барабошкин) к 1 году арестантских рот, других четверых к тюремному заключению от 3 до 6 месяцев. Почему царскому правительству понадобилось судить наших товарищей как уголовных, а не как политических, как оно до сих пор поступало со всеми стачечниками? Чем об'яснить такой легкий, сравнительно, приговор в наше смутное время? Чем об'яснить разговор губернатора с судьями, происходивший до суда, в котором губернатор внушал судьям отнестись по возможности легче к подсудимым и стараться обходить все носящее политическую окраску? На все эти вопросы не трудно ответить. Правительству не выгодно выставлять Костромских рабочих, как сознательных борцов за политическую свободу: оно хочет уверить своих врагов в том, „что на Севере у него все обстоит благополучно", что рабочий если и взбунтовался, то только как полуголодный человек, но не как сознательный борец за интересы рабочего класса. Напрасно правительство старается умалить значение грандиозной борьбы Костромских рабочих. На Севере, как и везде русский рабочий сознательно борется за интересы рабочего класса, за лучшую жизнь, за политическую свободу.

Новая тюремная голодовка в декабре Северным Комитетом отмечается новым обращением к Костромским рабочим.

„В тюрьме опять голодовка. Давно ли нашим товарищам пришлось голодать 19 дней для того, чтобы добиться приговора по своему делу. Давно ли грозной тучей висел над нами вопрос о жизни и смерти этих товарищей. Всего месяц тому назад закончилось их тяжелое испытание, а теперь опять 12 человек об'явили голодовку. Все они требуют освобождения или приговора; 9 из них, арестованные по делу о демонстрации, томятся в тюрьме, вот уже седьмой месяц и не смотря на то, что дознание по их делу закончено, их почему то не выпускают, и приговора не об'являют. Мы знаем товарищи, что в других местах заключенных, по окончании дознания, выпускают под особый надзор полиции, но наши Костромские жандармы решили быть подлее и глупее всех остальных жандармов; они продолжают томить арестованных в тюрьме и по окончании дознания.

Будем зорко следить за борьбой наших товарищей в тюрьме. Помнить о том, что мы сознательные рабочие—социал-демократы не должны и не можем оставаться безучастными зрителями этой борьбы. Скажем нашим товарищам в тюрьме, что мы не дадим им умереть голодной смертью, что мы знаем об их борьбе, следим за ней и готовы бороться заодно с ними.

Наконец 31 декабря заключенным об'являют обвинение в принадлежности к Северному Комитету Р.С.Д.Р.П.

Так заканчивается 1903 г., предтеча первой революции.

1904 год.

Несмотря на аресты активных работников, движение в Костроме не замирает—уже настало время, когда на смену одному, выбывшему из строя, приходит десяток новых борцов.

Работа ведется главным образом в кружках. Преобладают кружки женские, так на одной фабрике Кашина насчитывается 6 женских кружков. Многочисленными они быть не могли, так как требования конспирации были таковы, чтобы члены одного кружка не знали даже, что рядом есть еще кружок, а главное чтобы не собираться большими партиями.

По задворкам, в тесных рабочих квартирах, часто в чайной или пивной, в теплое время на кладбище собирались эти маленькие кучки об'единенных одной идеей, одними стремлениями людей. Собирались, чтобы выслушать агитационную речь, произвести какие-либо выборы, обсудить, как распространять литературу, как привлекать в свои ряды темную малосознательную массу, которая—как лавина—вливается в эти громадные, испещренные бесчисленными окнами исполины—здания.

Работа в кружках велась отчасти попрежнему учащимися (Асаткин, Мовович, Горские и др.), отчасти появившимися уже в Костроме профессионалами: т. „Павел" (Серговский) „Раиса Семеновна" (Зеликсон), т. Абрам, Н. Н. Соколов. Организаторами были представители от цехов.

Параллельно с рабочими кружками велись кружки учащихся.

„Наши кружки изучали главным образом политическую экономию, ист. раб. движения и программы партий, Первоначально эти кружки не носили строго партийного характера" [1]) пишет в своих воспоминаниях Н. В. Беркина.

„В Костроме была об'единенная организация учащихся всех средне-учебных заведений, как сочувствующих с. д., так и с. р. до 1905 года, когда произошел раскол и две организации учащихся стали существовать отдельно.

Было бы ошибкой думать, что ученическое движение было чисто интеллигентским, оторванным от рабочего движения тех годов, связь была: учащиеся постоянно ходили на рабочие массовки в лес к Высокову и на Запрудню.

На одной из массовок 1904 г., разогнанной жандармами, были арестованы гимназисты, напр. А. Мовшович и другие. Учащиеся производили сборы в пользу бастовавших рабочих. Учащиеся члены с. д. организации, делали сборы в пользу с. д. Красного Креста, цель которого была помощь политическ. заключенным".

Во главе организации стояла Костромская группа северного комитета. [2])

Оживлению работы способствовали часто устраиваемые диспуты с с. р. Во главе с'организовавшейся в то время в Костроме с. р. группы стоял талантливый гимназист Козлов.

Кроме кружков устраиваются массовки в лесу, полулегальные вечеринки для взаимного сближения, везде приглашаются только избранные.

Как и в предыдущем году распространяется много нелегальной литературы, присланной из других городов и местной. До сих пор Костромская группа довольствовалась гектографом, теперь в ее распоряжении находятся разбросанные для конспирации по всему городу 6—7 гектографов и мимеограф, так что в любой момент можно оттиснуть до тысячи прокламаций.

Костромской группой, как и всеми с. д. организациями в ряде городов, ведется усиленная агитация по поводу Японской войны.

---

[1]) **Программа для кружков 1-го типа:**
1. Труд и капитал. 2. Интересы трудящихся и капиталистов. 3. Социализм. 4. Роль самодержавия и борьба с ним. 5. Пояснение каждого пункта программы минимум. 6. Борьба с самодержавием и буржуазией. 7. Различие между партиями с. р. и с. д. 8. Краткая история революционного движения заграницей. Приложение—указатель популярной литературы

[2]) Северный Комитет об'единял группы Иваново-Вознесенска, Шуи и Костромы.

Кашинская фабрика.

Патриотической агитации правительства, демонстрациям „во славу русского оружия", с. д. противопоставляли свою революционную агитацию против войны и ее виновника—правительства

Печатная агитация достигла громадных размеров.

Первым листком, изданным Костромской группой в 1904 году было обращение к Костромским рабочим в начале января.

„С новым годом товарищи!"

Прошел еще год ожесточенной революционной борьбы... Много крови пролило, много жертв вырвало за этот год проклятое самодержавное правительство Из среды передового пролетариата, вступившего с ним в ожесточенчую борьбу, против гнета и насилия во всех областях общественной жизни.

Что же дал нам этот тяжелый год? Искуплены ли жертвы погибших товарищей? Да, ответим мы, жертвы столь дорогих для нас товарищей не пропали даром: своими страданиями они *купили и покупают* нетолько дезорганизацию (растерянность) правительства, выражающуюся в сумасбродстве его мероприятий, в печати и в иезуитски-вероломных речах попов, но и самое важное для будущей революции, классовое сознание пролетариата.

В феврале выпускается листок „о войне".

Как вампиры, впились в нас богачи капиталисты.

Они вытягивают из нас, изнуренных непосильными трудами, последние капли крови. Эту кровь они превращают в золото. Этим золотом они наполняют свои тугонабитые карманы.

Дальше идет раз'яснение, для чего затеяна война.

Разве у пролетариев всех стран не один общий враг—капиталисты всех стран, Разве народ русский, стонущий под гнетом налогов и грабежа богачей, желает больше усилить налоги и еще отправлять на убой всех лучших сынов.

Разве хотя бы одна война принесла какую нибудь пользу рабочему люду.

Нет, товарищи, мы не хотим войны, мы не будем защищать мошну кровопийцев. И Японские и всякие другие солдаты—наши братья—пролетарии. Мы соединимся с ними в борьбе за лучший мир против капиталистов.

Мы не хотим войны, заканчивается прокламация, не хотим правительства, посылающего на убой наших лучших братьев. Они сильны и смелы—так они нужны нам для борьбы с капиталистами и их сторожевым псом—правительством.

Товарищи. Всемирная Социал-Демократическая Партия зовет Вас под свои знамена.

Пусть ее грозный клич: „*пролетарии всех стран соединяйтесь*" заменит кровожадные клики войны

Пускай громовой возглас: „*долой самодержавие*" заменит собою безсмысленно животную покорность...

Костромская Группа Северного Комитета
Российской Социал Демократической Рабочей Партии.
Февраль 1904 г.

В феврале же выходит листовка „к учащейся молодежи", подписанная „группа социал демократов".

Новая мобилизация требует новой агитации.

Опять мобилизация. Опять реки детских и бабьих слез. Не проходит и месяца, как царь снова и снова гонит народ на войну

Кормилицев гонят на злую участь, а на оставшихся налагают новые налоги на содержание покинутых голодных семейств. И все эти страшные жертвы ни к чему. Царское правительство так плохо снарядило флот и армию, что карабли наши тонут при всякой стычке, войско наше несмотря на храбрость наших солдат бьют и скоро окончательно прогонят русских из Порт-Артура и Манчжурии.

Дальше идет раз'яснение, нужна ли нам война.

Довольно. *Долой войну!* заканчивается листок.

Призывные, запасные. Не идите на призыв сами: пусть тащут туда Вас силой царские слуги,—а потащут,—пусть берут жен и детей. Матери и жены запасных, не отпускайте кормильцев на смерть, царю на потеху. Идите за ними, требуйте, чтобы Вас не разлучали. Соберитесь большой толпой - смело кричите: не хотим воевать.

Товарищи рабочие На Вас лежит светлый долг стать во главе народа, кто защищает жизнь свою от царской преступной воли.

Рабочие всюду учите народ требовать мира, разъясните, что война—одно зло для него, учите протестовать против злодейского правительства, учите требовать созыва учредительного собрания, т. е. представителей народа для учреждения нового свободного народоправления.

На царскую мобилизацию мы ответим иною: мы мобилизуем все силы рабочего класса и поведем не против японцев, а против злейшего врага Росии—Царского правительства.

Долой войну. Долой самодержавие.

Да здравствует Российская Социал-демократическая рабочая партия.

Центральный Комитет Р. С. Д. Р. П.

Перепечатано Костромской группой Северного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

1904 г.

Костромская группа следит за каждым шагом рабочей борьбы. Так, 21-го февраля выпускается листок по поводу забастовки рабочих мыловаренного завода Царевского.

Следит партия и за всей жизнью Костромы. Рот в июле листок к слушателям земских курсов по поводу речи руководителя Виноградова, сказавшего, что главная задача народной школы культивировать и охранять идеи православия и самодержавия в народе Вот обращение к учащим (июль 1904 г.). В июле же воззвание к обществу о помощи заключенным: „Вы хотя должны облегчать страдания борцов", теперь уже научились ждать от „общества" не так много, как раньше.

Вот обстоятельная, толково написанная прокламация к дню 19 февраля, перепечатанное обращение заключенных Акатуевской каторжной тюрьмы, горячо и ярко написанная листовка к дню 1 марта по поводу убийства Александра II.

Ряд обращений к рабочим—что такое социализм (апрель 1904 г.), новая агитация против войны (март и июнь), о политической свободе (март), перепечатка листка „Искры" по поводу убийства министра Плеве, Солдатская памятка, написанная так, что вероятно у всех, читавших ее лились слезы. И, наконец, талантливо написанная листовка в память Декабристов.

Осенью 1904 года оживляется либеральное движение, начинается эпоха с'ездов и банкетов, либеральная буржуазия организуется, оформляет свои конституционные требования и готовится стать во главе государственности. Во всех собраниях много толкуется о тактике партии по отношению к либералам.

Идейная борьба между большинством и меньшинством в нашей партии, начавшаяся в центре сразу же после 2-го с'езда, в Костроме почти отсутствует. Только в 1904 году устраивались иногда прения в тесном кружке, но в практической работе разногласия эти как то не проявлялись.

В декабре был устроен в Москве гостиннице банкет. Собралось человек 50. Было разрешение от полиции, представители последней, не появляясь открыто, присутствовали переодетыми под видом гостей.

На банкете были представители от рабочих: Барабанов, выпущенный из тюрьмы на поруки, Краснов, Вульпе и Серговский. От „мыслящей интеллигенции" Н. А. Огородников, В. В. Аристов. от города—Н. В. Голованов, от земства—Френкель.

Говорились горячие речи, в которых отражалось наростание протеста против существующего режима, особенно скомпроментировавшего себя в глазах общества Японской войной.

Жандармерия, с помощью своих верных агентов искала крамолы, так были произведены обыски в мастерской фабрики Кашина по доносу служившего в охранке хохла о том, что в уборной читается нелегальная литература.

На зиму кружковая работа затихает, собираться почти негде. М. б. тут играла роль и смена работника: тов. Павел (Серговский) уехал, его сменил „Павел Павлович".

Работа затихает, чтобы в январе 1905 года вспыхнуть с большей силой.

1903-1904 года.

В этом году я кончала гимназию. Не раз мы, восьми-классницы, решали не итти в класс, а с утра собраться, чтобы засесть за совместное чтение.

Читали без разбора все, что считали „научным". „Избранные" из этого кружка, те, кто благодаря знакомству с „подпольщиками" начинали приобщаться к заманчивому и таинственному миру революционной работы—мы собирались еще отдельно, чтобы разбирать наши рефераты. Там читали мы Бельтова (Плеханова) „К вопросу о монистическом взгляде на историю", брали по отделам и готовили рефераты, чтобы читать их в нашем кружке.

В то же время мы „готовили" усиленно политическую экономию Богданова и, наконец, начали наши кружки с учащимися.

Мы, трое мужчин и 5 женщин, разделили между собой работу.

Были кружки гимназисток. С этими мы справлялись легко. Стоило понятно, не скучно изложить теорию прибавочной стоимости или патриархальный строй и дело в шляпе. Девочки, проникнутые уважением к „старшему товарищу" (хотя тоже 18 летнему, но „просвещенному",) скромно молчали, думая только о том, как бы вся эта премудрость не испарилась из их голов.

Хуже было с кружками техников, часто бородачей. Там, вслед за нашим „докладом" сыпался такой град вопросов, что только находчивость да твердая уверенность, что мы должны постигнув сами Богданова—втолковать его другим,—помешали нам 2—3, бросить работу, остальные сбежали. Скоро мы, храбрые пропагандисты, были переведены в кружки рабочих.

Насколько мы увлекались своей работой, можно судить по такому случаю, ярко сохранившемуся в моей памяти.

Рабочие задворки, тесный заросший садик. Кучка женщин и я—юная пропагандистка—навзрыд плачем: так расстрогала нас всех моя беседа о положении женщины—работницы. Или другой случай: старуха мать юного пропагандиста в отчаянии спрашивает (слыша постоянно имя Маркса): „в каком это томе у Маркса написано, чтобы галошами жертвовать?", после того, как ее сын в непролазную осеннюю грязь, пробираясь в кружок по фабричным окраинам, не стал вылавливать новую галошу, купленную матерью на последние гроши, боясь опоздать.

Когда в Костроме появлялся профессионал, нас начинали усиленно „обрабатывать". Больше же мы занимались сами. До сих пор помню, как готовясь к лекции по аграрному вопросу, я ежедневно вставала в 6 часов утра и читала, не отрываясь до 12 ч. Маслова „Условия развития сельского хозяйства в России". Точь вточь так я готовилась к экзаменам в старших классах гимназии.

Помню массовки в лесу, правда, очень редкие Один раз, пробираясь на лодке и заметив слежку, мы утопили из конспирации „Эрфуртскую программу", которую усиленно изучали, почти с ней не расставаясь, и которая была в Костроме только в 2 экземплярах.

Вспоминаются полулегальные вечеринки для сбора денег заключенным, где мы, забыв всю свою солидность, отплясывали мазурку.

Перед 1 мая мы, молодые работники, допускались „священнодействовать" к гектографу. И потом долго внутренно улыбались, вспоминая, что и мы работали, и что никто, даже наши домашние, не знают об этом.

А конспирации нас учили основательно—одну даже специальную лекцию, беседу об этом помню, из которой меня всего более поразило, что нельзя даже иметь меток на белье.

Конспирировали так, что, идя в рабочий кружок, я заходила в одну знакомую семью и выходила оттуда, совершенно изменив вид. Как бы мне попало, если бы, встретив меня в церковной ограде, строгий наш проводник Костя Барабанов увидал меня городской барышней

Так ярко сохранился в памяти какой-то литературный вечер в читальне Островского в 1903 г.

Н. А. Розин, в красной рубашке что тогда было тоже рискованно: „приметит полиция",—декламирует „У парадного под'езда". Теперь как то даже не верится, что это стихотворение или Горьковская „Песня о соколе" считались крамольными Трудно верится, вернее трудно понимается то, что эти произведения подымали нас тогда прямо таки до какого-то экстаза.

„Безумству храбрых поем мы песню". Сколько для нас было вложено в этих словах.

Особенный под'ем пережизали мы в день 1-го мая. Приготовления, волнения за удачный исход собрания и наконец, путешествие куда-нибудь в лес.

Вот кончена первомайская маевка. Совсем стемнело Тише шумит лес. Холоден ночной ветер Но горячо у нас в груди Сколько там веры в правоту своего пути, в свои силы, в нашу победу ..

„В битве великой не сгинут бесследно павшие с честью во имя идей"... звучат голоса. Может быть сегодня, сейчас же нас схватят, может быть ударит в грудь копыто казацкой лошади, может быть сейчас лишимся на долгие годы свободы. Что нам! Ведь павшие во имя идей не забудутся...

Незабвенные годы!

М. Р.

1905 год.

Великий исторический год. У всякого, кто его пережил, кто активно участвовал в борьбе, никакие переживания в дальнейшем не способны вытеснить тех ярких моментов, которыми так богат славный 1905 год.

События 9 января.

Костромская группа северного Комитета так пишет об этом дне:

„Рабочие пошли на площадь подать петицию царю. Но ведь царь принимает лично только двор-н и фабрикантов. Недавно представлялись ему члены так называемого „русского общества". Выслушивает же царь своих подданных. Да, но только тех, которые рабски льстят ему, т. е те, кто вместе с царем заинтересован в сохранении существующего порядка, кому выгоднс, чтобы народ был невежественен и темен. Но когда угнетаемые осмеливаются подать свой голос, царь знает, что этот голос не в его пользу, и отдает приказ стрелять в них, как в собак. Русское правительство существует не для народных интересов, а все силы напрягает на то, чтобы заставить его служить себе. Это потому, что оно самодержавно. Только правительство, составленное из выборных народных представителей будет действовать в интересах народа.

Живо следя за всеми проявлениями общественной жизни, Костромская группа обращается к гласным Костромского губернского земского собрания сессии 1905 г. с

С. д. все еще не отрешились от надежды на помощь со стороны „общества".

В годину, когда небывалый грозный призрак разложения народного хозяйства встает перед глазами всякого думающего человека, когда война воочию показала бессилие бюрократического управления когда сотни тысяч работников умирзют вдали от родины по капризу зарвавшегося временщика, вот в какое тяжелое и вместе с тем ответственное время приветствуем Вас. земские люди

События последних дней, выразившиеся пока ярче всего в Петербурге еще более увеличивают ответственность Вашу пред лицом истории. Улицы Петербурга вот уже несколько дней заливаются кровью. Несколько тысяч пало от руки самодержавного палача. Но сколько жертв еще впереди. Это не мгновенная вспышка, нет, это уже восстание угнетенных масс Все шире и шире разливается этот поток. Наступил момент, когда интеллигенция и Вы, земские люди, должны открыто стать на сторону народа, на защиту права и справедливости. Не достаточно заявить с желательности свержения самодержавия, надо оказать активную поддержку народу, несущему главную тяжесть на своих плечах.

Перед морем крови, слез и страдания, перед лицом несчастной, измученной родины, Вы, земские люди, обязаны сказать и, мы уверены, скажете:

Долой самодержавие!

После 9 января Россию охватывает волна стачек.

Товарищи! Вам известны и понятны причины стачек, ведь обстоятельства вынуждающие рабочих приостанавливать свой труд, повсюду одни и те же, пишет Костромская группа.

Стачка, это вырвавшиеся наружу тяжкие страдания трудящегося люда, страдания, которых уже рабочие не в силах сдерживать, о которых молчать им не в моготу. Стачка, это протест против бесправного положения рабочего класса, против произвола и глумления многочисленной своры чиновников самодержавного правительства—от губернатора до урядника, против гнета и вымогательства фабричных заправил—от директора до подмастерья. Это протест против каторжного труда без отдыха, против грошового заработка, против нищеты и постоянных спутников ее—голода и холода Стачка это желание иметь нечто лучшее, чем хлеб из мякины, рубище-одежду, конуру-жилище.

Но можно ли надеется на улучшение своего положения? Нет! Напрасны и надежды и ожидания.

Царь поступил с забастовавшими рабочими, так, как он прежде согласно „священных заветов предков своих", поступал с ними,—он отдал приказ „стрелять в собак".

Спустя три-четыре дня после кровавого события, царь беседовал с рабочими, но не лично, а через палача Трепова и министра финансов. Говорил рабочим о своем любвеобильном сердце, о своих постоянных заботах, направленных ко благу народа, о страховании рабочих, о сокращении рабочего дня. Свою вину за тысячи убитых и искалеченных царь свалил на „злонамеренных людей". Беседу с рабочими Николай II закончил призывом к терпению и покорности.

И так терпите рабочие.

Терпите произвол и глумление чиновников, гнет и вымогательство фабрикантов, терпите голод и холод, покорно истрачивайте остаток сил в каторжной работе, покорно выносите удары казацких нагаек, покорно умирайте от солдатских пуль. Безисходная нужда, страх перед голодной смертью, гонят Ваших жен и дочерей в публичные дома. А вы, рабочие, терпите. Самодержавное правительство создает позорную войну, по приказу царя стнимают от малых детей отца, от стариков родителей—кормильца сына и отправляют на голя чужой Манчжурии на верную смерть. А вы, рабочие, терпите! Терпите, будьте покорны и держитесь подальше от „злонамеренных" людей. А царь батюшка тем временем будет говорить о своем любвеобильном сердце, о своих заботах ко благу народа направленных.

Но кого же царь называет „злонамеренными людьми"? Может быть угнетателей и эксплоататоров трудящегося люда, готовых снять с рабочего последнюю рубашку, готовых высосать из него последнюю каплю крови? Может быть тех, что выколачивают из народа и растрачивают на пиры и дворцы непомерные налоги? Может быть судей, чиновников, оправдывающих вопиющие беззакония богатых и властных, приговаривающих к свирепым наказаниям ни в чем неповинных бедняков? Может быть тех, чьи руки покрыты кровью убитых и искалеченных на улицах Петербурга и других городов?

Нет. Нет. Таких людей царь называет верными своими слугами; опорою престола, к таким людям царь предлагает рабочим проникнуться доверием. Падать перед теми на колени. „Злонамеренные" люди, по мнению царя—те, что жертвуют личным счастьем для счастья других, те что всю жизнь проводят в борьбе за интересы обездоленных и угнетенных, истрачивают в этой борьбе и силы и здоровье. Те, что в каждых речах клеймят и бичуют поработителей и эксплоататоров трудящегося люда—чиновников с их произволом и продажностью, казнокрадством и лихоимством, фабрикантов с их самоуправством и кабалою, издевательством и обманом. Те что за свою преданность и любовь к рабочему классу томятся долгие годы в тюрьмах, ссылке и каторге, те что падают на площадях и улицах Петербурга, Баку, Вильно и других городов искупительною жертвою за лучшее будущее русского народа.

Рабочие, в настоящее время как и прежде, перед вами два пути, один—это путь покорных и терпеливых, путь покрытый костями или погибших от холода и голода, или надломивших силы в непосильной работе, или затравленных верными слугами самодержавного правительства чиновниками и фабрикантами, путь рабов, молча и без сопротивления несущих цепи нищеты и бесправия, путь, на котором забывают о человеческом достоинстве, на котором притупляются человеческие чувства. Путь, где люди обращаются в скотов, как скоты несут тяжелое бремя всю жизнь работать для жадной своры чиновных и не чиновных дармоедов и пустосвятов, путь без просвета, без лучшего будущего, путь, как выразились Петербургские рабочие, ведущий к пропасти.

Второй путь,—это тот, на который выступили передовые рабочие Петербурга, Баку и других городов, это путь революционной борьбы за политическую свободу, за свободный труд. На этом пути нет места ни трусливой покорности, ни холопского терпения, нет рабов, нет позорных цепей. На этом пути не сгибают спины перед сильными мира, перед нагло властными чиновниками и фабрикантами, не кадят, не славословят им; на этом пути в сердцах всех единая жажда—жажда свободы, единое стремление сделать счастливым все человечество.

Присмотритесь внимательно, что творится в наших темных и душных мастерских, читаем в другом листке. Разве эти мастерские не те же тюремные застенки, где когда-то тюремщики пытали на дыбах заключенных. В мастерских застенках калечится наше тело, расхищается наше здоровье, отсюда мы раньше времени, разбитые непосильным трудом, уходим в могилу.

В этих мастерских-тюрьмах проходит вся наша жизнь, мы работаем с раннего утра до поздней ночи, а нередко и целые ночи напролет Мы не знаем что такое настоящий сон, мы спим, где придется на полу в мастерской, на катках с болвашкой под головой, на рогожах под лестницей. Мы гоним сон, потому что надо работать, иначе ждет нас голодная смерть на улице. Надо целые дни работать, потому что дома ждет голодная семья, надо работать потому, что надо многим из нас посылать деньги домой в деревню в уплату царских податей. И мы работаем выбиваясь из сил, теряя на непосильной работе здоровье, и так изо дня в день до самой смерти.

Революционное настроение в Костроме наростает. Чувствуется в воздухе близость грозы.

Вставайте граждане Час революции пришел. Мечта стала фактом, факты посрамили мечту. Фантастический образ поэта, надежда погибших борцов, то смутно-неясное, что бродило в умах и сердцах тьмы тысяч миллионов забитых людей, живет и ходит теперь из города в город, одетое в плоть, орошая горячей кровью своей изсохшую русскую землю.

Революция нашла свое воплощение в рабочем, рабочий поднял знамя революции.

9-го января он сказал: хочу быть человеком, не вьючным скотом, хочу сознать себя гражданином - 8 часов рабочего труда, всенародное учредительное собрание.

В пороховом дыму самодержавной расправы, эти требования его стали всеобщими, а дело его делом национальным. Всероссийский освободитель, он дорогой ценой купил себе это право на всеобщность.

Граждане, после петербургских дней в ветхом здании российской государственности немыслимы более никакие пристройки; перестройки; старая тюрьма сверху до низу сдается на слом пробужденному народу.

9-е января есть день об'явления гражданской войны, день начала революционной мобилизации народа. Революция идет, могуче-прекрасная и ни что не остановит ее хода.

Возможны дни, даже месяцы относительного затишья—но это лишь перед бурей антракт многоактной трагедии революционного народа.

Революционному народу нужны люди, средства на вооружение.

В руках наших так много возможностей. Осуществляйте их. Несите честно революционную повинность, приобщитесь к революционному народу.

В обновленной России, когда настанет перекличка, пусть каждый из вас сможет гордо сказать:—я был в народных рядах, когда свергали тирана.

Смерть царизму.

Да здравствует восстание народа,

Да здравствует пролетариат, передовой боец революции.

Да здравствует всенародное учредительное собрание.

В Костроме начинают вспыхивать забастовки

1-го февраля на фабрике Чумакова забастовало около 200 человек. Сейчас же рабочим была сделана уступка: повысили заработную плату на 2 руб. в месяц У Зотова в тот же день забастовало на гекле, в чесальной около 300 человек; на карде бросили работу, но под влиянием угроз мастеров и подмастерьев снова начали ее. На фабрику приезжал фабричный инспектор, отобрал требования рабочих и обещал „рассмотреть их".

3-го февраля забастовали рабочие на гекле, чесальне и карде Зотовской фабрики. К фабричному директору приезжали Михинский и Кашинский директора должно быть вырабатывали общий план действий против рабочих

У Чумакова на крупчатке, повысили плату на 3—7 руб. в месяц.

4-го февраля, встала вся Зотовская фабрика. В 11 часов выгнали с фабрики забастовавших рабочих и заперли за ними ворота. Полиция толпится около фабрики, выжидая повода накинуться на рабочих... Они надеются, что часть рабочих напьется и начнет громить фабрику. Тогда под видом усмирения безчинств будут избивать всех стачечников.

Рабочие, по возможности избегайте всякого столкновения с полицией. Удерживайте Ваших товарищей от безчинств, пишет в бюллетене № 3 Костромская группа. Если будут приглашать Вас поодиночке в контору для уговоров—не ходите. Пусть будут грозить расчетом, но Вы крепче держитесь друг друга: в этом и только в этом Ваша сила. Возьмите пример с Ваших товарищей в других городах, которые только единением, покойным поведением и настойчивостью добились исполнения своих требований. Не выходите на работу и Вы, пока не будут удовлетворены Ваши требования.

7-го февраля на механическом заводе Прянишникова сделана прибавка. Кроме того, рабочий день сокращен на 1 час с четвертью. У Зотова пока известна прибавка за ческу с пуда 2 коп. В остальных цехах об уступках не слышно. Всем цехам предложено выбрать от 5 до 10 человек депутатов, через которых фабриканты будут принимать требования всех рабочих. Но избирать могут не все, а только проработавшие на фабрике не менее 2-х лет. Этим условием большее число рабочих будет лишено участия в общем деле. Но еще коварнее второе условие. Депутатов будут выслушивать только тогда, когда рабочие станут на работу. Расчет хитрый: знают, что ставши на работу, трудней уж будет дружно бросить ее, так как мелкие уступки и даже совещания могут подействовать успокаивающе.

Арестованы Василий Лапшин, Василий Коновалов и Александр Краснов. Был обыск у Соколова. Полиция рыщет повсюду.

Так начался в Костроме 1905 год.

На 1 мая устраивается политическая демонстрация в городском саду-бульваре. В самый разгар гулянья, при громадном скоплении публики, большое количество рабочих и учащихся быстро собираются к определенному месту, оцепляют его, взвивается красное знамя. Вот на скамейке появляется фигура г. Вячеслава, сосланного позднее по делу боевой организации. Он произносит речь. Разбрасываются первомайские прокламации. Полиция бросается к оратору, но, сжатая публикой, беспомощно топчется на месте, едва наконец выбравшись, при чем один городовой теряет даже свою шашку, что вызывает в публике смех и подчеркивает ее сочувствие демонстрантам. Пользуясь бессилием полиции, толпа, подняв красное знамя, прошлась несколько раз по большой аллее сада с пением революционных песен. Вытребованный спешно наряд войск и полиции разгоняет ее, преследуя отдельных граждан.

Это первое в Костроме публичное выступление встревожило жандармерию, начались энергичные поиски инициаторов демонстрации.

Вместе с рабочими вышли Костромские учащиеся и интеллигенция на демонстрацию, организованную местной социал-демократической группой, в день 1-го мая, в день всемирного праздника пролетариата. Ненависть к произволу, закрывающему пути к борьбе за лучшее будущее, жажду мщения кучке злодеев за все вынесли они открыто на улицу. Широким слоям населения заявили они о необходимости борьбы с произволом и насилием и борьбы за конечное освобождение рабочего класса от оков капиталистического строя. Но благодаря отсутствию у значительной части демонстрантов дисциплинированности и подчинения общему плану, выработанному социал-демократической группой, полиции удалось арестами и избиением шашками ответить на демонстрацию и ослабить ее значение. Только строго дисциплинированные силы могут противостоять организованной полиции. Надо помнить, что наряду с готовностью пойти на все, наряду с твердостью и решимостью, самообладание и дисциплинированность должны быть достоянием каждого революционера, пишет костромская группа.

Другое публичное выступление было на лекции Тана (Богораза) 8 июня в общественном клубе. Публики было очень много, по окончании лекции выступили с речами профессионал Павел Павлович и Лаврентий. Живая, яркая речь последнего так взвинтила публику, что после нее чуть ли не весь зал с пением революционных песен двинулся на улицу. Около здания как раз чинилась мостовая. Многие взяли камни, ожидая столкновения с полицией, собравшейся, как оказалось, уже на сквере. Столкновение у части демонстрантов было, но на этот раз обошлось без серьезных жертв.

В мае в Костроме начинается забастовка.

„Ввиду существующей стачки рабочих на фабр. Новой Костр. м-ры и на случай могущего явиться желания у рабочих фабрик Анон. о-ва присоединиться к стачке, считаю долгом предупредить..." Так предусмотрительно пишет душа и вдохновитель борьбы с рабочими директор Моргунов. Далее идет ряд пунктов: 1) забастовавшие, если не одумаются, будут расчитаны через 3 дня после начала забастовки; 2) рассматриваться будут только те заявления, которые относятся к исполнению существующих условий найма; 3) фабрики будут пущены в ход только по заявлению рабочих об их желании приступить к работам на существующих ныне условиях; 4) платы за прогул не будет; 5) виновные в нанесении имущественного вреда фабрикам, а также в насилии над служащими и рабочими приниматься не будут; 6) „никакие угрозы со стороны рабочих, никакие беспорядки и никакое стороннее влияние не заставит меня изменить решение".

„Прошу верить, что я нахожу основательными желания рабочих, направленные к улучшению их экономического положения, но признаю, что достичь таковые возможно только при условии однообразного для всей России изменения существующих узаконений. А так как по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, к этим работам приступлено, советую рабочим терпеливо, спокойно ожидать окончания этих законодательных работ, не подвергая себя и семью печальным последствиям стачки".

В этом документе есть все и угроза расчетом, и уверенное заявление о пренебрежении своем к насилиям и влиянию сторонних лиц („читай партии").

„Сначала возобновите работу, смиритесь—тогда начнем переговоры".

Документ этот помечен 26 мая.

Предупреждение не подействовало—стачка вспыхнула.

Товарищи рабочие! Когда в настоящее время у нас в Костроме у Кашина на фабрике идет забастовка, то фабриканты сильно перепугались: кашинский директор передавал и просил зотовского директора, а также и хозяина, чтобы уговорить своих рабочих не делать забастовки, читаем в бюллетене № 1 тоже от 26 мая.

Вот видите, как страшна им всеобщая забастовка. Не поддавайтесь на удочку фабрикантов и их уполномоченных, но боритесь дружно и как можно об'единенней и поставим себе девизом: „все за одного и один за всех". И будем стоять до тех пор, пока не удовлетворят наших требований.

Мы только забастовали, и вот в среде рабочих слышится ропот, зачем, мол, забастовали, мы всем довольны. Это те довольны, которые много получают жалованья и живут на готовых квартирах, а большинство живут на своих квартирах, за которые много платят из своего скудного заработка.

Товарищи! Мы не будем слушать довольных, мы станем дружно за свои интересы.

Еще в апреле Костромская группа заговорила о вооруженной борьбе.

9-го января правительство убийц сбросило маску и даже для самых близоруких должно было стать ясным, что взять от него что нибудь возможно только силой.

Вооруженная сила самодержавия может быть сломлена только вооруженной силой масс.

Социал-демократия приступает к вооружению пролетариата. Вооруженный пролетариат—единственная надежная защита свободы и культуры против темных сил самодержавия. Ценой потоков крови сорвана маска самодержавия, ценою рек крови будет достигнуто его крушение. Интересы общества требуют возможно широкого и возможно быстрого вооружения масс. Пусть же общество всеми силами помогает этой революционной работе, ради дела свободы, ради дела культуры, ради собственного, наконец, самосохранения. Пусть общество помнит, что материальные пожертвования в настоящем оберегут кровь народа и его кровь в будущем.

Жертвуйте на вооружение.

По России все шире растет забастовочная волна. Начавшись в Середе и Иваново-Вознесенске, забастовка охватывает вскоре Шую, Ярославль и Кострому. Кружки отодвигаются на задний план, начинаются массовки, вскоре перешедшие в митинги, происходящие на дворе фабрики, на виду у казаков, даже—позднее иногда при участии кучки казаков, внимательно слушавших произносившиеся речи.

В июне еще решительней встает вопрос о вооружении. Грозные признаки восстания, признаки гражданской войны появляются в Костроме, отмечает Костромская группа.

Дикая полицейская и черносотенная вакханалия в ночь с 7 на 8-е июня в сквере и на радиальных улицах, где избивались шашками ночью рабочие, студенты и девицы —это, конечно только пролог генеральной схватки Демонстрации, протесты, набеги, рабочих, учащейся молодежи и вообще революционного народа на власть будут учащаться, будут происходить с фатальной исторической необходимостью.

Общественная милиция - задача нынешнего дня. Пролетариат, конечно, пойдет дальше. Он организует революционную пролетарскую дружину, задача которой будет заключаться не только в самообороне, но и в нападении в решительный момент на прислужников царизма.

Практическим лозунгом дня мы признаем: оружие. Без него не может быть свободы. И вот в последний час старого режима, в час предсмертных судорог безумной деспотии, мы призываем вас, граждане, отрешиться от легальных конституционных сумерек и встать в ряды борцов за зенит политической свободы, иначе революция все равно пойдет через Ваши головы. И первым актом Вашей борьбы должна быть помощь оружием главному революционному борцу —пролетариату.

Долой царизм.

В июне в Костроме была неудачная забастовка.

По всей России из города в город могучей волной переливаются стачки наших товарищей—рабочих; это сплачивается великая армия труда для того, чтобы дать сражение по всей линии нашим эксплоататорам -фабрикантам и их защитникам—царскому правительству, пишет Костромской Комитет.

Боевым кличем будят передовые борцы —рабочие весь Российский пролетариат.

Мы, организованные Костромские рабочие, откликнулись на этот клич и вслед за Ивановцами об'явили стачку, протянули руку единени товарищам по судьбе и по оружию: мы решили встать против двух ненавистных нам сил: капиталистов и их наемников царских чиновников и полиции

Но это наше выступление на борьбу окончилось неудачей. Мы не выдержали стачку, мы плохо, не дружно держались. Пусть бы мы ничего не выиграли, это еще не беда, но мы не могли итти друг с другом в ногу. Не будем же однако печалиться товарищи; постараемся лучше спокойно и хладнокровно разобраться в нашем несчастии. Плох тот солдат, который вешает голову при первой неудачной стычке, хорош тот, который не теряясь сейчас же подправляется, смотрит в подзорные трубы и изучает свое поражение...

Вот и мы—солдаты трудовой армии (другой мы не признаем), изучим наше трудовое поражение.

Товарищи, наше костромское движение молодо. В Костромскую организацию Российской социал-демократической Рабочей Партии вошло еще очень немного рабочих Эти организованные товарищи даже и между собой неплотно сжились, не выработали еще одной души; еще не впиталось у нас правило: один за всех и все за одного. Кроме того, связь организованных товарищей с остальной массой рабочего люда очень слаба. Организованные товарищи не могут еще знать теперь настроение всей массы. А это очень важно. Ивановская социал-демократическая организация, каждый день, каждый час была настороже, каждую минуту знала, что думают и делают товарищи на каждой фабрике, на каждом маленьком заводе.

И вот, товарищи, пусть будет наша неудавшаяся стачка нам хорошим уроком. Что нам нужна прежде всего, прежде чем начинать стачку. Крепкая товарищеская организация.

Всякое событие в рабочей жизни, все отмечается партией.

Товарищи. За городом громом убит наш товарищ, рабочий ф-ки Зотова Михаил Иванович Смирнов. Восемнадцати лет он вступил в ряды борцов за освобождение рабочего класса от кровопийц царизма и капитала, и с тех пор неутомимо с святой юношеской преданностью работал в нашей организации. Его путь как и путь многих из нас был путь тюрем, издевательств, лишений и он думал в роковой час народной расплаты—революции, воздать должное нашим тиранам; не суждено было этому сбыться,

он умер не в схватке с врагом. Не будем плакать однако, товарищи, а в день всеобщего освобождения страдающей великой земли мы поставим общий памятник всем павшим борцам, и свободный народ пропоет: вечная память.

Вечная память тебе, товарищ. Вечное проклятие тиранам.

Костромская группа Северного Комитета Р. С. Д. Р. П.

18-го июня 1905 г.

Расчеты рабочих также отмечаются костромской группой.

Товарищи На фабрике Кашина в пачечном отделении рассчитан наш товарищ Григорий Федоров За что? За то что он в разговоре с товарищами директора Кудрявцева назвал пьяным. А разве он не пьяница. Разве это не он с пьяной физиономией в сопровождении верного друга – собаки приходит к нам на фабрику.

„Ну вот, хоть и правда, а не стерплю". Кудрявцев рассчитывает и напевает Федорову: „Я тебя за стачку не рассчитал, даром что ты был первым зачинщиком". Каково! А Федоров во время стачки в деревне был. Что ни слово, то неправда, что ни дело то напраслина.

Товарищи. Наши руки создали все фабрики и машины, наш труд кормит паразитов Кудрявцевых, а они же нас кидают, как им вздумается Избавление от этого гнета, от трудовой неволи будет только тогда, когда наступит социализм, т. е. тогда, когда все хозяйственные предприятия перейдут к нам в руки.

Интересно познакомиться с кассовым отчетом группы, со статьями прихода и расхода.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Кассовый отчет Костромской группы Северного Комитета за апрель, май и июнь 1905 г.

Приход:	р.	к.
Оставалось к 1-му апреля	156	71
Поступило:		
На нужды организации	1148	50
На специальную цель	305	90
Стачечный фонд	259	20
Всего	1870	31
Баланс	1870	31

Расход:	р.	к.
Поднадзорным и заключенным	213	—
Техника	395	83
Литература	273	—
Специальная цель	294	—
Помощь Ивановским стачечникам	315	—
Конспиративные расходы	105	—
Раз'езды	45	—
Организационные расходы	45	—
Чумаковским стачечникам	20	—
Венок товарищу	12	30
Почтовые расходы	4	43
Всего	1722	76
Осталось в кассе к 1-му июля	147	55
Баланс	1870	31

Кроме того в кассу поступило для передачи Центральному Комитету 3000 руб.

В это время в Костроме работает в качестве пропагандистов много высланных „за студенческие беспорядки" интеллигентных сил.

В конце июня Костромская группа, проявившая такую кипучую деятельность в постановке устной и письменной агитации преобразована в „Костромской Комитет Р. С. Д. Р. П.". Это было постановление конференции представителей: Ярославля (Ник. Ив. Богданов), Иваново-Вознесенска (т. Федор) и Костромы (т. Лаврентий – (Степанов-Гастев) от фабричного района и т. Барабанов Конст. Ив. от городрайона.).

Для оживления костромской работы это имело большое значение: Комитет обладал бо́льшими правами, чем группа—непосредственно сносился с Ц. К., получал оттуда литературу. Преобразование группы в Комитет констатировало в данном месте наличие сил и соответствующей большей работы. Костромские работники первое время гордились этим преобразованием.

При Комитете состояли коллегии: 1. Пропагандистские (их было 2: „ответственные пропагандисты и неответственные—только начинающие"). Разбивка эта была произведена по конспиративным соображениям: начинающие, еще не проникшиеся всеми требованиями конспирации, не должны были знать, кто руководит работой. Обе коллегии имели связь только с ответственным пропагандистом, следовательно знали только одного члена Комитета.

2. Организаторская коллегия, задачей которой была организация кружков, установление связи с рабочими. Она имела связь только с ответственным организатором, членом Комитета. Члены ее были с разных фабрик и городских предприятий.

3. Коллегия печатников - техническая группа. Она имела свой устав [1].

Были специалисты разбрасывальщики прокламаций, которые, кажется, в особую коллегию не об'единялись, а входили в организаторскую. Состав

[1]) Проект условий существовиния технической группы при Костромском Комитете Р. С. Д. Р. П., вводимый временно в виде опыта сроком на 2 мес., т. е. до 25-го ноября 1905 г.

1. Техническая группа ставит своей задачей выполнение даваемой Комитетом работы по издательству с-дем агитационной и партийной, а также и брошюрной. Техническая группа имеет право печатать литературу исключительно для Костромского Комитета Партии и только по его заказу.

2. Все оборудование техники, а равно заготовку технических материалов группа, получая на то денежные средства от Комитета, всецело принимает на свою обязанность, за исключением тех случаев, когда задача при существующих условиях русской жизни окажется ей не по силам. Группа не имеет права отказываться от работы (пер. § 1) даваемой Комитетом.

3. Принимая во внимание задачи группы и пределы ее компетенции, группа ведет автономно все дела связанные с выполнением того, для чего она создана (см. § 1 и § 2). Она выбирает представителя группы из своего состава для поддержания всех деловых связей с Комитетом: он принимает заказы от Комитета на работу; дает Комитету денежный отчет от группы и все об'яснения на запросы Комитета. В свою очередь он делает Комитету запросы от имени группы. В экстренных случаях, однако, Комитет может передавать заказы непосредственно в технику.

Группа не считает себя обязанною по конспиративным соображениям сообщать Комитету о местонахождении техники.

4. Группа самостоятельно кооптирует новых членов, но дает об этом знать Комитету и устанавливает порядок внутренней жизни. Разбор недоразумений, которые могут произойти внутри самой группы и которые могут затормозить правильность и успешность ее работ принадлежит Комитету, если одна из заинтересованных сторон непосредственно к нему обратится.

5. При обсуждении вопросов, касающихся усовершенствований в постановке техники, Комитет приглашает с правом решающего голоса представителя группы. Вообще же сношения с представителем группы ведает член Комитета, который заведует всей технической частью при Костромском Комитете. Он входит на регулярные собрания группы, происходящие не реже, чем раз в 2 недели для принятия отчета, получения всех нужных сведений о ходе работ, проверке денежного отчета и т. п. Он же знакомит группу с ходом текущей жизни Партии, доставляет вновь приходящую партийную литературу и разрешает все могущие быть сомнения по тем или иным вопросам, касающимся группы.

6. Все имущество группы, (не касающееся личных потребностей, а партийных, как то: весь инвентарь, бумага, напечатанная литература, шрифт и т. п.) принадлежит Комитету и не может быть никуда употреблено и израсходовано без разрешения Комитета. В случае ликвидации дел группы, все это имущество передается Комитету.

ОТВЕТ КОМИТЕТА

Дор. тов.! Мы рассмотрели ваш проект и, кое-что изменив, а кое-что добавив, мы вам его возвращаем. Благодаря тому, что у нас еще нет партийного опыта, связанного с самостоятельным существованием групп, Комитет нашел нужным ввести этот устав только временно, на 2 месяца. Тогда на практике выяснятся многие, могущие быть, недоразумения и предприняты меры к устранению их впредь. Вообще, только тогда возможен будет мало-мальски жизнеспособный устав. Что касается нового устава, скорее видоизменение этого, потому что всякий устав техн. группы основывается на возможно большей автономии во внутренних делах, то и новый будет выработан совместно с вами и введен только с вашего согласия и одобрения.

С товарищеским приветом.

Комитета постепенно пополнялся профессионалами: т. Лаврентий (Гастев), Афанасий (Квиткин), т Терентий и другие.

В июле вспыхивает в Костроме новая стачка.

В субботу 2-го июля в 4 часа дня забастовала Кашинская фабрика. Когда некоторые товарищи сходили на 2-й этаж в отделение гекли, чтобы пригласить рабочих оттуда присоединиться к забастовке, то их встретила шайка черной сотни, организованная и подкупленная директором фабрики Кудрявцевым, вооруженная ножами и гирьками Они набросились на мирно шедших товарищей и стали зверски увечить и избивать их. Ножами было ранено 4 товарища, увезенных в больницу. Пролившие кровь остались на свободе Усилия директора и продавшихся ему людей не повели ни к чему. Забастовка удалась: почти все цехи встали.

4 го июля вывешивается об'явление, что «на основании ст. 105 пункта I устава о промышленности все рабочие подлежат расчету, если не возобновят работ в течение 3-х дней».

4-го же июля с утра рабочие Кашинской фабрики стали собираться на фабричном дворе Начавшие было работать ткацкое отделение и белилка скоро бросили работу и присоединились к общему делу

От каждого цеха были выбраны депутаты; они собрались отдельно и выработали некоторые требования для своей фабрики. Более общие требования решено было выработать, когда к забастовке присоединятся остальные фабрики.

В обед забастовали фабрики: Михиной и обе ф-ки Зотова. Часа в два бросили работать и присоединились к забастовавшим завод Прянишникова, а так же гильзовое заведение Чумакова, все кузницы и др.

К 10 часам утра 6-го июля назначено было забастовавшими рабочими общее собрание в сквере против фабрики Михиной.

6-го июля утром когда рабочие со всех забастовавших фабрик и заводов собрались на сквере, каждая фабрика стала выбирать своих депутатов и вырабатывать требования. Около 10 часов утра были распространены бюллетени о ходе событий, изданные местным Комитетом Рос. Соц.-Дем. Рабоч. Партии. Из толпы Кашинских рабочих выскочило несколько черносотенцев и закричали: «Вон, смотрите, смотрите, бросают прокламации политиканты, сейчас они выкинут красное знамя и в нас будут стрелять солдаты, пойдемте во двор, нам здесь делать нечего». Самые серые рабочие Кашина, преимущественно чесальщики и ткачи, под предводительством нескольких крикунов, продолжавших запугивать всякими ужасами народ, двинулись во двор и забились «в пасть крокодила», как выразился один товарищ Большинство рабочих, оставшихся на сквере, посылало несколько депутаций, приглашая Кашинских рабочих присоединиться к общему делу, прийти на сквер. Черная сотня во дворе Кашина вела свою темную агитацию во всю. «Пусть, говорили они, придет к нам какой нибудь посторонний, мы его изорвем». К вечеру однако, несмотря на все усилия черной сотни, пробравшейся даже в депутаты, состоялось собрание депутатов, выработавших общие требования. Немедленно по настоянию всех были исключены из их состава те из депутатов, кто запугивал Кашинских рабочих и тем пытался разбить всеобщую забастовку. После депутатского собрания на сквере состоялось общее собрание, где присутствовало много Кашинских рабочих.

7-го июля в 10 часов утра на луг у р. Костромы сошлись забастовавшие рабочие в количестве до 8-ми тысяч. Настроение окрепло и поднялось. Рабочие смеялись над вчерашними запугиваниями. Оратора масса слушала с большим вниманием и одобрением. На первом месте общих требований стоял 8-ми часовой рабочий день, выставленный на своем знамени борющимися рабочими всей России, всего мира. Всего было выбрано 108 депутатов, которые стали собираться два раза в день. Собранием была послана депутация к полициймейстеру, сообщавшая ему о решении рабочих собираться ежедневно на р. Костроме. Депутация от имени всех рабочих преду-

предила, что забастовка будет носить мирный характер, если сама полиция и войска не вмешаются в дела рабочих; полициймейстер дал честное слово не вмешиваться Из депутатов была выбрана стачечная комиссия из 12 человек; назначено 4 сборщика. Сборщики с особыми чековыми книжками и удостоверениями, подписанными председателем и секретарем депутатского собрания стали обходить город для сбора пожертвований нуждающимся забастовщикам.

7-го июля был арестован на улице депутат Кашинской фабрики Савинов, собиравший пожертвования в городе. Когда весть об аресте дошла до рабочего квартала, заволновались, зашумели рабочие, возмущенные наглым вмешательством полиции в их дело Состоялось собрание депутатов: на котором немедленно же была отряжена делегация к полициймейстеру с требованием немедленного освобождения арестованного товарища. Через час депутация вернулась, вырвав из волчьих зубов добычу. Товарищ был освобожден. Таким образом никакие усилия „черной сотни" и полиции не повели ни к чему.

8-го июля днем депутаты, за своими подписями, от лица всех товарищей отправили Костромскому городскому голове заявление с предложением „созвать экстренное собрание думы для обсуждения единовременного ассигнования из городских средств безвозмездной ссуды в качестве поддержки товарищей".

8-го июля было вывешено новое об'явление на основании того же пункта той же статьи, что договор с рабочими, не возобновившими работу, считается расторгнутым, предлагается явиться за получением паспортов и полного расчета.

„Господам фабрикантам и заводчикам", гласит, подписанное председателем депутатского собрания Батуговским, заявление от 14 июля: „рабочая масса решила приступить к переговорам через избранных ею депутатов".

От старшего фабричного инспектора Костромской губернии Горбунова, вывешивается на Михинских воротах об'явление: „При всем желании не стеснять свободу выборов депутатов, находим необходимым, чтобы депутаты были выбраны из числа работавших до забастовки не менее года, достигшие 25 лет".

Инспектор предлагает рабочим представить список депутатов для его опубликования. Если в течение 2 дней со стороны рабочих не будет возражений, считать перечисленных в списке лиц действительно уполномоченными.

Вся масса, как один человек, заявили, что кто выбран в депутаты, тот пусть так и остается. Власти и капиталисты увидали, что масса не сдается. Они решили начать переговоры на тех условиях, на которых захотели рабочие. И вот начались переговоры.

Фабриканты предлагают заключить с ними договор теперь же. Депутаты заявили, что не подумавши не станут ничего делать. Фабриканты хотели вывесить об'явление в конторах о своих уступках Депутаты нашли, что это тоже уловки. Разобьют всех по конторам, а там глядишь, бабы или мало сознательные товарищи не подумавши хорошенько, да под наветами „черной сотни" и полиции, согласятся работать. Депутаты заявили, что уступки фабрикантов сначала надо обсудить всей массой на реке Костроме, а потом уж и расклеивать.

„Товарищи, фабриканты целые 7 часов пытались обморочить ваших депутатов 14-го июля", пишет комитет в бюллетене № 5. „Не удалось им это. Депутаты были тверды, быстро выводили весь обман на чистую воду и давали хороший отпор капиталистам. Тогда фабриканты решили, помимо депутатов, опутать вас, заговорить зубы всем рабочим. „Отцы благодетели" обратились с проповедью к своим заблудшимся детям. К услугам капиталистов губернатор, конечно, предоставил губернаторскую типографию и они выпустили к рабочим свою прокламацию. Слушайте, они говорят:

„Вы рабочие напрасно обидели нас забастовкой, вы могли бы заявить свои желания не бросая работы, попросили бы нас и мы исполнили бы. Мы, говорят капита-

талисты, знали и раньше, что вам тягостно работать одиннадцать с половиной часов и давно уже тосковали об этом. Но мы все ждали, что правительство введет закон и сократить рабочий день. Давно мы собирались и заработок вам повысить. А вы вот рабочие, неблагодарны, хотите пустить нас по миру, отнять у нас тысячи. Рожениц, больных и стариков, (которые не нужны нам, потому что все соки, какие могли, выжали из них) мы отсылаем к своему старому приятелю-царскому правительству—просите, мол у него помощи. А про себя в это время шепчут капиталисты.—«Пожалуй, сунься, не подадит наш приятель, даст вам свинцового хлеба и стального гостинца» Квартирных мы вам не даем, у вас есть на то собственные квартиры. На фабриках обращаться будут так же вежливо, как и раньше. Жаловаться на непорядки в фабрике можете нашим, хотя и злым, но любящим вас псам. За время забастовки денег не дадим и так мирно живется. А вот если в понедельник по свистку не выйдете, тогда на зло вам возьмем да закроем фабрики

Частичные уступки не удовлетворили рабочих.

„Рабочие не поддались на удочку и с негодованием отвергли жалкие подачки фабрикантов, читаем мы в бюллетене № 6. Рабочие, разозленные этой игрой, еще более сплотились. Но не дремал и губернаторский глаз. Он в это время смотрел из-за своей засады и думал думу полицейскую. Если не удаются аресты, если не удается гайная игра, если рабочие не слушают наветов шпионов и переодетых жандармов, то уж пущу ка я в отчаянную, думает наш сатрап. И пустил губернатор этот старый полицейский кот, отдал приказ своим котятам. Вместо того, чтобы ловить и разъединять всех рабочих, задуман был план отобрать немного и пустить их на работу во что бы то не стало. Для этого лучших рабочих не придумаешь, как из Кашинской сборной. Они загнаны горькой нуждой в хозяйские тюрьмы, их которым уж нет выхода. Чуть что они вздумают, требовать, как Кудрявцев с верным другом—полицеймейстером, скажут: «Не сметь. Иначе лишу дров, лишу воды, да в конце концов всех выгоню». И покоряется своей злой участи сборная. Собираются собрания На собрании этом не знаешь кого больше—рабочих или полиции, рабочих или подмастерьев, получающих сдобную плату. На бочку входит «оратор». «Братцы, трудом хотите жить или лихом».—«Трудом батюшка». А ежели трудом, так пойдем те ка на работу. У нас фабрика самая лучшая в России, хозяин наш добрый, Кудрявцев хороший человек; это только собака его временами зла бывает. А губернатор у нас ни в сказках сказать, ни в книжке написать. А городовики с некоторыми солдатиками кричат: «верно, правильно». За ними и толпа. Оратор сияет и благодарит публику. Прекрасно в сборной дело делается, хорошо там живется люду рабочему, до слез хорошо. Несчастные сборновцы. Многие из них и не понимают, что они жертва наших адских непорядков. Квартирные деньги, деньги за забастовку теперь уже в карманах губернатора с полицеймейстером, да и Слободского тоже не обидели. Он и ревет: «умру за фабрикантов». Еще бы милый мой не умер, деньги то тебе дороже царства небесного. Губернатор с полицейской сворой напрягает все силы, чтобы сорвать стачку, что бы рабочий класс не увеличивал свои силы об'единением и беспощадной борьбой с капиталистами. Он сгрудил к Кашину всю полицию, он пустил переодетых жандармов в улицы, чтобы сбивать рабочую публику с толку, вызвал войско и выводит его перед нами. Он даже сулит теперь с наглой откровенностью еще больше: «Я, говорит, не буду на вас смотреть, начну арестовывать всех и каждого, об'явлю Кострому на военном положении и потешусь над вами».

КАЗАКИ ПРИЕХАЛИ.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 7.

Нагайка ты нагайка.
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

Час пробил. Нельзя дольше ждать, нельзя дольше тешить себя напрасной надеждой. Смотрите зрячие, раскрывайте глаза свои, слепые.

Измученные, голодные мы ждали, вот вот мы победим наших кровопийц-фабрикантов, вот-вот мы хоть немного выпрямим свои трудовые спины, вот-вот мы станем людьми, а тут наше царское правительство на наши страдания и стоны отвечает присылкой казаков. Солдаты оказались надежными для защиты фабричных крепостей: они

говорят и кричат нам: не стрелять, а брататься будем с вами. И вот царское правительство, видя как расползаются крепостные оковы на рабочем народе, присылает казаков. Эти казаки—самый надежный защитник фабрикантов, самый крепкий оплот царского правительства. Сытые, пьяные люди, должность которых только в том и состоит, чтобы ездить из города в город и бить без пощады нас, голодных, измученных рабочих. Что им до рабочего горя, что им до наших страданий. Казаки лучший царский гостинец Лучше ничего не придумать. Не слово святого убеждения, не кровь собственного сердца, не горькое страдание посылает этих казаков, а царская водка. Главный кабатчик Николай Романов подпаивает своих верных слуг и они, пьяные, дикие, без веры в правду, без клятвы за народ, бью нас, восставших рабочих, на всей России.

Так против кого же должна быть наша борьба.

Против царской своры, против всего русского правительства, против царских цепей, которые не дают развернуться нашей пролетарской борьбе.

Бороться только с фабрикантами—значит делать лишнюю надсаду. Мы будем бастовать, а пьяная полиция по царской указке будет таскать забастовщиков на фабрику; мы будем бастовать, а Слободской ежеминутно будет грозить свинцовой нагайкой; мы будем бастовать, а уж пьяная свора казацкая полосует наших товарищей, уж депутаты забираются один за другим. Против нагаечников, против насильников, против царя и его слуг надо начать борьбу.

Так будут же эти голодные дни наши святым заклятьем, пусть будут они началом борьбы с царским правительством, борьбы беспощадной и неумолимой.

Об июльской забастовке костромских рабочих, сыгравшей такую большую роль в деле развития их классового самосознания, помнят живо все рабочие Кашина

„На собрании ответственных организаторов, рассказывает в своих воспоминаниях т. Александр Воробьев, бывший тогда как раз организатором Кашинской фабрики":—мы решили начать забастовку с Кашинской фабр., как наиболее крупной Почва была подготовлена, склонялись к забастовке все, кроме чесального цеха и отдельных лиц с других цехов, с которыми было столкновение, давшее 7 ч. раненых, при чем оружием в этом „бое" служили ножи, гири, палки. Когда собиралась толпа в 200—300 чел., желавшая остановить фабрику, полиция спешила рассеять ее и таким обр. только на 3-й день удалось начать забастовку. На следующий день бастовала вся рабочая Кострома, и громадная толпа рабочих прошла по улицам, останавливая даже мелкие мастерские и призывая поддерживать бастующих. Во главе забастовки стоял т. Степанов или Лаврентий (Гастев). Он пользовался такой популярностью, что несознательные рабочие, вчера забастовавшие только под давлением передовых, сегодня были совсем иначе настроены.

Полиция рыскала только переодетой, розыскивая „зачинщиков". Костромское общество оказывало матерьяльную поддержку забастовавшим. Городская дума ассигновала тысячу рублей, по городу ходили подписные листы, местная интеллигенция жертвовала деньги очень охотно. Забастовка тянулась 3 недели и кончилась победой рабочих; убавили 1 час рабочего дня и прибавили жалованья".

„На мою долю выпала задача снять рабочих типографии, пишет т. Симановский, что мне и удалось вполне, за исключением рабочих губернской типографии, охраняемой полицией. Материальную поддержку бастовавшие получили от городской думы, делали сбор по городу. Тут со мной произошел комичный случай: разыскивая начальника водной станции, я позвонил в одну из квартир Вышедшему на звонок солдату я подал воззвание забастовочного комитета Не прошло и минуты, как в дверях показался генерал, предложивший мне пройти в канцелярию. Вместо н-ка водной полиции я попал в жандармское управление. Генерал при мне отдал распоряжение вызвать немедленно роту солдат, оказалось что не к нам, как я испугался сначала, а в Дуляпино, где рабочие громили ф-ку и хозяйские дома.

„Что это насмешка надо мной? Как вы смели ко мне придти", обратился генерал с пылающим от гнева лицом ко мне. „Что вы, говорю, В-ство, как я смею над

Член 1-го Совета Рабочих Депутатов
Алексей Александрович Симановский.

вами смеяться, я человек пожилой, пошел сам только из за человеколюбия, услышав о Вашей гуманности и доброте. Тут он смягчился и долго говорил со мной: денег дать он не может из за принципа, но своим людям соваться не велит, приехал бы и сам на забастовку и даже не боится, что его убьют рабочие. Во время этой полутора-часовой беседы меня бросало в жар и холод и вздохнул я с облегчением только тогда, когда услыхал от него: „идите, а если вас задержит полиция, сообщите мне по телефону, я велю вас освободить".

Забастовка кончилась победой рабочих: убавили 1 час рабочего дня и прибавили жалованья.

Во время июльской забастовки, комитет ведет агитацию и среди солдат. Рисуется такая картина:

Вы кончите военную службу, вы опять вернетесь к фабричным станкам или опять начнете надрываться над убогой полосой. Невтерпеж Вам станет подневольная жизнь, жизнь проклятая, без отдыха, без просвета. Захотите и Вы улучшить свое положение,— тогда Ваши сыновья солдаты, по приказанию начальства должны будут вас расстреливать А коронованный палач Николай II скажет им: „царское спасибо" как он сказал „спасибо молодцам фанагорийцам", когда они расстреливали мирных стачечников на Корзинкинской фабрике в Ярославле.

Вот что значит служить царю. Согласитесь ли Вы стать убийцами. Согласитесь ли Вы убивать своих братьев. Согласны ли Вы расстреливать мирных стачечников.

Рабочие бастуют. Крестьяне волнуются. В России война внутренняя. На одной стороне—царь, министры, генералы, чиновники, богачи, фабриканты, заводчики, помещики. Их всех об'единяет одно желание как можно более прижимать рабочий класс и крестьян.

На другой стороне—все бедные, все униженные и обиженные, главным образом рабочие и крестьяне Их об'единило одно желание – свергнуть с себя иго царя--палача и богатых и устроить более лучший справедливый строй.

Далее излагаются факты пробуждения сознания солдата.

Товарищи солдаты. Теперь у нас всеобщая забастовка. Рабочие станут собираться толпами, чтобы вместе мирно обсудить свои дела. Вас погонят на забастовавших рабочих—Ваших братьев, и заставят Вас штыками разгонять их, а то еще и стрелять.

Неужто Вы поднимите руку на Ваших братьев. Нет товарищи, Вы не убийцы, Вы ни звери. Вы должны стать на сторону восставшего народа.

Товарищи солдаты, третьего дня Вас вывели перед нами на Кашинском дворе и построили в боевую линию, читаем мы в другом обращении.

Оторвавши от рабочего и крестьянского горя Вас взяли снова на службу учить, как растреливать нас, безоруженных рабочих.

Затем ли вы родились, чтобы не давать жить другим. Затем ли вы приходите на хозяйские хлеба, чтобы пускать в наши голодные рты свинцовые пули. затем ли благословляла Вас дрожащая рука любимой матери, чтобы убивать своих братьев, затем ли она роняла горячие слезы, чтобы вы на слезы других отвечали безжалостным ружейным огнем. Одумайтесь товарищи.

Только что мы об'единились, только хотим крикнуть честное слово правды, только что хотели стоном тысячей замученных людей, рыданиями загубленных детей, тенями преждевременно погибших отцов, всем, всем горем своим горемычным надавить на угнетателей, Вы по команде дармоедов-офицеров вышли против нас.

Вы защищаете наших кровопийц. Вы тем самым, товарищи, становитесь в ряды наших мучителей и так-же губите нас, как они.

В прокламации к Костромским рабочим, комитет так определяет настроение, созданное забастовкой.

„Мы своей стачкой раскачали сонное Костромское болото, фабриканты, как малые ребята заерзали на своих теплых местах. Губернатор день и ночь мечется по городу, как сумасшедший—то дает приказания арестовать всех и каждого, то, как испугавшаяся курица, оторопеет, и не знает что делать. Городская дума, спавшая долгим сном, начинает раскланиваться перед рабочими и говорить о своей доброте.

Через несколько дней Костромской комитет пишет: „Ко всем Костромским рабочим".

На голод и на стон,
Голодных русских масс,
Один ответ у трона,
Лупить нагайкой нас.

Стачка Вам показала, как много значит общая сходка, общее собрание, где каждый мог слышать правдивое слово и излить свою душу товарищам.

Чтоб обсудить свое безотрадное положение, чтобы передумать думу горемычную за всех и каждого, мы собираемся в местных трущобах, вдали от полицейского ока. Там мы говорим, как выбиться из нищеты и горя, как выпрямиться рабочему человеку во весь рост, там мы учимся узнавать наших врагов, там мы обсуждаем нашу борьбу, там, наконец, мы поем наши священные гордые гимны труда.

И вот в прошлое воскресенье, когда мы осыпали проклятиями царский порядок и говорили о подготовке к бою с тиранами—правителями, полицейская и казацкая свора накинулась на нас безоружных. Эта свора еще раз доказала, что правительство—наш злейший враг и жадно ищет случая потешиться над рабочими. Только невиданная глупость казаков, да дурацкая «распорядительность» пристава Слободского помешала вволю потешиться над нами. Все товарищи успели благополучно скрыться. Тогда разъяренная свора после неудачного нашествия начала нападать на отдельных товарищей. Но только что царские опричники показались на улицах революционной фабричной слободки как поднялись крики «Бей, убивай полицию». Женщины, совершенно не затронутые политической пропагандой, кричали: „Режь насильников". С этими криками они набрасывались на городовиков и отбивали у них арестованных товарищей „Они за нас там думали", кричали пожилые женщины. „Они за нас общее дело наше решали". Этим дружным напором, уличной схваткой были отбиты товарищи из ястребиных полицейских когтей. Вот заговорила общая рабочая солидарность (согласие), вот поднимается могучая рабочая рать против царских палачей.

Вот еще прокламация, в которой, наконец, комитет избавился как будто от иллюзий в отношении либеральной буржуазии.

„Тридцать первое июля в Костроме".

Ко всем.

Граждане. В то время, как в амфиладах Дворянского Собрания раздавались напыщенные речи о союзе Кроваво красного царя с бледным либерализмом, в то время, как там обучались просвещенному искусству „держать революцию в руках" (читай: организовать контр-революцию) и выдавали друг другу аттестаты политической благонадежности под высочайшим покровительством полиции, в это время звучали другие речи, слышались другие возгласы под открытым небом на лесной поляне. Революционно-социалистический Костромской Пролетариат готовится стать открытым политическим борцом за демократическую свободу. Вдруг, в то время, как один из ораторов говорил речь, налетели казаки с полицией и разогнали рабочую сходку. Потом начались открытые аресты Но стоило только полиции показать арестованных в революционной рабочей слободке, как на полицию с криком негодования набросилась громадная толпа рабочих мужчин и женщин и мигом отбили арестованных

Эти схватки будут учащаться, набеги будут более организованы, пролетариат будет вооружаться. Не нынче—завтра в Костроме вспыхнет открытая гражданская война. Так не пора ли перестать тешиться мечтою о „легальном исходе" не пора ли перейти от водянистых речей к революционному делу. Ведь пролетариат не пойдет назад, крестьянство даже в Костромской губернии начинает шевелиться; солдаты открыто заявляют свои симпатии пролетариату. При ком же останутся г г. либералы. При.. полиции и казаках.. И теперь уже либерализм трогательно сотрудничает с губернатором в полицейском сыске путем доставления сведений о лицах, бывших в Дворянском Собрании. Это так называемые защитники народной свободы от произвола бюрократии.

Чем дальше будет развиваться революция, тем более Российский либерализм, если останется верен „законному знамени",—будет переходить к реакции. Тогда на-

станет время, что Российский пролетариат откроет свой боевой огонь не только против царизма, но и против царских друзей- народных предателей.

Пока не поздно оставляйте законность.

Пока не поздно идите к революции.

Пока не поздно,—помогайте пролетариату в его революционной нужде—вооружении.

Долой же легальное сотрудничество с реакцией.

Да здравствует революция.

Полугодину 9 января Комитем отмечает прокламацией.

Не праздник, не радость сегодня. Обагренный кровью тиран-царь вспоминает безумные дни Январских избиений в Питере и думает думу: еще бы, еще бы проле тарской крови...

Еще хоть бы раз растрепять безоруженных людей и укрепить этим царское самодержавие.

Но не долго жить тебе, деспот...

Наши товарищи в Питере умерли, но не умер их голос, мы и сейчас его слышим. „Смерть тирану, свобода народу".

Царская пуля сразила товарищей, но не убила она нашей жажды борьбы и мщения.

Они клялись и в предсмертный час завещали нам клятву: за смерть тысячей рабочих, за поруганье тысячей жизней, за трудовую кровь смерть палачам.

Подхватим же этот крик: в печальную полугодину смерти сплотимся в общей погребальной песне по убитым борцам и в этой погребальной тоске и горе почерпнем злобу для нещадной, неустрашимой борьбы за свободу.

Смерть тиранам. Вечная память погибшим борцам.

По поводу манифеста царя о выборах в Гос. Думу Комитет пишет:

6-го августа царь подарил народ новой „милостью"; он издал манифест. Он знает ведь, как Вам тяжело живется; видит он, что терпенью рабочих пришел конец и пронесся по Руси грозный клич: „Свободы и Хлеба". Рабочий класс и крестьянство рвутся из душной неволи—темницы, выйдут скоро они на волю, всю неправду, весь обман они обнаружат, всех угнетателей тюремщиков будут судить они Народным Судом.

Что же надумал царь? Что он дает народу? Почитайте манифест

Царь говорит: „Россия окрепла, благоденствует и процветает единение царя с народом". Поэтому он еще теснее хочет соединиться с народом, чтобы еще лучше жилось ему. Царь говорит: „Я призываю себе на помощь для управления страной выборных людей от всей земли, для этого устраиваю Государственную думу".

Знаете ли Вы товарищи, каково было единение царя с народом до сих пор? Оно было в день 9 января.

Вот новое событие: заключение мира между Россией и Японией.

Прокламация, выпущенная по этому поводу, об'ясняет необходимость этого шага так:

Золотая кровавая корона затлелась от стальных Японских ударов по глиняным ногам самодержавия. Война с Японией стала не в мочь царскому правительству: нет хлеба для солдат, вместо него черви, нет одежды и обуви все раскрадено интендантами; нечем лечить больных, деньги из Красного Креста давно украдены и промотаны великими и малыми князьями; некому хоронить мертвых солдат, они брошены как собаки на открытом воздухе; нет ружей, орудий и снарядов, они застряли на сибирской дороге, по которой в царских поездах катались Алексеев, Куропаткин и Линевич; нет офицеров, все они пьют и развратничают с русскими и японскими проститутками; нет главнокомандующего, вместо него сумашедший старик. Нет солдат, вместо них гниющие трупы.

По поводу суда над рабочими—сборщиками пожертвований, комитет выпускает прокламацию.

Полиция дошла до верха наглости, что захотела отыграться на тех трех депутатах—сборщиках пожертвований в пользу нуждающихся стачечников,—которых ей пришлось по время забастовки освободить по требованию рабочих. Полиция привлекла

этих 3-х сборщиков—Частухина, Вавилова, Савинова к суду, обвиняя их в собирании милостыни, по 49 статье. Ложь была настолько наглой, что даже мировой судья, царский чиновник и тот увидел, что полиция зарвалась. Все показания свидетелей опровергли это обвинение. Товарищей, конечно, оправдали. Капиталисты после забастовки снова все крепче и крепче стали завинчивать свой пресс—сжимать в тиски рабочих. С фабрик, где товарищи не могли отстоять, увольняли передовых рабочих. У Кашина на днях с гекли было уволено без всяких об'яснений 5 человек. Фабриканты, ободренные тем, что рабочие не протестовали против увольнения, намечают уже новые жертвы, по слухам они хотят выбросить всех передовых рабочих.

Мы видим хорошо, в чем наша главная слабость—у нас мало сплоченности, слаба организация.

Товарищи, вступайте же в ряды Социал-Демократической Рабочей Партии. Всеми силами способствуйте ее укреплению. Товарищи, нашей забастовкой руководили социал-демократы. Везде во всех выступлениях рабочего класса впереди идет наша Социал-Демократическая Рабочая Партия. Под знаменем Социал-Демократии собирается весь Российский пролетариат.

Рабочая жизнь, все притеснения, все, что должно быть освещено в печати, начинает поступать в Комитет, как рабочие корреспонденции. Комитет выпускает ряд бюллетеней

БЮЛЛЕТЕНЬ № 1-й.

I Помощь больным у Зотова. Передаем товарищам два случая наглого издевательства над больными со стороны Зотовского фельдшера, величаемого Михаилом Ивановичем. Приходит к нему работница с больным пальцем и просит поскорее перевязать. «А, вы узнали теперь, что выдают пособие, так и лихаете пальцы в машину», закричал гневный Михаил Иванович. Но он не кончил этим надругательством, а важно заговорил: „Вот я купаться схожу, подожди. Тогда и перевяжу". Больной, измученной женщине пришлось ждать целый час.

Этого издевательства тогда не будет совсем, когда будут уничтожены царские порядки и когда свободный народный суд будет беспощадно судить наших обидчиков негодяев.

Вот другой случай. К тому же фельдшеру после работы пришла больная женщина за лекарством. Не во время пришла, я только принимаю в полчаса десятого. Как будто болезнь то спрашивает, когда есть время хворать.. После многих поклонов фельдшер согласился дать лекарство, но не давал пузырька. Измученная женщина должна была итти домой за пузырьком.

Медицинская помощь должна подаваться не только вечером, но и во всякое время дня и ночи. Если теперь больничные порядки останутся по старому, то во время следующей стачки мы общей борьбой отвоюем свое попранное право.

II. Увольнение товарищей у Кашина. Кашинская администрация начинает поход против крамолы. Если товарищи, по мнению администрации, причастны к политике, то они безжалостно изгоняются. Недели полторы назад были уволены пять товарищей. На днях уволены еще две моталки по доносам досужных людей. Знать мало полиции да шпионов у царского правительства, так у Кашина открылось свое сыскное отделение.

III. Аресты. Царская свора не дремлет. Видя, как идет вперед дело социалистической пропаганды в Костроме, полиция набрасывается на первого встречного. В Народном доме была попытка арестовать одного товарища. Но у царских опричников жертва была скоро отбита.

Через два дня был взят утром другой товарищ совершенно без всякого с его стороны повода.

Тут для нас другой вывод, товарищи. Не только случайной толпой надо отбивать товарищей, а надо сорганизоваться в дружины для отпора царским слугам и днем и ночью, и на улице, и в фабрике, и на дому.

Товарищи, доставляйте сведения Комитету о всем, что делается около Вас на фабриках, в больницах, в школах, везде и всюду. Комитет будет о каждой мелочи писать листки и бюллетени: даже самое маленькое дело не должно замалчиваться, а выходить на свет, на всеобщее сведение.

Кроме того, товарищи, передавайте корреспонденции, заметки и сообщения для редакции нашей демократической газеты „Пролетарий" чтоб о вашей жизни знали товарищи и из других городов России.

Работать во всю надо, товарищи.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 2.

I. Сыскное отделение у Зотова. В приготовительном отделении у Зотова есть несколько досужих работниц, которые постоянно занимаются доносами. О всех разговорах на фабрике ли, в клозете ли, о всем, что делается нелегального, становится известно через Зотовских шпионок; они изволят о всем докладывать Самойлову, а тот пред'являет „провинившимся" товарищам расчет.

Самойлов прямо лелеет этих шпионок, подходит к ним, по целым часам разговаривает с ними, выведывает все, что говорится товарищами социал демократами, как и кем раздаются прокламации, кто ведет на фабриках агитацию и проч. Мало того, Зотовские шпионы доходят до такой низости, что ходят к Самойлову на дом и подробно выкладывают ему свои полицейские новости.

Нет позорнее шпионского занятия, нет преступления гаже, чем доносы. У нас на фабриках эти шпионы—иуды-предатели. Презренье им товарищи. Мало того, фамилии этих шпионов мы публикуем в особом листке, пригвоздим их к позорному столбу. Пусть тысячи честных глаз товарищей прожгут бесстыжие лица наших изменников.

У Зотова есть всем известный Николай Иванович Зимин. Для него на фабрике два разряда рабочих: одним он благотворит, а других притесняет. Пропустишь по болезни день—два, потом кланяешься ему как богу, а он только семиэтажными ругательствами отвечает, особенно если человек по доносам шпионок, числится в нечистых. Кому же он благоволит. Главным образом пришлым деревенским рабочим, малосознательным, которые ему возят подарки натурой—молоко, масло, овса, а иногда так и барана. Точь в точь как помещику в крепостное право или деревенскому богатею ростовщику.

II. Порядки на фабрике Анонимного общества. На днях на фабрике Анонимного общества расчитаны ни за что, ни про что 65 человек. За пять минут до обеда они собрались в одну кучку и рассуждали о своих делах. Эту сходку увидели гневные очи директора. „Разве эти рабочие лишние"—спрашивает директор приказчика. У приказчика затряслись колени и вместо ответа он начал бормотать что-то невнятное. „Расчитать их всех"—закричал директор, и 65 человек были выкинуты на улицу.

Товарищи, увольнение рабочих с фабрик есть везде и будет до тех пор, пока существуют капиталисты; но всетаки и теперь необходимо добиваться устройства промысловых судов и третейских судов для разбора таких совершенно произвольных действии. Эти суды должны быть составлены из рабочих и капиталистов поровну.

III. Штрафы. Сын знаменитого Михаила Ивановича Симанович у Зотова безжалостно штрафует натерщиц Тоже самое проделывают у Михина в мотальном отделении. За каждый пустяковый перемет записывают штраф.

Заставляют выколачивать из нас штрафы, товарищи, а не говорят—где и сколько теперь штрафного капитала. Придет время мы потребуем у Вас, эксплоататоры, полный отчет в штрафных деньгах. Эти штрафные деньги мы обратим на что желаем, напр. на стачечную кассу.

IV. Церковная агитация. В Селище во время обедни поп говорил любопытную проповедь: он советовал своему православному стаду скорее женить своих детей. „Неженатые молодые люди, занимаются темными делами, говорит поп, ходят в лес на сходки, читают непозволительные книги, устраивают забастовки, жените их скорее" вопил поп с амвона. Он знает, что неженатая молодежь—не связанная по рукам и ногам семьей, смело идет на борьбу против капиталистов и царского самодержавия; он знает

также, что рабочий класс, поднявшись против эксплоататоров, не позабудет ударить и по поповскому карману.

Пусть бы селищенский поп почитал, что делается теперь на Кавказе: там священники во многих уездах перестали быть царскими прислужниками, а сами встали на сторону измученного народа и вместе с ним говорят: долой царское угнетение и надругание, да здравствует отделение церкви от государства.

Это значит вот что: Ежели ты хочешь учить людей вере, то учи не под защитой полиции, а свободно, не делай так, чтобы веру, которую ты называешь священной, царские прислужники обратили в полицейский сыск, отстаивай полную свободу для веры и не стращай народ полицейским участком

Костромской Комитет.

По поводу суда над привлеченными за забастовки комитет пишет.

Сегодня в застенке совещаются царские слуги. Под охраной полиции, жандармов и казаков думают они расправиться над честными гражданами. Расправляются за то, что эти честные граждане пытались указать другим гражданам на причины бедственного положения родины и на способы избавления от них. Царские палачи прикрываются маской суда, но боятся сделать народ свидетелями своего заговора. Они знают, что достаточно открыть двери суда, как суд палачей над честными гражданами превратится в суд народа над этими палачами и над порядками, которыми они держатся.

Но мы откроем двери И не только двери суда, но и двери тюрем и замки казематов мы разобьем вместе с цепями, держащими народ в рабстве и угнетении. Российская Социал-Демократическая Рабочая партия организует народное восстание. Всех угнетенных и обездоленных зовет она в свои ряды, ко всем честным гражданам обращается она, чтоб помогли ей деньгами, оружием и проч.

Делает комитет попытку вести агитацию и среди крестьян, выходит прокламация.

„О забастовщиках."

Братья крестьяне!

Вы теперь на каждом шагу слышите о забастовках, о волнениях, о бунтах, о красных флагах. В селе Вам об этом рассказывают соседи, в волости старшина, да писарь, в церкви священник, а в городе на базаре Вам об этом говорят торговцы да полиция.

Послушайте же Вы и наше слово, послушайте с терпеньем и нас забастовщиков.

Прежде всего один мы вам вопрос зададим: кто бастует, бедный или богатый с горя бастует или с веселья! Бастует бедный народ – городские рабочие—фабричные и заводские, маленькие приказчики, которые работают по 15 часов в сутки, служащие разных заведений, ни днем ни ночью не знающие покоя и прочая мелкая служба городская. Отчего же они бастуют? Вот отчего—с малых лет отдают какого нибудь мальчишку одиннадцатилетнего на фабрику Ему бы в самую пору на воздухе надо быть, ан, глядишь, судьба его сунула на фабрику—пыль фабричную глотать. Не растет мальчишка. Бледный становится, без кровинки Ему бы росту надо прибавиться, а у него лицо только серьезнее становится. Малыш, малышем. Грудь узкая, впалая, дыханье слабое. На фабрике он отработал часов десять, одиннадцать: вышел на улицу. Тут ему вместо доброго слова, да хорошего размышления одна казенка И идет он в нее чуть не с десяти лет. Сначала так: на людей глядя, а потом говорит, что мне, горе то только в водке потопить можно. Напьюсь, думает, да на просторе изругаю всех, да и с собою то всласть наговорюсь, тоску всю из нутра вытравлю. Так вот и идет жизнь-то нерадостная, горевая, безотрадная.

Сначала он думает, что так уж ему на роду написано, что только пить да страдать, а потом у него глаза открываются: бельмо как будто с них спадет. Он видит, что на его долю только горе, тоска, да нездоровье. А вот хозяин то. У него что. Он живет на то, что сработают рабочие. Сам хозяин пылинки с места на место не переложит. А живет он словно в царских палатах, ест он сдобные да сладкие кушанья, пьет заграничные вина; живет только в свое удовольствие. И к рабочему у него никакой жалости. Чем больше грязи у рабочего, чем скверней ему живется, чем больше

пьет он сивухи, тем лучше фабриканту. Пусть валяется в грязноте, пусть недалеко ушел от свинского житья. Лучше меньше спрашивает и меньше понятий имеет.

Так вот глядите, что значат наши забастовки, не баловство это какое нибудь, а всякий на нашем месте бастовать начнет, хотя бы он сто зароков дал не бастовать.

Так раскрывайте же ваши глаза, братья крестьяне. Не слушайте полицейских бредней. Это волки в овечьей шкуре подходит к вам. Им хочется вас натравить, вас на забастовщиков, чтоб еще больше давить рабочих.

И у вас в деревнях, глядите, прижимки большие. И у вас стон стоит от оброка да малоземелия Глядите уже у вас начали отказываться оброки платить, потому что взять неоткуда, весь народ обнищал Так стало быть эти крестьяне тоже забастовщики. Вот почему мы и говорили, что союз один надо составить из нас городских рабочих, и вас деревенской бедноты. У нас одно общее горе, одни слезы, одна беда беспросветная. И борьба за долю лучшую, за долю светлую, за свободу нашу, народную, должна быть общая. Протяните же руку нам, забастовщикам, знайте что наш путь—путь правды, наши мысли и думы добрые и справедливые.

Да здравствует же забастовка.

Да здравствует союз городских рабочих и бедноты крестьянской.

Все с большим вниманием читается литература, все с большим интересом прислушиваются рабочие ко всему происходящему

Осенью настроение все повышается. Кроме большого, как мы видим, количества листовок. Комитет ведет работу и в кружках, устраиваются массовки в лесу, и летучки у фабрик.

Иногда где нибудь в усадьбе верст за 8 читается реферат,—охотно идут и туда.

Постепенно массовки стали заменяться открытыми уже митингами. Первый такой митинг был в техническом училище перед октябрьским манифестом. Училище было так переполнено, что попасть туда вновь приходившим уже не было возможности. Преобладали рабочие и учащиеся. Выступало много ораторов, в том числе представитель Моск организации т. Тимофей. По окончании митинга здание было оцеплено полицией и казаками. Выходящая публика слушала угрозы, но на этот раз избиения не было,—слишком велика была толпа.

Начинается полоса в движении, которую можно отметить, как период массового движения, когда революционная волна смыла подполье.

Публичные лекции, диспуты с выступлениями блестящего оппонента т. Лаврентия и солидного теоретика т. Афанасия (Квиткина) Горячие, брызжущие остроумием захватывающие речи первого и медленные, строго выдержанные, продуманные, изобилующие колкими и меткими выражениями, доводы второго.

Первый—маленький, юркий, веселый, второй—длинный, худой с насмешливой улыбкой и никогда не потухающей папиросой.

Первый—типичный агитатор массовик, свободное время живший в гуще рабочего района одной жизнью с массой, второй—теоретик, опытный пропагандист, незаменимый тактик, «ходячая марксистская энциклопедия", как представлялось нам, юным работникам.

Ужасные дни пережила Кострома 19 октября 1905 г: черносотенный погром. Накануне 19 окт. в Костроме с'организовался забастовочный комитет, в состав которого входили представители всех, существовавших тогда в городе, организаций. Манифест стал известен по телеграфу 18 окт., собрался забастовочный комитет и п становил поддержать всеобщую забастовку остановкой предприятий, земских и городских учреждений и учебных заведений.

19 октября утром представители среднеучебных заведений ходили по городу и снимали учащихся с занятий Было решено соединиться с рабочими на митинге в Михинском сквере. Этот план был нарушен внезапным нападением полиции и черной сотни на демонстрантов во время митинга на Сусанинской площади.

Тов. Михайловский давал характеристику манифесту и призывал не верить провокации со стороны правительства, вынужденного под давлением народа итти на уступки. Полиция окружила митинг, крестьяне, приехавшие в большом количестве на базар, темная невежественная толпа, настроенная черносотенцами, приняла участие в избиении. По головам демонстрантов гуляла палка с вколоченными в нее гвоздями, казаки гарцевали на площади, а губернатор Князев любовался на избиение, стоя на углу гостинного двора.

В этом событии сказалась неподготовленность партийных центров дать отпор обнаглевшим черносотенцам.

После этого побоища митинги перенесли на Михинский сквер и была спешно организована боевая дружина для охраны митингов от нападения черносотенцев и казаков и для предупреждения погромов. На первом же митинге, кажется 22 окт., было громадное количество рабочих, выкинули с. д. и с. р. знамена Митинг продолжался уже 2 часа, как вдруг налетели казаки и бросились к знаменам. Началась перестрелка с боевиками. Был убит казачий сотник.

„Красное знамя так и не выпустили из своих мозолистых рук", пишет в своих воспоминаниях рабочий И. Федоров.

Это было первое выступление дружины, хороший урок для зарвавшихся черносотенцев.

Убийство казака привело в ярость остальных. Искали случая, чтобы отомстить членам боевой дружины и расправлялись, если это удавалось, жестоко.

Вот что разсказывает один из пострадавших рабочий—К. И. Вульпе:

„Я был в боевой дружине десятником, а сын—начальником отряда. Почти каждую неделю раза по 2 бывали у нас обыски, не находили ничего, но грозили, что разнесут весь дом по бревну.

Когда был убит казак, меня в этот день поймали и передали в распоряжение командира батальона, который сделал солдатам распоряжение, чтобы меня убить. Начали бить сначала кулаками, потом в 2 приклада, потом нагайкой. На другой день, в больнице, я пришел в сознание и мне разсказали, как тащили меня волоком до лазарета".

Полиция теперь не осмеливалась уже разгонять митингов, которые происходили каждый день. Выступали: Степанов, Афанасий. Дьяконов, Растопчина, Соколов. Караваев, Рождественский, с. р. Батуговский и многие рабочие, получившие первый раз в жизни возможность высказаться.

Днем—митинги на сквере, иногда беспрерывно с 11—12 ч. до 3—4 ч., а вечером в сборных, откуда ораторов провожали боевики, т. к. легко было попасть в руки черной сотни.

„Ежедневные собрания, занятия в кружках, митинги—работали все с большим под'емом, не зная усталости днем и ночью. Картина была отрадная", пишет рабочий Набегин.

В первых числах ноября с'организовался 1-й Совет Рабочих Депутатов, всего было 500 членов.

Вся рабочая масса была втянута в выборы, выбирали от цехов, от каждых 25 чел. по одному депутату и от всех городских предприятий Всем рабочим было близко это первое народное представительство, все ждали, как заговорят о рабочих нуждах свои депутаты

В Исп. Комит. вошли 9 человек: от ф-ки Кашина—Соловьев, Набегин, Федосеев и Степан Смирнов (оказавшийся позднее провокатором), от Михина —Белов, от Зотова —Соколов, Вавилов и Симановский, от Чумакова – Марков.

Кроме того вошли: „Лаврентий" (Гастев), „Афанасий" (Квиткин) и „Пожарный". Два первые от Комитета Р. С. Д. Р. П

Такой был под'ем, с таким доверием смотрела масса на своих депутатов.

Регулярно 2 раза в неделю собирался Совет Рабочих Депутатов, при переполненном зале Разбирается целый ряд вопросов рабочего быта – расценки, удаление нежелательных лиц, взаимопомощь и пр. Организуется касса, с каждого рабочего взимается 1% заработка. Принимается устав.

Кашинская сборная—место рабочих митингов в 1905 году.

ИЗВЕСТИЯ

Совета Рабочих Депутатов города Костромы.

19-е ноября 1905 г. № 2.

1. *Выборы депутатов.* Зотовский Отдел (Секция) пополнился депутатами с белилки. Аг-татор от Костромского Комитета Р С Д.Р.П. предложил главному мастеру остановить работы. Мастер согласился. В течение часа были выбраны депутаты. На самой фабрике состоялся митинг, где оратор подробно выяснил задачи Совета.

На Кашинскую фабрику тоже проник агитатор. Во всех крупных цехах состоялись митинги. Каждый цех выбрал своих депутатов приблизительно по одному на сто человек.

Собрания отделов (секций). Депутаты каждой фабрики составляют отдел (секцию). Теперь с'организованы две секции: Зотовская и Кашинская. Очередь за фабрикой Анонимного Об-ва, за Чумаковской и другими мелкими фабриками, заводами и мастерскими; во многих из них дело тоже подвигается.

На заседании 17 го ноября Зотовская секция Совета (45 чел.) постановила: „Обратиться к фабриканту с требованием уплатить за все время забастовки, то есть за полдня всем цехам и мастерским и уполномочить Исполнительную Комиссию пред'явить это требование".

Маневры на фабрике Зотова. На Зотовской фабрике чудеса. Вдруг появилось об'явление о новой таксе для сушильщиков. За сушку пряжи и ниток по 3 с четвертью копейки с пуда, за выноску мокрой пряжи, разбивку на полки и вязание в пачки по 3 с четвертью коп. Каково, мы выставили требование прибавить на одну четверть коп. на пуд с двух и трех четвертей до трех, а тут повысили на полкопейки.

Это первая позиция взятая еще только угрозой организации Совета. Еще не успел наш Совет Рабочих Депутатов и собраться то правильным путем, как уж фабрикант делает уступки. Дешево же хотят фабриканты отделаться от грозных и неотступных наших требований.

Так, смелей же товарищи. Будем крепче сплачиваться вокруг Совета Рабочих Депутатов, Не будем бастовать порознь, не будем ползти за фабрикантами.

Славная борьба Совета Депутатов рабочих Петербурга доказала, что ничто, ни какие силы не могут устоять против дружного организованного натиска пролетариата. Вперед же товарищи рабочие. В нашу организацию.

Митинги чиновников. В самом недалеком будущем в Костроме созывается митинг чиновников. Количество их определяется приблизительно 400 человек Как говорят некоторые чины полиции хотят непременно посетить этот митинг в качестве слушателей.

Резолюция почтово-телеграфных чиновников. Собрание чиновников Костромской почтово-телеграфной конторы на общем собрании 18-го ноября единогласно постановило:

Вследствие того, что борьба почтово телеграфного чиновничества в настоящее время знаменует только начало великой борьбы труда с капиталом и что в дальнейшем чиновничество в своей борьбе не может быть изолированным от остальных борющихся слоев населения и главным образом рабочего класса, собрание приветствует образование в Костроме Совета Рабочих Депутатов и делегирует в него своего представителя. Цель этого представительства быть всегда в курсе настроения рабочего класса и чтобы по возможности приурочивать свои выступления на борьбу к общим выступлениям пролетариата.

В настоящее время мы делегируем пока своего представителя лишь для целей полной осведомленности и морального об'единения А юридически оформить наше отношение к Совету мы думаем после соответствующего лозунга нашего Центрального Бюро или же общего С'езда.

Эта резолюция собранием Кашинской секции 19 ноября была принята очень сочувственно.

ИЗВЕСТИЯ

Совета Рабочих Депутатов города Костромы.

22-го ноября 1905 г. № 4.

Заседания Исполнительной Комиссии Совета Рабочих Депутатов гор. Костромы 22 ноября. После обсуждения были приняты проекты устава Совета Рабочих Депутатов и кассы фабричного района. Решено эти проекты внести на обсуждение ближайшего Общего Собрания Совета.

Проект устава Рабочих Депутатов г. Костромы.

§ 1. Совет имеет целью организовать местный пролетариат для успешной борьбы за улучшение его экономического и правового положения.

§ 2. Совет Рабочих Депутатов состоит из выборных рабочих фабрик, заводов, мастерских, профессиональных союзов по одному депутату и кандидату приблизительно от 50 человек.

Примечание 1. Фабрики, заводы, мастерские, имеющие от 50—100 выборщиков получают право выбора 2-х депутатов

Примечание 2. Право выбора в Совет Рабочих Депутатов имеют все рабочие без различия пола, возраста, религии и национальности.

§ 3. Собрания Совета Рабочих Депутатов бывают или общие или по отделам (секциям) фабричному и городскому, а также и по отдельным фабрикам и заводам (подсекциям).

§ 4. Очередные Собрания Совета Рабочих Депутатов назначаются или самим Советом или собираются Исполнительной его Комиссией Чрезвычайные собрания созываются или по инициативе Исполнительной Комиссии или по требованию не менее одной десятой членов Совета Рабочих Депутатов.

§ 5. Очередные собрания Совета Рабочих Депутатов происходят не реже одного раза в неделю.

§ 6. На собраниях Совета Рабочих Депутатов и его отделений все вопросы решаются простым большинством голосов.

§ 7. Кандидаты депутатов пользуются правом только совещательного голоса.

§ 8. Председатель и помощ Совета Рабочих Депутатов и его отделений избираются Общими Собраниями из своей среды. Секретари могут быть избраны и не из состава Совета с правом совещательного голоса.

§ 9. Исполнительная Комиссия. Совет Рабочих Депутатов для исполнения своих решений избирает *Исполнительную Комиссию* из представителей и кандидатов по возможности крупнейших отдельных фабрик и городской секции. В Исполнительную Комиссию входят с решающим голосом двое представителей от местного Комитета Российской Социалистической Рабочей Партии; они же входят и в состав Совета Рабочих Депутатов, как полноправные члены.

§ 10. На обязанности Исполнительной Комиссии лежит и организация выборов как новых депутатов от рабочих, желающих присоединиться к Совету Рабочих Депутатов, так и по предложению Совета переизбрание старых депутатов, вместо выбывших или недобросовестно исполняющих свои обязанности.

Примечание. На обязанностях Исполнительной Комиссии лежит издание и редакция „Известий Совета Рабочих Депутатов".

§ 11. Исполнительная Комиссия дает периодические отчеты в своей деятельности Совету Рабочих Депутатов.

§ 12. При фабричном отделе Совета Рабочих Депутатов учреждается особая Кассовая Комиссия и касса в целях поддержки рабочих во время стачек, а также для помощи пострадавшим в борьбе за рабочее дело.

Примечание. Порядок деятельности и организация Кассовой Комиссии определяется особым уставом

§ 13. При Совете Рабочих Депутатов для его нужд (издание Известий Р. Д. и прочие организационные расходы) имеется его собственная касса, пополняемая из касс организаций, входящих в Совет Рабочих Депутатов и из других поступлений.

Примечание. Размер отчислений в собственную кассу Совета определяется Собранием Совета Рабочих Депутатов.

Проект устава кассы Совета Рабочих Депутатов гор. Костромы *Фабричной Секции.*

§ 1. Назначение кассы Касса фабричной секции местного Совета Рабочих Депутатов существует для поддержки рабочих во время стачки, а также для помощи пострадавшим в борьбе за рабочее дело.

§ 2. *Порядок расходования* стачечного фонда определяется Общим Собранием Совета Рабочих Депутатов, в ведении и под контролем которого находится касса.

§ 3. *Состав кассы.* На участие в кассе имеют право рабочие фабрик, заводов и мастерских, приславших своих депутатов в Совет Рабочих Депутатов.

Примечание 1. Членам кассы могут быть все рабочие фабричной секции без различия пола, возраста, религии и национальности.

Примечание 2 Касса фабричного района существует отдельно от кассы района городского.

§ 4. *Средства кассы* составляются как из взносов рабочих с каждого заработанного рубля, так и добровольных пожертвований, сборов, доходов с вечеров, спектаклей и проч.

§ 5. *Размер взносов.* Каждый участник уплачивает в нее не менее 1 % своего заработка.

Примечание. Сборы уплачиваются участниками кассы во время каждой получки через особо выборных сборщиков из состава Совета Р. Д.

§ 6. *Заведывание делами кассы* находится в центральной кассовой комиссии, выбранной Советом Рабочих Депутатов из своего состава.

§ 7. Для организации сборов на каждой фабрике существует своя фабричная кассовая комиссия, передающая все поступления в центральную кассовую комиссию.

Примечание. Члены Исполнительной Комиссии не могут быть членами кассовых комиссий.

§ 8. *Число членов* кассовой комиссии определяется на Общем Собрании Совета Рабочих Депутатов.

§ 9. Для проверки действий кассовой комиссии и наличности кассы существует Ревизионная Комиссия из особых выборных отдельных цехов (не из состава депутатов Совета)

§ 10 Кассовая комиссия обязана иметь на руках из сумм кассы не более 50 рублей; все остальные средства кассы находятся на хранении доверенных частных лиц, выбранных Советом Рабочих Депутатов, эти лица, взамен взятых на хранение денег, выдают векселя на имя членов кассовой комиссии.

Было решено в самые же ближайшие дни назначить собрание фабричных секций для обсуждения экономических требований, с тем чтобы затем объединенную программу этих требований обсудить на ближайшем Общем Собрании Совета.

Исполнительная комиссия постановила обратиться с воззванием ко всем фабрикам, заводам, не выбравшим депутатов в Совет Рабочих Депутатов, с требованием немедленно же выбрать депутатов в Совет Р. Д.

По вопросу о борьбе с хулиганами, производящими насилия в фабричном районе, были приняты такие решения:

1. Обратиться в местный Комитет Росс. Соц. Дем. Раб. Партии с предложением, чтобы он с помощью своей боевой дружины принял меры против участников хулиганства.

2 Организовать при Совете Рабочих Депутатов особую судебную комиссию для воздействия на хулиганов и безобразников.

3. Публиковать в Известиях Совета Р. Д имена хулиганствующих лиц.

4. Пытаться воздействовать на черносотенных безобразников убеждениями.

По поводу известного воззвания Совета С.-Петербургских рабочих депутатов решено:

1. Открыть подписку пожертвований в пользу рассчитанных фабрикантами петербургских товарищей; 2. Как можно поспешить с организацией Совета Рабочих Депута-

тов и выработкой требований, чтобы в случае призыва к всеобщей политической забастовке, быть наготове.

Все эти предположения Исполнительной Комиссии будут вынесены на обсуждение Общего Собрания Совета Рабочих Депутатов, имеющего быть в воскресенье 27 ноября в 4 часа дня в Народном Доме. Там же в 10 часов дня—собрание Исполнительной Комиссии.

Издание Костромского Комитета Российской Социалистической Рабочей Партии.
Типография Костромского Комитета.

Рабочие определенно уже дают себе отчет в том, что фабриканты выступают теперь против них, как политическая сила.

Вот резолюция, принятая на Зотовском и Кашинском митингах 16-го декабря 1905 г. в ответ на об'явление представителя фабрикантов, главного директора Анонимного Об-ва Л. Моргунова.

Сначала Костромская дума, а за ней и самолично городской голова, а также губернатор и разные тузы буржуазии начали поход против революционного пролетариата.

Моргунов, этот верный столп Виттевского лживого правительства, прежде всего клянется царским манифестом 17-го октября. Российской буржуазии хочется усесться между двумя политическими стульями: между царским самодержавием, отстаивающим интересы дворянского класса и революционным пролетариатом и народом. Мы принимаем слова капиталиста Моргунова за лишнее торжественное признание костромских буржуазных тузов, что они противники истинной народной свободы.

Прежде мы боролись с фабрикантами на почве экономических требований, теперь фабриканты выступают против нас, как политическая сила. Неподходящее время выбрали г. г. капиталисты для борьбы против Совета Рабочих Депутатов. Что же касается того, что Моргунов хочет обстоятельно вникнуть „ограничивает ли права хозяев" Совет Рабочих Депутатов, то пусть он не надевает своих очков, а наперед ему говорим, что Совет это учреждение, где мы спеваемся и организуемся для беспощадной борьбы с фабрикантами и капиталистами, с правительством. Совет—это пролетарский алтарь, в нем борьба буржуазному трону и всем, кто за ним.

Относительно уверения в необходимости Совета Рабочих Депутатов и Исполнительной Комиссии, мы скажем, что в этом надо уверять правительство, так что капиталисты ошиблись адресом. Что же касается вашего, г. Моргунов, презрения к собственным депутатам, то в ваших ласковых словах, песнях, мы слышим прежнее буржуазное рычание. Нет. Мы заставим вас и в депутатах вашей фабрики видеть человека, а не смотреть, как прежде, на безответных животных. Довольно рабского преклонения перед вами, господа капиталисты, буржуа, довольно стонов и сдавленных рыданий. Подымайся еще выше пролетарская личность. Брат рабочий, учись смотреть прямо в глаза твоему эксплоататору и заставь его признать в тебе гражданина.

До половины декабря Совет собирался в Нардоме, потом начались репрессии, пришлось перебраться в сборные и собираться при охране боевой дружины.

Поражение Московского декабрьского восстания положило конец открытым собраниям. Когда арестовали Петерб. Совет Рабочих Депутатов, была созвана конференция, постановившая об'явить 3-х дневную забастовку протеста.

В 3 часа утра на затянувшемся организационном собрании вынесли постановление о забастовке, а в 8 час. утра уже все работники рассеялись по фабрикам, чтобы „снимать с работы". После забастовки Исполком Сов. Раб. Депутатов собирался еще нелегально. Накануне Рождества были арестованы члены Совета Раб. Деп и целый ряд ответственных работников. Политическая жизнь, бившая ключом, вдруг почти замерла. Каждый день вырывали по нескольку работников в тюрьму. Арестовали несколько членов Исполкома.

Оставшиеся 4 человека собрались еще раз уже нелегально 27 декабря в частной квартире на Ново-Троицкой улице. Полное бессилие, уверенность в том, что и они не сегодня-завтра будут в тюрьме. „Потолковали, потолко-

вали делать нечего, приходится сложить руки", пишет в своих воспоминаниях А. А. Симановский.

Все, кто проявил столько активности, все те, кого подарила масса своим доверием—в тюрьме. Не гудит толпа на Михинском сквере, не звучат смелые свободные речи.

Вот освещение работы по обвинительным актам.

„В 1905 г. в г. Костроме организовался соеди фабричных совет рабочих депутатов, который в ноябре того же года соединился с Костр. Комитетом Р. С. Д. Р. П. Образованное сообщество занялось пропагандой путем распространения прокламаций и устройства митингов, охранявшихся организованной для того дружиной. Алексей Дьяконов принимал деятельное в нем участие, выступая на митингах в качестве оратора, при чем призывал к вооруженному восстанию для низвержения самодержавия и исполнял обязанности секретаря на собраниях районного заводского комитета", читаем мы донесение, относящееся уже к 1908 году, прокурора Костр. Окр. Суда об одном из самых видных работников 1905 года.

„Вскоре после манифеста 17 окт. 1905 г. фабричными рабочими Костромского района был образован так называемый Сов. Раб Деп, поставивший себе целью защищать права и материальные интересы рабочих, ограждать рабочий класс от эксплоатации предпринимателей и вести переговоры по этим вопросам с фабрикантами и чинами администрации. Деятельность его носила экономический характер до декабря 1905 г., когда он соединился с Костр. Ком. Р. С. Д. Р. П. и уклонившись от прямых своих целей, занялся обсуждением политических вопросов. Из отобранных у студ. Дьяконова и крестьянина Лебедева протоколов собраний видно, какие цели преследовал этот Комитет и какими средствами пользовался для их осуществления, а именно: с целью распространения среди рабочих и других классов населения нелегальной литературы издавались прокламации и были организованы отдельные кружки пропаганды. Чтобы зорко следить за положением дела на фабриках и за настроением рабочих, были организованы районные комитеты и подкомитеты. Для распространения идей Р. С. Д. Р. П. периодически устраивались митинги, охранявшиеся боевой дружиной. На собраниях дебатировался вопрос о подготовке рабочих ко всеобщей политической забастовке, устраивались так называемые агитационные вечеринки. Наконец, для сбора пожертвований заведены были чековые книжки, по одной на каждый цех".

„18 декабря, читаем мы в донесении костромского полициймейстера прокурору Костр. Окр. Суда, в квартире крестьянина Парф. Гавр. Лебедева, в комнате, занимаемой его сыновьями, произошел взрыв, во время которого Павлу Лебедеву обожгло лицо, почему он до прибытия полиции отправлен был на излечение в губ. больницу".

В ночь на 18 сего дек., начальник Жанд. Управл. доносит, что „в порядке положения о Госуд. Охране были произведены обыски в квартирах студ. Алексея Ник. Дьяконова и мещанина Ив. Станисл. Батуговского.

Названные лица того же числа арестованы и заключены под стражу в Костр. тюрьму.

22 декабря доносится, что „в доме костромского мещанина К. И. Вульпе, по прозванию „Сардынец" имеется склад оружия".

После произведенного обыска никакого оружия не обнаружено, но во время личного обыска в кармане найдены печатные прокламации и отчет заседания Совета Рабочих Депутатов. У его сына Ивана 19 лет, в кармане пиджака оказалось: подписной лист за № 8 на вооружение пролетариата, с печатью Костромского Комитета Р. С. Д. Р. П. и до 25 подписей жертвователей, на сумму 12 руб. 93 к., печатный лист „Песни труда" и 2 списка милиции из рабочих, карандашем список тех же милиционеров, с отметкой против каждого из них у кого какое находится на руках оружие и пять билетов на вход в костромское общественное собрание с чернильными подписями на каждом „Дружина".

По имеющимся сведениям отец и сын Вульпе принадлежали к боевой дружине.

Вот еще ряд донесений.

„В ночь этого же числа производится обыск в квартире депутата от чесальной фабрики Зотовых, крестьянина Владимирской губернии Трофима Селиверстова Вавилова. Оружия не оказалось. При личном обыске найдены следующие документы, указывающие на принадлежность его к организации вооруженного восстания против существующего строя: письмо к директору фабрики от Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов города Костромы, подписанное членами этой комиссии: Симановским, Набегиным, Смирновым, Беловым, Марковым, Новиковым, Соковым, Федосеевым, Соловьевым, Степановым и Афанасьевым с печатью Совета Рабочих Депутатов, прокламация „Ко всем. 22 ноября", „Изв. Раб Деп.", счет пожертвований в пользу Петербургских рабочих, манифест Сов. Раб. Деп., программа II с'езда Р. С Д. Р. П. и список кандидатов в депутаты".

„В ночь на 25 производится обыск с целью найти оружие у рабочих: Петра Савинова Соловьева, Александра Тимоф. Мальцева, Павла Ивановича Макарова. У Соловьева, действительно, найден „Бульдог" с 14 запасными к нему патронами, найдено прокламаций разных названий у Соловьева до 450 штук, у Мальцева 80 шт., у Макарова 34 шт. и одна карандашная записка, текст которой оскорбителен для Особы Государя Императора и других Высочайших Особ Правительства".

„В ночь на 27 дек. были произведены обыски в порядке положения об охране в квартире А. А. Симановского, Троф. Селив. Вавилова, Ал. Як Афанасьева, Петра Кир. Когановича, Никандра Вас. Соколова, Конст. Ив. Барабанова, Ив. К. Вульпе, Ив. Ал. Набегина, Павла Ив. Белова, Ник. Андр. Соколова, студента Алексея Дмитр Минеева, Ал Ник Соколова.

Названные лица арестованы и заключены под стражу в Костр. Губ. тюрьму".

Все вновь арестованные причислялись к делу Лебедева, Дьяконова и Батуговского.

„5 янв. 1906 г. судебный следователь Костр. Окр. Суда по важнейшим делам, допросив Набегина, Федосеева, Симановского, Когановича, Соколова, Барабанова, Зарубина, Смирнова, Савинова-Соловьева, Вавилова, А Я. Афанасьева, в качестве обвиняемых в принадлежности к преступному сообществу, и обращаясь к избранию подследственной против них меры пресечения способов уклоняться от следствия и суда, принял на вид: 1) что все обвиняемые, отрицая свою виновность в означенном преступлении, не привели в то же время никаких веских доказательств в опровержение собранных дознанием и изобличающих их документальных данных; 2) что им угрожает по 102 ст. угол. улож. строгая мера наказания; 3) что самый характер преступного деяния и представляющаяся обвиняемым легкая возможность скрыть дальнейшие следы его,—исключают возможность оставления их на свободе до полного установления против каждого из них улик; 4) что на основании вышеизложенного к ним должна быть применена высшая мера обеспечения личности; а потому постановлено обвиняемых по настоящему делу заключить под стражу и содержать в Костр. тюрьме.

Страничка живого прошлого.

В 1903—5 годах рабочий И. К. Вульпе выделился, не смотря на свою молодость, как интеллигентный, революционно настроенный, способный работник.

За разброску прокламаций он просидел 3 месяца в тюрьме. С самого основания боевой дружины работал в ее рядах.

Как члена Совета Рабочих Депутатов, И. К. арестовали 26-го декабря 1905 года.

Больной острым летучим ревматизмом, он был переправлен сразу же тюремным доктором в губернскую больницу. Через 1½ месяца усиленного лечения И. К. стал уже понемногу ходить.

Тогда боевая дружина решила его во что бы то ни стало освободить, как исключительно ценного работника. Достали квартиру, лошадь у председателя губернской земской управы Соколова, назначили день для освобождения. „Я сходил домой, предупредил жену", рассказывает отец Вульпе: „прибери все лишнее (нелегальщину) и не показывай виду, что знаешь что-нибудь. А сам ушел на казенную квартиру (я служил сторожем) с шестилетним сыном. Чтобы отвести подозрения, я позвал в гости других сторожей, купил бутылку вина. После угощенья нарочно все оставил на столе, зная, что скоро придут другие „гости", со шпорами Сын уснул, а я лег и жду.

Вот стук в окно. Притворяюсь спящим. От окна перешли к двери и опять стучат, уже раздраженно.

Спрашиваю—кто?

— Отпирай, полиция, слышится грозный оклик.

Начинается обыск.

В 11 ч. ночи привозят нас (сына я взял с собой) в полицейское управление. После полуночи приезжает „Пашка Слободской" [1]).

Я спрашиваю, почему меня арестовали.

— А вот узнаешь.

Я задремал. Часа в 3 ночи пинает меня ногой старший городовой. Встаю—вижу сидят стражники с нагайками. Для меня, подумал я с дрожью.. Ведут меня в комнату, где сидят полицеймейстер и помощник Лебедев.

— Где сын?—грозно обращается он ко мне.

— Вы его арестовали на 2-й день Рождества

Нет его у нас, вчера его украли.

— Украли? Закричал я, не дав ему договорить. Нет, вы его убили. Отдайте мне сына. Покажите мне его хоть мертвого.

Так и не могли от меня ничего добиться. Позвали городовых. Те сказали, что застали меня в казенной квартире спящим, что на столе было вино.

— Не знает ничего, решил полицеймейстер и меня отпустили в 5 час. утра. Беру извозчика и еду с маленьким сыном домой Из моих ворот выскакивают двое городовых прямо в сани, в комнате у меня полно полицией.

Где мой сын?—теперь уже я спрашиваю у них. Вы его убили.

Начинают меня уговаривать. Наконец ушли.

Поставил я самовар, сел с женой чай пить и рассказал ей все. Долго мы смеялись, как я их провел".

После кражи из больницы И. К. Вульпе был переправлен в Москву, где работал в подпольной типографии, пока снова не захворал. За время его лечения его работу нес отец, вызванный из Костромы. Поправившись, И. К. работал в Сокольниках, потом снова был арестован.

После окончания срока 2-х летнего крепостного режима в Костроме, Ив. К. решил поехать в Питер в конце 1908 года и окунуться в непосредственную заводскую жизнь [2]) Само собой разумеется, для того чтобы легче и скорей найти работу и не очутиться в тяжелом положении в таком большом городе, он заручился несколькими адресами своих товарищей, к которым ему хотелось прибыть прямо с поезда и чувствовать себя сразу же не

---

[1]) Глубоко ненавистный всем рабочим пристав—верный царский слуга.

[2]) Пишет товарищ И. Вульпе Семен Маст.

одиноким. Среди адресов у него был и мой адрес. Прямо с вокзала тов. Вульпе направился ко мне (это было рано утром). Не успел он схватиться за скобку двери, как немедленно был схвачен городовиками и агентами Охранки, которые с ночи уже устроили засаду, дожидаясь одного из обитателей квартиры, в которой я жил (в квартире этой находилось несколько профсоюзов).

Так как этот обитатель долго не являлся, то полиция решила задерживать до его прихода всех кто бы не являлся. В результате в квартире оказалось 36 человек, попавших в засаду, кроме 6—8 человек, которые жили при союзах. Когда явился тот, которого полиция ожидала (в 3 часа дня), то она, отправив его немедленно в охранку, решила разделаться со всеми, попавшими в засаду. Принцип сортировки был таков: все не прописанные, все, у кого были найдены компроментирующие бумаги при обыске, должны быть взяты, все у кого документы в исправности—освобождены. Результат был таков, много вполне не-легальных, но имеющих при себе надежные поспорта были отпущены, другие же будучи легальными, но казавшиеся почему то подозрительными были задержаны и отправлены в тюрьму, в числе отправленных оказался тов. Вульпе, как не прописанный в Питере.

Просидев месяца 4 в тюрьме тов. Вульпе был выслан в г. Тверь, как административный. Из Твери он скоро удрал и вернулся опять в Питер, прибыл с вокзала опять ко мне (уже на другую квартиру).

Первое, что мы сделали, это определили его на работу (на картонажную фабрику). Проработав небольшой срок он связался с Питерской организацией большевиков и был вскоре определен на ответственную работу.

Вскоре обстоятельства сложились так, что, как я, так и еще другие его близкие товарищи вынуждены были уехать за границу.

Через короткий срок после нашего отъезда тов. Вульпе был отправлен в Партийную Школу (на остров Капри). По окончании школы он вернулся в Россию и по сведениям, которые у нас о нем были, мы знали, что т. Вульпе был в школе одним из выдающихся пролетариев.

Будучи в Париже и живя вместе с одним из крупных работников большевитской организации (тоже рабочим) мы, вспоминая революционную деятельность в России, разговорились об одном очень выдающемся руководителем в матросских организациях в Финляндии. И чтобы определить мне его, мой товарищ, описав его наружность добавил, что этот самый руководитель является костромским рабочим, которого когда-то ловко украли из больницы. Я сразу догадался, о ком идет речь.

Впоследствии в 1913 г. мы с глубокой грустью узнаем, что тов Вульпе отравился в Гельсинфоргсе, написав на клочке бумаги „прощайте, дорогие товарищи". Его нежная, чувствительная натура, узнав о плохих сторонах некоторых из тогдашних руководителей в рабочем движении, вроде провокатора Малиновского, и чувствуя присутствие этих темных людей (еще не разоблаченных) в революционной среде, не могла перенести этого, и он покончил с собой.

Светлая память о нем никогда не изгладится у тех, кто его знал!

Иван Константинович Вульпе.

1906 год.

Начало этого года отмечается, как отлив в революционном движении. Костромской Комитет в листовке, „Не долго торжествовать" так рисует положение:

Нечто небывалое творится у нас в России.

Весь русский многострадальный народ—и рабочий класс и крестьянство отдано в полную и безраздельную власть шайке раз'яренных хищников.

Никто из русских граждан не знает, что с ним будет на завтра—будет ли он жив или мертв, свободен или брошен в тюрьму. Никто из измученных рабочих из выбившейся из сил крестьянской бедноты теперь не смеет и пикнуть против своих угнетателей—капиталистов, помещиков и их верного защитника царского правительства.

Вся Россия, превращена в мертвую пустыню, покрытую безконечными рядами окровавленных трупов,—борцов за свободу.

Вся Россия превращена в одну громадную мрачную тюрьму. В эту тюрьму заключены оставшиеся в живых борцы за свободу и счастье народа—весь рабочий класс и революционное крестьянство...

По всей России стоит стон.

То-же самое творится у нас в Костроме. Еще недавно здешние фабриканты трепетали перед Костромскими рабочими.. Еще на днях они ходили на задних лапках перед Советом Рабочих Депутатов и Комитетом нашей партии..

То было во время растерянности царского правительства перед ударами революции. Еще недавно здешние капиталисты, не видя в правительстве поддержки, из трусости, заигрывали с организованными рабочими.. Теперь не то. Теперь они усиленно готовятся к январьским дням и к выборам в думу. Запугивания, угрозы, расчеты сознательных рабочих, выдача их жандармерии, шпионство, организация черной сотни,—эти обычные предательские средства,—снова пускаются в ход Костромскими фабрикантами. Аресты передовых рабочих, массовые обыски в рабочих районах, запугивания малосознательных рабочих, насилия над рабочими собраниями и пр. так и сыплется на Костромской пролетариат со стороны правительства.

Но нет такой тюрьмы на свете, бодро заканчивается листок, в которую можно бы было заключить весь революционный народ и которая выдержала бы удары всенародного восстания.

Комитет все время уведомляет рабочую массу об арестах или освобождении товарищей. Между прочим любопытно заметить, что фамилии арестованных и освобожденных товарищей печатаются вместе с денежным отчетом и перечнем выпущенных прокламаций, например:

Остается на 1-е апреля 156 руб. 71 коп.

В тюрьме находится Мухин.

Освобожденные: Голубков, Козлов, Спасский, Серговский, Вольнин Асаткин, Калугин, Вюрст, Санжур, Ковалев, Соколов, Косульников, Гамозин, Лапшин и Краснов.

Издано за это время:

1. К гласным земского собрания.
2. Переиздано письмо Гапона.
3. О 9 января.
4. Об экономической и политической борьбе—призыв к стачке.
5. Об'единение за время стачки.
6. Переизданы листки: ред. „Искры" Московского Комитета Р. С. Д. Р. П. Нижегородский Комитет Р. С. Д. Р. П.

В день 1-й годовщины 9 января Комитет призывает рабочих к забастовке в знак траура по погибшим героям.

К сегодняшнему 9 января весь революционный народ стоит военным лагерем против отвергнутого всеми царского правительства. Не тот покорный народ, что 9-го

января прошлого года шел к царю просить свободы... Нет. Народ прозревший и понявший, что добыть свободу царского правительства, значит ее завоевать.

В память жертв 9-го января мы не должны работать. Надо в этот великий день остановить все фабрики заводы, мастерские; в этот день должны быть закрыты все магазины, учреждения, должна остановиться вся жизнь, все должно покрыться трауром в честь погибших жертв царского насилия.

9-го января ни один честный рабочий не должен итти на работу.

Злобой дня становится государственная Дума.

В феврале Костромской комитет участвует в конференции Ярославского и Костромского комитетов с группами: Вологодской, Рыбинской, Росговской, Кинешемской, Родниковской и представителя Центрального Комитета.

В порядке дня отношение к Госуд. Думе.

Принимая во внимание, что революция вступила в стадию вооруженной борьбы, гласит принятая резолюция, что широкое массовое движение рабочих и крестьянства, независимо от созыва Думы вспыхнет вновь с громадной силой, конференция Северных комитетов, считая необходимым использовать выборную кампанию для самой широкой агитации, как среди пролетариата, так и среди других классов населения, выясняя истинный характер Государственной Думы, популяризируя необходимость временного правительства и учредительного собрания и организуя силы народа для вооруженного восстания, которое одно в состоянии обеспечить истинное народное представительство,—полагает, что главной задачей Российской Социал Демократической Рабочей Партии в данный момент является, как сорвать самую Думу, так и дескредитировать ее в глазах широких слоев населения и тем подготовить активные боевые действия против правительства и Думы.

Ввиду этого конференция рекомендует Комитетам при выработке плана кампаний по отношению к выборам и оценке различных мероприятий этой кампании, обращать внимание как на то, в какой мере эти мероприятия способны затормозить созыв Думы, так и на то, как они отразятся на настроении масс народа—конференция считает необходимым: 1. Обратится сейчас же к населению с Манифестом по поводу Думы; 2 Развить широкую кампанию в легальной прессе; 3. По отношению к пролетарским собраниям; а) срывать принятием резолюции первичные собрания, б) если собрания уполномоченных состоятся,—стараться провести нашу резолюцию, а в случае неудачи, отколоть от этих собраний некоторую часть; 4 По отношению к городским избирательным собраниям необходимо руководиться следующими правилами: а) стараться сформировать в этих собраниях партию бойкота, б) мобилизовать вне стен этих собраний армию протестующих против выборов; 5. Как по отношению к уполномоченным, оставшимся выбирать выборщиков в губернские собрания, так и по отношению к городским избирательным собраниям употребить все меры для того, чтобы сорвать их не останавливаясь, при наличности резко выраженного отрицательного отношения к выборам со стороны пролетарских масс, перед применением физического воздействия, не переходящего, в вооруженное восстание; б) крестьянские избирательные собрания стараться бойкотировать на всех ступенях руководясь теми же правилами.

Издание Костромского Комитета Р. С. Д. Р. П.
Февраль 1906 г.

После конференции начинается усиленная агитация за бойкот думы.

„Кто из нас не слыхал золотого слова „Воля"! кто вам ее не обещал?
Теперь говорят, что волю вольную, избавление от нужды, горя, доли бедной даст народу гос. дума", пишет Костромская группа

Дальше подробно критикуется избирательный закон и об'ясняется, что такое всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право и учредительное собрание.

„Так долой же этот обман, давайте готовиться к общему вооруженному народному восстанию.

Поднимитесь! Вместо нелепых страдальческих ночей завоюйте себе золотые дни свободы".

Работа по подготовке в бойкоту думы не пропала даром. Вот что говорит об этом изданный Костромским Комитетом бюллетень.

„5-го марта на фабриках и заводах г. Костромы происходило первое действие позорной комедии, в которую царское самодержавие в трогательном единении с холопствующей буржуазией хочет завлечь рабочих. В Костроме комедия кончилась не так, как хотелось бы правительству: бойкотом Думы ответил костромской пролетариат на зов самодержавия.

На большой Зотовской фабрике после речей, обличивших замыслы правительства, была принята резолюция о бойкоте думы.

Перед помещением, где происходили выборы, с раннего утра толпилась полиция. Опричники по списку сортировали рабочих и пропускали на собрание с особой осторожностью; тем не менее перед помещением собрались рабочие и работницы и с нетерпением ожидали, чем кончится собрание. Когда оно было распущено, ожидавшие потребовали чтобы им была прочитана резолюция Резолюция была встречена единодушными криками: „долой Думу. Да здравствует Учредительное собрание".

На малой Зотовской фабрике была прочитана тоже резолюция. Единогласно было решено, что к Думе может быть со стороны рабочего класса одно отношение—полный и активный ее бойкот.

На Михинской фабрике для выборов было назначено два собрания. Рабочие настояли, чтобы вся фабрика на выборы собралась в одно место. Женщины-работницы потребовали, чтобы их допустили на собрание. Как ни противились этому полиция и фабричная администрация, женщины, поддержанные товарищами-мужчинами, добились своего.

Когда вначале собрания полицейский чин предложил избрать председателя, раздались крики: „наши депутаты сидят в тюрьме. Они наши председатели. Мы не хотим избирать кандидатов в тюрьму".

Собрание единогласно приняло резолюцию, об'являющую Думе бойкот. Товарищи с Михинской фабрики заявили, что „составляя один из отрядов великой армии российского пролетариата, они будут бороться за Учредительное собрание".

Фабричная администрация во главе с Моргоновым энергично старалась провести свою резолюцию. Проводить ее был наряжен кучер Моргонова, собрание единодушно выпроваживало хозяйских прихвостней.

У Кашина чесальное отделение, прядильное, гекля, ватера большинством 147 против 100 постановили бойкотировать Думу. Полиция и администрация пробовали проникнуть на собрание. Рабочие энергично потребовали их удаления.

В ремонтной мастерской после того, как собрание разошлось из за страха, остались несколько человек, выродков рабочего класса, не знающих что такое товарищеская солидарность, не умеющих бороться за свободу рабочего класса, раболепствующих перед капиталистами. Они выбрали уполномоченного.

На маленькой Кашинской фабрике на выборы собралось 200 человек. После горячих речей, призывавших бойкотировать Думу, большинство разошлось. Черносотенцы остались в числе до 50 человек и выбрали уполномоченного Гордеева. Теперь фабрика бойкотирует своего уполномоченного.

На заводе Пряшникова из 70 человек рабочих на выборы явилось около 40 человек. Большинство из них были пьяными, напились на хозяйские деньги. Они приступили к выборам и выбрали сознательного товарища. Тот отказался от чести быть представителем рабочих, пропивших на хозяйские деньги интересы рабочего класса. Пристыженное собрание стало

расходиться. Осталось около 12 чел., вероятно пожелавших отблагодарить хозяина за выпитую водку. Выборы состоялись. Узнав об этом хозяин, известный костромской черносотенник, кандидат в Думу от Торгово-Промышленной партии, благодарил своих рабочих. Теперь на фабрике брожение: рабочие озлоблены на хозяина, втянувшего их в грязное дело. „Уполномоченный" ругает избравших его товарищей.

На табачной фабрике Чумакова была принята резолюция. Рабочие стали расходиться. Фабричная администрация, недовольная этим, начала агитацию за вторичный созыв собрания. На ее зов откликнулась кучка малосознательных рабочих Собравшиеся представляли дикую, неорганизованную толпу, которая не могла даже избрать председателя. За дело взялся помощник полицейского пристава, который и руководил выборами. При подсчете голосов присутствовавших оказалось так мало, что полицейский чин вынужден был считать голоса тех лиц, которых совсем не было на собрании. Приставу указали, что это незаконно. Он ответил: „Все законно, лишь бы выборы произошли". Был избран самый ярый из заводских черносотенников Петров. В выборах участвовало 11 человек.

На мукомольном заводе Аристова, выборы происхолили под прямым давлением заводской администрации. Сознательных рабочих на заводе Аристова почти нет, этим и об'ясняется, почему никто из рабочих не протестовал против присутствия на выборах всей оравы приказчиков с управляющим во главе. Был предложен в кандидаты ставленник хозяев, он и был выбран чуть не открытой баллотировкой.

В губернии постановили бойкотировать Думу на крупнейших фабриках в Родниках, Бонячках, Тезине, Новой Вичуге, Каменках и часть в Кинешме.

В Тезине и Бонячках выборы сопровождались манифестациями

Из Тезина пишут: „В день выборов перед воротами фабрики Кокорева, Разоренова и Кормилицына толпа все росла. Когда один из товарищей стал об'яснять сущность Государственной Думы, вокруг него было уже до 2-х тысяч человек.

„Товарищи, кто не хочет выбирать в Думу, поднимите руки". Поднимается целое море рук... „Кто хочет выбирать". Ни одной руки.

Настроение подымается .. „Товарищи". Слышится голос в толпе: „Я был торгово-промышленником... Простите меня. Примите меня в свою рабочую партию или разорвите".. Толпа прощает.

С пением марсельезы рабочие направляются вдоль Тезина к Бонячкам, где на фабрике собрались для выборов.

Над толпой реет красное знамя. На нем дорогие каждому сознательному рабочему слова: „Долой Думу. Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание".

Когда пришли к Коноваловской фабрике, были выбраны 10 делегатов, чтобы об'яснить коноваловским рабочим, что тезинские бойкотируют Думу и доказать им необходимость бойкота Думы.

Прошло 10 минут и коноваловские рабочие стали присоединяться к толпе.

Демонстрация растет. Увидя нескольких жандармов и полицейских, демонстранты кричат: „Долой полицию!" Когда толпа проходит мимо дома Коновалова, раздаются крики: „Долой капиталистов! Долой эксплоататоров!" Перед квартирой станового пристава, толпа выделила оратора, который выясняет, что царское правительство мешает освободительной борьбе рабочего класса против капиталистов и защищает их интересы.

Часу в 11-м вечера толпа мирно разошлась. Под рукой полиции не было солдат и казаков и дело обошлось без пуль и нагаек...

Среди администрации благоговейное удивление. „Ведь пожалуй бойкот и возможен. Да и вооруженное восстание тоже. Ведь обещали рабочие к весне настроить баррикад", такие речи в административных сферах приходится слышать теперь довольно часто.

Такое отношение к Думе, такая яркая демонстрация, была результатом 2-х месячной работы.

„Когда мы,—я и один Сормовский рабочий, (пишет в своих воспоминаниях М. Р.) приехали в Вичугу, у нас не было почти связи с рабочими. Провести бойкот Думы, было мне дано задание от Костромского Окружного Комитета.

Чтобы завести связи с рабочими, приходилось товарищу купить мелкого товара (гребенки, зеркальца нитки и пр.) и торговать на „лотке", т е. носить с собой всю эту прелесть и, встав у ворот фабрики, предлагать рабочим—постепенно знакомясь с ними таким путем.

В феврале результаты нашей пропаганды были уже налицо: по колена в снегу, разгребая лопатой себе местечко, проводили мы в лесу митинги.

Говоришь об избирательном законе, о бойкоте выборов, о вооруженном восстании, об Учредительном Собрании.

Снег забрался в одежду, все обледенело, начинает пробирать дрожь.

„Подождите, товарищ Татьяна, вот другая смена идет",—и снова говоришь вновь подошедшей группе. А смен было три.

Кончены митинги, нельзя итти домой и согреться—никакого дома для меня не существовал отчаянно искала полиция и ночевать приходилось, что ни день—в разных местах.

„Главная досада - оратор то в сарафане, а не поймаешь" рассказывал знакомый полицейский одному из наших товарищей, не подозревая, что эти слова будут переданы мне".

Из 50 тысяч костромских рабочих не бойкотировали Государственную Думу, вероятно, не более 10—15 тысяч.

Главная масса костромского пролетариата ясно высказала свое отношение к черносотенной Государственной Думе Не смотря на все, состав рабочих выборщиков в Государственную Думу получится такой: выбраны два социал - демократа, 3 склоняющихся к социал - демократии и 2 кадета

В резолюции, принятой на избирательном собрании Костромские рабочие заявляют:

Эта Дума не только не может создать Республиканский строй, столь нужный обездоленным классам населения, но она будет более удобным, более организованным черносотенным правительством.

Единственный путь нам—старый заученный путь—всеобщее восстание и вооруженная борьба за временное революционное правительство. Оно одно, выросшее на восстании, может правильно созвать требуемое нами Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права

„В марте 1906 г. были назначены выборы в 1-ю гос. Думу, которые партия решила бойкотировать", пишет в своих воспоминаниях рабочий Скворцов.

„Я был председателем собрания на Каш. ф-ке в большой сборной. Присутствовала вся администрация и масса полиции. На выборы пропускал формуляршик по формуляру, но мы открыли окно с р. Костромки и впустили т. интеллигентов, поставив у дверей своих, и приступили к выборам. Выбрали: ткацкая—метлу, а прядильня—трубу".

Фабриканты, немного вздохнувши после ареста Совета Рабочих Депутатов, начинают снова теснить рабочих. На ватерах у Кашина с 1 марта фабричное начальство наметило заменить в одном корпусе поденную плату сдельной.

„Наш Совет Рабочих Депутатов требовал, чтобы сдельная плата была заменена поденной. Теперь капиталисты заменяют поденную плату сдельной", забил тревогу фабричный районный комитет Костр. Комитета.

Указав на невыгодность для рабочего сдельной платы, комитет заканчивает призывом:

„Довольно товарищи, покоряться нам всем прижимкам капиталистов. Пусть, как только введут сдельную расценку, все ватера у Кашина бросают работу.

Рабочие других цехов, помогите своим товарищам—ватерщикам денежной помощью и, дружно отстаивая общие интересы, вы добьетесь победы".

В связи с учительским с'ездом, ведется агитация среди учителей.

„Мы высоко ставим Вашу культурную работу, вашу миссию—нести свет знания в народную массу и от всей души сочувствуем Вашему стремлению приготовить себя как можно лучше к выполнению Вашей высокой задачи.

Но, господа, достигает ли своей цели Ваша, воодушевленная самыми лучшими намерениями, деятельность?

Тысячи „подписаний", „циркуляров" тайных и явных, всякого рода „правил" временных и постоянных на каждом шагу тормозят Вашу просветительную работу в школе и вне школы, сводят Вашу роль к преподаванию грамоты, да первых начал счета...

Вас отдают под надзор не только полицейских в мундирах—инспекторов народных училищь, но и попа и урядника.... И все это из боязни, чтобы Вы не сказали народу правды.

Господа, неужели же Вы, подчинитесь той полицейской узде, которую накладывают на Вас самодержавные чиновники. Неужели Вы поставившие своей задачей нести в народную массу свет, погасите его по приказанию тех, чье господство опирается на мрак и насилие. Нет мы верим, что Вы не подадите народу камень, вместо хлеба, что Вы откроете ему глаза, что Вы сумеете подговорить его к борьбе за тот политический порядок, который передаст власть над народом самому народу., „пишет Костр. комитет."

Первого мая Комитет пишет:

С оружием в руках должны мы поддержать те требования, которые написали на своем знамени: прекращение войны, гражданская свобода, народное правительство, 8-ми часовой рабочий день. Вооруженным восстанием должен завоевать русский народ свое право...

День восстания недалек, но он еще не настал. У рабочих и крестьян еще недостаточно оружия, они еще недостаточно сплотились для борьбы Самодержавие знает это и ищет случая еще раз напиться их крови, чтобы еще оттянуть минуту своей гибели и народной мести. Оно будет рано вызвать Вас на улицу там, где у Вас нет силы для борьбы. Помните это, рабочие и крестьяне, и не поддавайтесь на удочку лукавого, злобного врага.

Да товарищи—рабочие нам надо подсчитать свои силы но, умело чтобы их не растратить, чтобы не дать случая зверски радоваться врагу. Мы призываем Вас к всеобщей стачке 1-го мая. Пусть остановят в этот день машины, пусть впадут в сон мастерские, фабрики и заводы—царство капитала.

Где оружия у Вас довольно, где есть у Вас сила для отпора врагу, там призываем мы Вас на улицу, на открытые собрания и шествия под красным знаменем, знаменем социализма.

Готовтесь товарищи, повсюду к тяжелой борьбе, в которой нет пощады. Падут тысячи и тысячи жертв—это цена свободы миллионов. И да будет следующий день 1-го мая встречен нами в свободной России.

С мая 1906 г. после нескольких месяцев затишья, снова начинаются забастовки. Материалы о них сохранились в архиве б. Михинской фабрики.

Каждый документ (сохранились и черновики) много раз исчеркан, очевидно, не мало приходилось ломать голову, чтобы найти верный тон с рабочими, много поумневшими за 1905 год.

В каждом об'явлении директора подтверждается, что никому из рабочих, как бастующим, так и невольно не работающим из за остановки первых, платиться не будет. „Предлагаю рабочим на фабрику не ходить, т. к они лишь напрасно потеряют время, пребывание же их там при отсутствии для них работы, бесполезно для фабрики" об'является 8 мая.

„Никто из бастующих на фабрику допущен не будет", гласит уже об'явление 12 мая.

„Обращаю внимание рабочих на то что если бы они в первый же день послушались моего совета, переговорив со мною, не бросая работы, они бы встретили с моей стороны, не менее чем теперь, к этому готовность и не лишили бы себя заработка", говорит об'явление 13 мая, и тут же ряд обещаний: поставить на вид конторе неправильное ведение книжек, уволить указанных лиц. „Отказывая рабочим в увеличении заработка сейчас, однако не вижу к этому препятствия в будущем, если рабочие отсутствием прогулов, старанием и заботливостью в работе, а также хорошим поведением и *отсутствием забастовок* дадут повод дорожить ими и заслужат поощрение".

Дальше ряд документов говорит о том, что под влиянием забастовок заботы об улучшении положения рабочих перешли из области далеких ожиданий «узаконений»: заговорил Морганов о рабочей столовой (26 мая), о фабричной больнице (27 июля). А в августе снова вспыхивает частичная забастовка моталок, и опять строгий оклик: не «считаю себя вправе оставить на работе тех, кого считаю зачинщиками имевшей место забастовки» и рядом потребность считаться с мнением рабочих: „не могу не указать, что при наличности теперь союза рабочих всякое *самоволие* со стороны отдельных групп должно прекратиться, рабочие в этом *должны согласиться* со мной. Если бы однако мне пришлось узнать, что существует общее желание всех рабочих бумаго-прядильной фабрики, чтобы вышеуказанные моталки остались на работе, тогда я на это соглашусь". Верно, 1905 год прошел всетаки не даром!

11 сент. снова об'явление о забастовке на ватерах, а 4 дек. в ткацком отделении.

„На все замечания ткачей по поводу недостатков приготовительного отдела, будет обращено внимание и недостатки будут устранены". „К усилению и улучшению света будут приняты меры". „Баня будет расчищена следующим летом и т. д. и т. д.". „Имею сообщить, что с введением сдельных работ имелось ввиду одновременно с повышением производительности увеличение заработков рабочих, что об'явленные расценки не окончательные, что они требуют выравнения и повышения". Положительно год забастовок прошел для г. Моргонова не даром.

О состоянии партийной организации в средине 1906 года и о ее работе можно судить по сохранившемуся в архиве Истпарта отчету—черновику, писанному рукой секретаря Костр. Комитета „Ольги Петровны" (Бобровской-Зеликсон) [1]).

В Комитет входят тт. Афанасий (Квиткин), Карп (Стопани), Костя (фамилии не помним), Ольга Петровна, Соловьев, Набегин, Растопчина, Симановский. Работают в Костроме еще Станкевич, Румянцев, Загайная, т. „Тарас", Рязановский, Иорданский и вообще много интеллигентных сил. Штаб Комитета, явочная квартира и местожительство некоторых членов Комитета был книжный магазин на Русиной улице. Это был настоящий партийный клуб.

В то время существовало уже очевидно деление на районы.

„Фабричный район насчитывает сейчас 500 организованных рабочих. Правильно функционирующий районный комитет и 4 подкомитета, а также кружки. Организация построена на выборном начале. Бойкот Думы и празднование 1-го мая прошли хорошо. Бывают часто массовки. Замечается тенденция к экономическим забастовкам. Большой интерес проявляют рабочие к профессиональному союзу ткачей, который теперь устраивается.

Городской район насчитывает до 300 организованных рабочих. Имеется районный комитет и 5 подкомитетов. Работа велась крайне ненормально вследствие отсутствия сил, имеется до 10 пропагандистских кружков, но функционируют неправильно. Сильное течение в сторону профессиональных союзов. Организуются серебренники, портные и т. д.

[1]) Автор недавно вышедшей книги „Записки рядового подпольщика".

Ведем понемногу работу среди крестьян и солдат. В вблизи лежащие деревни посылаем своих агитаторов на сельские сходы. По далеким деревням связи через учителей. Налаживаем крестьянские комитеты и кружки.

Из частей войска здесь Рославский, пехотный батальон около 100 чел., организованных 25 человек Учебная команда 30 человек, организованных 10 чел. Конвойные команды 40 чел., организ. 10 человек.

Есть организованные в Зарайском батальоне. Тип организаций: комиссия военных организаторов, представители отдельных строевых частей. Об'единенное собрание представителей обоих батальонов и конвойной команды, должны образовать военный комитет, который пока еще полностью не функционирует".

Очевидно, этот доклад писался для какого нибудь с'езда или отчета в Ц. К

Вот что рассказывает о работе среди солдат тов Борисов.

„Мне, как молодому в то время солдату, было поручено в собрании профессионального союза портных вести кружковую работу среди воинских частей. Работа сводилась к тому, что выдавалась социалистическая литература, по прочтении ее велась беседа. Те солдаты, которых мы считали уже достаточно распропогандированными и надежными, намечались нами для ведения самостоятельных занятий с темной неграмотной солдатской массой.

От кружков перешли к массовкам, которые так настраивали солдат, что казалось, они готовы сейчас же пойти в казармы, взять винтовки и выступить на стороне народа.

С 1905 года часто солдаты выражали коллективный протест против существующих порядков. Начальство терялось и разбегалось, предоставив солдат самих себе.

Видя настроение солдат, правительство начинает подкупать их подачками, ввиде увеличения порционного довольствия, обмундирования, особой платы за охрану военных складов. При посылке солдат в неспокойную местность, уплачивалось особо, но и это уже не помогало, солдаты становились все более ненадежны.

Еще во время избиения в октябре 1905 г., высланная для восстановления порядка, учебная команда Рославского полка, вместо того, чтобы подсоблять полиции и казакам, направила штыки против них и была с трудом загнана обратно в казарму, где и пробыла без права выхода несколько дней

Сочувственно к революционерам была настроена и конвойная команда, помогавшая, чем могла, политическим, передачей напр. записок и пр.

В конце 1906 г. военная организация прекратила свое существование при таких обстоятельствах: начавший работать среди солдат, тов. Михайловский не хотел считаться с той строжайшей конспирацией, которая требовалась в работе. Между тем начальство заявило, что будет выдавать знаки отличия и денежное вознаграждение тем, кто укажет солдат, ведущих агитацию.

После одного митинга были массовые аресты (до 100 человек), в том числе Михайловский, Седунов, Иванов и пр.

Я не был арестован потому, что живший со мной товарищ успел сжечь все, что могло меня компроментировать.

Когда приближался суд над Михайловским, думали организовать его освобождение, если будет суровый приговор. Против ожидания приговор был не так суров: лишение всех прав и солдатского звания и с зачетом предварительного заключения—осталось 7 месяцев арестанских рот".

— „С. д. организация в Костромской губ очень сильна, весь фабрично-промышленный район покрыт сетью с.-д. организацией"—читаем мы в отчете одного с.-р. Кондорского, хранившемся в архивах Жандармского управления, как вещественное доказательство.

Даже с.-р., с которыми тогда началась уже усиленная политика, не могут, очевидно, не признать наличность силы за с.-д.

„На местных фабриках вспыхивают частичные забастовки, все время идут полулегальные массовки, пишет в своих воспоминаниях И. И. Беркина.

Кружки на каждой фабрике. Надо сказать, что в это время начинает сказываться утомление и более захватывающая и легче усваиваемая, митинговая речь уже отучила публику от серьезного внимания в кружковой работе. Организационные собрания, так наз районные Комитеты, продолжают собираться. Согласно резолюции с'езда, об усилении партийной работы в армии, ведется работа в военных кружках, особой программы нет пользовались такой же, как в рабочих кружках, нисшего типа, особенно напирая на аграрный вопрос. Есть несколько организованных казаков.

Фабричный район собирался больше на новом кладбище. Массовки городского района происходили обычно в воскресенье в 1 час дня, большею частью по Кинешемскому тракту. Тут была пестрая публика, главным образом женщины Существовал женский кружок гор. района.

„Мне было 11 лет, пишет в своих воспоминаниях Г. Маст когда меня в 1-й раз повели в женский кружок, руководимый Ниной Горской. Пропогандисткой кружка была И. Беркина. Читали лекции по полит.-экономическим, по женскому вопросу и вели диспуты с с-р Мне было поручено охранять кружок, т. е. смотреть, не идет ли кто посторонний. Потом мне поручили хранить древок для знамени (даже это было тогда далеко не безопасно), а потом и самое знамя. Я должен был осторожно проносить его на митинги. В связи с начавшимися репрессиями кружок распался".

Репрессии применяются во всю.

В 1906—7 году, по матерьялам архива Костром. Окружн Суда—привлекались за противоправительственную агитацию, за распространение нелегальной литературы, оскорбление величества: крест. Осип Евл. Дианов, Вл. Ив. Сапоровский, Фед. Гр. Завьялов, Анна Ал. Велтистова, Ив. Смирнов

Ал. Андреев Сизов, Ив. Ан. и Мих. Ив. Семеновы, Ал. Ден. Соколов, Ип. Никон Губанов, Ал. Ив. Доброхотов, Евг. Петр. Кузнецов, Ив. Ал. Хрусталев, Павел Одинцов, Сперанский Влад., Раф. Гудецкий, Ив. Шестоков, восп. с.-х. уч. Бор. Суворов, студент А. А. Рагинский. Врач Дурново А. С. по 129 ст. за речь в селе Челпанове на собр. крестьян, возбуждающую к ниспровержению существующего госуд. общественного строя, крест. Ив. Ег. Мазуров по 129 ст., Иван Васил. Бартенев, Геннадий Скороходов, Игнатий Павлов, Василий Шипов, Эдуард Звайзгэ.

В конце июля происходит конференция, которая принимает такую резолюцию о политическом моменте.

Принимая во внимание:

1. Что правительство роспуском Государственной Думы ясно доказало призрачность надежд на мирный исход борьбы.

2. Что условия, при которых распущена Дума, обнаружили ошибочность взгляда, будто Дума может сделаться Центром революционного движения.

3. Что этот акт правительства должен выяснить широким слоям населения, что только непосредственная революционная борьба (вооруженное восстание) может устранить старое правительство и передать власть в руки народа.

4 Что при этом класс, наиболее способный к непосредственной революционной борьбе —пролетариат должен неизбежно стать во главе освободительного движения.

5. Что партия левого центра нашей буржуазии (кадеты) господствующие в Думе, выдвигая план пассивного сопротивления, пытаются удержаться из своей мнимо-конституционной позиции.

6. Что крестьянство, разочарованное в своих надеждах на решение земельного вопроса Думой, вступит на путь самовольной перестройки земельных отношений в деревне.

7. Что роспуск Думы ускорит процесс разложения в армии.

С другой стороны принимая во внимание:

1. Что для полного развития всех, указанных в предыдущих пунктах, революционных процессов требуется более или менее значительный промежуток времени.

2. Что было бы пагубным для дела революции изолированное выступление пролетариата, Конференция находит более целесообразным для партии:

1. Занять в настоящий момент выжидательную позицию, воздерживаясь от массовых выступлений.

2. Использовать остающееся в ее распоряжении время для большего укрепления организаций и приспособления их к боевому моменту.

3. Поддерживая всеми силами пассивное сопротивление, выдвигаемое Думским большинством, указывать на необходимость активной борьбы.

4. Бороться всеми силами против попыток оживить конституционные иллюзии.

5 Способствовать отслоению от партии к.д. элементов, настроенных более решительно и содействовать с этою целью организации и росту беспартийных революционных организаций (профес. союз, интел. и проч).

6. Выдвигать задачу организации вооруженного восстания как очередную задачу текущего момента и создавать во всех слоях населения содействующие выполнению этой задачи группы.

7. Усилить работу в крестьянстве и армии.

Признавая: 1. Что задачей провинциальных революционных центров является:

а) содействие успеху революции в главных центрах политической жизни, путем решительного активного выступления

б) обеспечить после победы революции в центрах ее окончательное торжество,

в) предупредить все попытки контрреволюции.

2. Что Костромская организация, работая среди огромных масс пролетариата сконцентрированного, на небольшом протяжении и революционно настроенного, может и должна, принимая участие в общей вооруженной борьбе, сыграть значительную роль.

3. Что важнейшей задачей при этом является разрушение административного и военного правительственного Центра в Костроме, Конференция считает очередной задачей Костромской организации:

1. Подготовить все силы для общего вооруженного выступления.

2. Усилить Костромскую организацию, как центр, имеющий наибольшее стратегическое значение.

В тоже время Конференция предлагает всем организациям выяснить условия захвата власти на местах и подготовлять условия для создания органов, способных в революционный момент стать органами революционной власти (Сов. Раб Деп., революционные комитеты и проч.).

Костромской Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Город Кострома, 25 июля 1906 г.

Перед нами несколько номеров полулегальной соц.-дем газеты за 1906 г.

Прежде всего наше внимание обращает следующее: 27 апреля выходит „Костромская Речь", 8-го июня—„Костромская Газета", 29-го июня „Костромской Край" и 8-го июля—уже „Костромское Слово". Меняются и имена редакторов: Кудров В. С., Сколозубова Т. С., Кузнецов Е. П., Огородников Д. А. Почти в каждом номере в отделе местной жизни видим заметку: такой-то номер конфискован, такой то редактор привлечен к ответственности. Закрытая газета на другой же день оживает под другим названием.

Содержание газет ярко характеризует переживаемую после октябрьской революции полосу „свободы печати". Вот „Костромская Речь". Громадное в 2½ листа об'явление за подписью крупных торговцев г. Костромы, предупреждающее публику о закрытии всех их магазинов „в знаменательный день открытия Государственной Думы". Рядом статья, осторожно критикующая „кадетскую Думу". „Поддерживая оппозиционные требования Думы, нелишне помнить о той минуте, когда рабочему классу и крестьянству помимо Думы и против ее желания надо будет итти к „народной воле", заканчивается она. Вот высочайший рескрипт, а рядом заметки о рабочей жизни, о праздновании 1 мая в России и заграницей.

„К 1 му мая переводится из Твери в Москву артиллерийская бригада", гласит лаконическое, но всем понятное без комментарий сообщение. Вот перепечатка из другой газеты - обычный путь высказать свои мысли—за перепечатки не всегда конфискуют номера. Рядом—о ходатайстве дворян перед царем о введении военной диктатуры. Под заглавием „Свобода печати", идет длинный перечень закрытых газет и привлеченных редакторов за нарушение такой то и такой то статьи уголовного уложения.

Вот номер от 8 июня „Костромской Газеты". Редакция, очевидно, решила рискнуть—печатается письмо, об'явивших голодовку заключенных уже 6-й мес. в местной тюрьме рабочих:

„Мы, политические заключенные в Костромской тюрьме, арестованные по делу исполнительной комисси Совета Рабочих Депутатов по 126 ст. уг. ул., уже шестой месяц находимся в заключении, хотя судебного постановления об этом над нами никакого не состоялось. Нам говорят, что это предварительная мера пресечения нашей деятельности. Какой деятельности, это не доказано. А эта „мера пресечения", давно превратилась для нас в меру наказания, которое увеличивается еще и тем, что дома остались без всяких средств к существованию наши матери, жены и дети. Мы отлично знаем, что наше заключение стоит им страданий полуголодного существования, и мы не в состоянии пассивно смотреть на их страдания. Это, наконец, вынудило нас к действиям, хотя страшным и мучительным для нас, но единственновозможным в нашем положении средствам защиты от царящего теперь произвола.

Мы требуем немедленного освобождения до суда, а до освобождения с 6-го июня отказываемся от пищи. Решили бороться до конца. Пусть нас выпустят или вынесут.

Рабочие Петр Соловьев, Трофимов, Вавилов, Иван Набегин, С. Смирнов, Петр Каганович, Геннадий Федосеев, Никандр Соколов".

Тут же длинная статья о Белостокском погроме, рисующая в ярких красках зверское преступление. В хронике пролетарской борьбы—сводка рабочих забастовок.

„В понедельник 26 июня около города состоялся небольшой митинг рабочих. Присутствовало около 100 человек. Говорили 2 оратора социалреволюционеры. Выступил также один обыватель, назвавшийся С. Д. Он заявил, что он член С. П. Совета Рабочих Депутатов. Говорил он сначала довольно складно, но потом понес явную несообразность: „мы, социалдемократы, говорим, что для костромских рабочих „земли и воли" не надо, а требуется только 8-ми часовой рабочий день". Оратора прервали, уличили в том, что он или не имеет представления о с.-д. партии, или хочет очернить ее в глазах рабочих. Усумнились и в том, что он когда нибудь был в Петербургском Совете Рабочих Депутатов: его знают, как постоянного костромского жителя. Это неудачное выступление подложного соц.-демократа испортило митинг и рабочие скоро разошлись".

29 июня выходит уже „Костромской Край" и с первых же дней существования - как читаешь в „местном отделе"—„на бульваре, на улицах и площадях происходила обычная охота за газетчиками, торговавшими Костромским Краем".

Еще бы не конфисковать! Стоит только прочитать на страницах газеты подробное описание столкновения с полицией на улицах Петрограда 22 июня, бесчинствах стражников, указаков, яркую картину „крестьянских беспорядков", стихи на смерть павших...

„Через 10 дней выходит уже „Костромское Слово"; оно полно отчетами о заседаниях Государственной Думы. „Если народ будет спокойно ждать, то скоро увидит, как Государственная Дума будет уничтожена и водворится старая власть, безответственная и кровожадная... Мы признаем резолюцию в широчайшем смысле как полное переустройство государственного строя и в этом смысле призываем народ к борьбе и организации"... И опять в бешен-

стве конфискуются газеты, привлекаются редакторы, а свободное слово, вырвавшись на волю, все шире захватывает тех, кто призван, чтобы свергнуть правительство „октябрьских свобод 1905 г.".

В движении 1906 г. большую роль сыграла боевая дружина. Боевая дружина, как мы уже говорили, была создана в октябре 1905 г. после погрома для охраны митингов и вообще всех граждан от черной сотни, бушевавшей при нескрываемом сочувствии царских полицейских, от губернатора Кнзева до последнего городовика.

Основателем ее был один из „Николаев Николаевичей"[1]) (Костя Волков), и первыми дружинниками была группа молодежи, жившая на Рождественской улице в квартире А Н. Щепетильниковой, „(Апостольская Рождественская Коммуна)", Лапшин, Ильинский, бр. Казанские, Беляев В И., Махровский, Орнатский и др Они называли себя „Христос и апостолы".

Боевая дружина собиралась в своем штабе на Рожд. ул. и отсюда ее члены разсылались во все, угрожаемые от черной сотни места. Иногда „боевики" посылались для охраны в течение ряда дней какой-нибудь квартиры, как напр. было с А. Е. Макаровой (Михайловской).

Обучение боевиков происходило тут же на Рожд. улице.

Когда был брошен лозунг вооруженного восстания, боевая дружина реорганизовалась в боевую организацию с серьезными задачами подготовки вооруженного восстания.

Разрабатывался устав боевой дружины. при чем главную роль играли Лапшин и Махровский.

В это время в состав дружины уже вошло много рабочих, между прочим часть из Сормова. Организовались филиалы дружины: студенческая, гимназическая и др. С наступлением весны начинаются за городом строевые учения, образуется еще коллегия бомбистов, которая делится на лаборантов и метальщиков

Чтобы подготовка к вооруженному восстанию была действительно серьезной, нужны были оружие и денежные средства. Дружина задумала произвести экспроприацию, что и было осуществлено: в Наволоках был убит кассир фабрики и взято 30 тысяч рублей, предназначавшихся для расчета рабочих. С получением денег была приобретена близь Костромы дача, где предполагалось широко поставить „технику", изготовление мелинитовых бомб и пр. Для этой цели была совершена и конфискация периксилина с казенного парохода

Боевое снаряжение шло из Ярославля, куда ездили со специальными поручениями.

Сначала боевая дружина работала в полном подчинении местному Комитету Р. С. Д. Р. П.

Когда по всей России в связи с безработицей и локаутами пронеслась волна экспроприаций, костромские боевики стали тоже производить вооруженные нападения (напр., ограбление почты в Вичуге). Когда согласно резолюции 5-го Лонд. с'езда Ц. К. запретил экспроприации и вообще всякие вооруженные выступления, без санкции местных парт. Комитетов,—Костр. Ком. запретил всякие вооруженные выступления.

Между „боевиками" и „идейниками", как называли первые противников экспроприаций, шла борьба. окончившаяся роспуском дружины, тогда часть ее, считая точку зрения Комитета простой „сантиментальностью и щепетильностью", не подчинилась и стала существовать, производя „эксы" на свой риск и страх.

Вот любопытная „переписка" Комитета Р С Д Р. П. с боевой дружиной.

Резолюция Костромского Комитета Р С Д Р П:

I По поводу предпринятых боевой дружиной Костр. Комитета самостоятельных боевых выступлений, Комитет выражает Б. К. порицание.

---

[1]) Имя Ник. Ник. было одно время в Костроме нарицательным для профессионалов.

Во избежание впредь чего либо подобного предлагает Б. К. соблюдать известное уже ему решение К. К о приглашении на собрания Б. К. особого представителя К. К.

Находя крайне важным соблюдение указанных условий, К. К. в случае несоблюдения их принужден будет об'явить Б. К. распущенным.

К К.

II. Боевой Комитет узнав, что Костр Комитет. без участия в предварительном обсуждении представителя Б К. вынес порицание Б. К. за только что произведенный акт, во первых, квалифицирует это постановление К. К., как суд в административном порядке над целым партийным учреждением.

Во вторых: предлагает немедленно же опубликовать в сведение всех членов партии свое оффициальное постановление по этому поводу.

В третьих: предлагает К. К. ясно и определенно формулировать свое отношение, к предусмотренным в уставе всякого рода партийным набегам на представителей власти, конфискации казенных денег и вообще мелким спородическим выступлениям и выработать проект регламента.

Принято единогласно. Б. К.

Б. К. постановил:

Принять к сведению и постановления К. К. и предложив К. К. для разбора вопросов, связанных с деятельностью Б. К. немедленно созвать собрание К. К. с представителем Б. К.

К. К. счел себя вправе в своем экстренном заседании вынести вышеизложенную свою резолюцию, опасаясь, чтобы не произошло новых повторений сепаративных действий Б. К. Присутствие (хотя бы и приглашенного), представителя Б К. было для К. К. не обязательно ввиду общего принципиального характера резолюции.

Все документы по сему будут опубликованы для партии.

Каждый отдельный случай боевого выступления должен быть обсужден в К. К. Общее отношение будет выработано в ближайшее время.

К. К.

17 сентября 1906 г. Рождественская коммуна была разгромлена и все боевики арестованы.

В дни борьбы.

В 1906 году Костромской Комитет решил устроить первомайский митинг в лесу в ночь с 30 апр. на 1 мая, зная, что иначе полиция сорвет его и устроит избиение. Для охраны был командирован отряд боевой дружины.

Полиция, тоже готовясь к митингу, как раз накануне же вечером поехала осматривать местность, чтобы лучше удалось нападение.

Имея каким-то образом, сведения о месте, полициймейстер и пристав прямо направились туда и попали в цепь боевой дружины. Тут же их арестовали и обезоружили. Когда митинг кончился, то встал вопрос, что делать с арестованными. Отпустить их было нельзя, т. к. они многих видели, и вероятно знали в лицо, и потому боевой комитет решил с ними покончить.

На зеленой лужайке между полициймейстером и одним из боевиков шел разговор, о котором потом долго расказывали. Полициймейстер уверял, что он работает не по призванию, а что „преследование революционеров—его служебная обязанность", что он сочувствует если не революционерам, то уже во всяком случае кадетам. Просит пощадить его семью и отпустить его живым. А остальная дружина в стороне решала вопрос о судьбе своих врагов.

Выполнить смертный приговор было поручено одному из начальников отряда (дружина разделялась на 4 отряда). Когда митинг кончился как то вышло так, что он вследствие темноты не нашел своего отряда, и вся остальная дружина была уже переведена на соседний тракт и распущена.

Не зная тогда, что делать, намеченный начальник не решился единолично прикончить арестованных и отпустил их, пригрозив лишь, что, если следствием этого будут какие-либо аресты, то они ответят своей головой. Арестов, действительно, сразу не последовало, но через 5½ мес. по инициативе этого полициймейстера была разгромлена боевая дружина.

В ту же ночь в городе два члена дружины Усов и Василевский напали на свирепствовавшего тогда частного пристава Слободского. Усов выхватил револьвер, выстрелил в упор, ранил пристава в плечо, а сам бросился бежать по Пятницкой ул. к Волге. За ним побежал и Василевский, отстреливаясь на бегу. Подоспевшая полиция погналась за дружинниками, намереваясь их арестовать.

Когда боевики вместе со своими преследователями бежали по берегу Волги, часовой убил Усова, а Василевский спрятался в дровах около пароходных пристаней и отстреливался. Когда вышли все патроны он об'явил, что сдается. Озверевшие стражники избили его до полусмерти, без чувств его привезли в гор. больницу. Дело было передано в военно-окружной суд по обвинению в вооруженном сопротивлении властям. К всеобщему удивлению он был присужден не к смертной казни, а к нескольким годам военной тюрьмы.

Эти два случая, сплетясь вместе, доставили обильную пищу любопытным языкам, и вскоре по городу начали ходить целые легенды о большом сражении между полицией и революционерами.

Из выступлений дружины, довольно под-час романтичных, надо упомянуть еще об одном, сильно в свое время нашумевшем.

В боевом комитете было получено сведение, что на р. Костроме будут производиться взрывные работы и туда будет привезен большой запас пироксилина (пудов 30). В виду недостатка материала для ручных бомб, решено было его конфисковать.

Пироксилин должны были привезти на казенном пароходе из Нижнего, перегрузить его в Костроме на другой пароход, на котором и отправить на место работ. Предполагалось, что пироксилин переночует здесь, и в эту-то ночь и решили отнять его.

Каким-то образом, пароход, привезший пироксилин, прибыл рано утром (кажется его задержал туман), и в тот же день, в 12 ч., его должны были повезти дальше. Нападать в городе, среди белого дня было безумием, и боевой комитет решил на лодках отправиться вверх по Костромке, там дождаться парохода и напасть на него. Все приготовления пришлось провести так спешно, что дружинники не все были даже вооружены огнестрельным оружием, но все-же часов в 10 утра отряд человек в 15—18 на трех лодках выехал вверх по р. Костроме. Верстах в 10 от города остановились и стали ждать парохода. Вскоре тот появился, у многих сердце дрогнуло, т. к. предстояло крайне опасное дело: за пароходом тянулись еще две баржи с экипажем и рабочими, в общем на караване было человек 40.

Когда пароход подошел близко, одна лодка встала ему наперерез, что было страшно опасно, т. к. пароход мог ее потопить, но там не поняли что это значит, дали предупреждающий свисток и замедлили ход. Этим воспользовались другие лодки, мгновенно подошли к борту казенного парохода и с криком: „руки вверх" взошли на пароход. Не то от неожиданности, не то по каким другим причинам сопротивления не последовало, и через 5 минут караван был в руках нападавших.

1907 год.

Говоря о движении этого года, прежде всего надо остановиться на роли профессионального союза ткачей, организованного еще в 1906 г., но особенно развернувшего свою работу в зиму 1906—1907 года.

„Зима 1906—7 г была расцветом работы союза", пишет в своих воспоминаниях т. Вишневский, начавший свою работу в союзе в качестве делопроизводителя, когда союз еще „ютился на задворках в бане тов. Симановского".

К весне 1907 г. в союзе было уже 6½ тысяч членов, из них 2½ тысячи в Костроме, 2 тысячи в Середе, остальные в Вичуге, Тезине, Родниках, Яковлевском, Писцове и Нерехте, где существовали уже отделения союза.

Рабочие шли в союз со всеми своими нуждами, охотно пользовались поставленной хорошо библиотекой, где „все нелегальные издания были очень тщательно помещены между остальными в сборники, составленные из 10—15 тоненьких брошюрок, и переплетены одинаково с остальными. Они не привлекали внимания полиции громкими запрещенными названиями, в каталоге же они значились просто сборниками".

В 1907 году мы видим союз, как посредника между фабрикантом и рабочими.

24 января союз пишет директору Моргунову: „правление союза дает Вам на рассмотрение наших требований недельный срок. В случае неудовлетворения Ваши в указанный срок требований, правление предоставляет рабочим действовать по своему усмотрению".

Союз уже считает себя силой, с которой заставляет считаться.

16 марта подается тому же лицу заявление от „правления профессионального общества рабочих по обработке волокнистых веществ г. Костромы и губернии": „В виду заявления делегатов от рабочих всех цехов об усиливающихся репрессиях на рабочих со стороны фабричной администрации и согласно постановления совета уполномоченных профес. о ва, правлением поставлено в необходимость не останавливаясь на общем тяжелом режиме фабрики от имени рабочих предложить вам, милостивый государь, след. требования".

1. Принять обратно на работу расчитанных и назначенных к рассчету за последнее время рабочих.

2. Отменить штрафы за опоздание или уход с работы, если опоздание или уход не превышает 10—15 минут против установленного рабочего дня, а также отменить штрафы за плохой товар, полученный вследствие старых разбитых машин.

3 Предоставить право выхода из фабрики за полчаса и даже за час до свистка тем рабочим, которым необходимость выхода будет сопровождаться соответствующей мотивировкой.

4. Ввести в обиход, об'явив об этом по фабрикам, вежливое обращение администрации с рабочими и работницами

5. Уничтожить необоснованные ничем запрещения рабочим посещать уборные больше 2-х раз в день и не допускать позорного преследования в уборных мастерами и другими лицами мужской администрации женщин—работниц.

6. Отменить произвольные работы.

Настаивая на удовлетворении вышеуказанных требований, Правление профессионального общества по 1-му пункту считает нужным указать Вам, Милостивый Государь, что в предпасхальное время, когда рабочими делаются особенные усилия сохранить заработок, выбрасывание на мостовую, того или другого рабочего, представляется жестокой несправедливостью. По 2-му пункту нельзя не отметить весьма основательного факта, именно, что чело-

век не машина и с безусловной точностью не может вращаться вокруг фабричной оси. Союз кроме того приложит все усилия, чтобы рабочие не злоупотребляли своим правом и тем самым не давали поводов к недоразумениям. По 3-му пункту едва ли приходится приводить аргументы, если только не принимать в расчет крепостнических основ организации производства. Еще меньше нуждаются в обосновании пункты 4 и 5-й требований рабочих; всякому культурному человеку эти пункты понятны сами собой. Что касается вопроса о произвольных работах, то таковые известны Союзу и практикуются в некоторых цехах не только низшей, но и средней администрацией фабрики; они едва ли входят в рассчеты высшей администрации, организующей и ведущей дело капиталистического производства.

Отказ в удовлетворении названных требований, слагает ответственность с Профессионального Общества за мирное разрешение возникших недоразумений, о чем уполномачивают нас заявить все рабочие Вашей фабрики.

Заявление это вызвано забастовкой на ватерах, начавшейся 10 марта по поводу расчета двух катушечников и об'явлением Моргунова от 4 марта с угрозой расчитывать подстрекателей.

„Заявление я принял, но дать ответ обществу отказался", пишет в ответ Моргунов: „т. к. членами общества состоят, только немногие из рабочих и оно выразителем желаний всех рабочих служить не может. В случае же если найду необходимым, то ответ дам непосредственно рабочим. Это мое убеждение остается непоколебимым и после вручения мне другого заявления рабочими, которые почему то называли себя представителями от цехов и уверяли, что обращение ко мне представителей о-ва последовало якобы по единодушному желанию старой и новой фабрик".

Далее директором указывается, что фабричным управлениям легче было бы ладить с рабочими при посредстве сильного проф. союза, но когда сами рабочие признают его желательным, чего по мнению Моргунова до сих пор еще нет.

Вот картина стачечной борьбы 1907 года по документам архива Михинской фабрики.

„Анонимное О-во по неот'емлемому праву хозяина вольно работать всею фабрикою или частью ее, или вовсе остановить ее, не считаясь ни с чем, кроме собственных интересов и соблюдая при этом существующие узаконения. Одинаково Анонимное Общество вправе брать на работу и увольнять тех рабочих, которых пожелает. В виду этого я имею заявить рабочим, что никогда не потерплю, чтобы мне в этом отношении ставились какие либо требования и исполнять их не буду, разве только как по собственному побуждению".

Это ответ Моргунова на протест рабочих по поводу расчетов „подстрекателей".

На требование отмены штрафов указывается, что фабрика не благотворительное учреждение. О вежливом обращении,—„рабочие еще менее вежливы с администрацией, чем она с „ними". Наконец, в ответ на требование „отменить запрещение посещать уборные более 2-х раз в день, и не допускать позорного преследования в уборных мастерами и др. лицами мужской администрации женщин работниц"—следует ответ, что уборные—не клубы и не места отдохновения".

В конце мая происходит забастовка подмастерьев из-за неравных наград. Указывая, что награды—хозяйская милость, которая может быть производима только по его усмотрению, администрация фабрики требует, чтобы рабочие способствовали администрации временно вести работы без подмастерьев, а если эта работа поведет к остановкам машин или дурной работе, или непорядкам в корпусах, то фабрика будет остановлена и рабочим за время остановки ничего заплачено не будет".

В об'явлении от 1 июня Моргонов заявляет: „рабочие опять безрассудно бросили работу, чтобы всею толпою переговорить со мной, что „толпа себя держит шумно и беспорядочно", что лучше выбирать уполномоченных. Ра-

Член Правления Союза Текстилей
Анна Григорьевна Карманова.

бочим нет никакой нужды прибегать к такой воинственной тактике, как забастовка.

„Толкают рабочих на этот опасный скользкий путь люди, которым вовсе не дорого материальное благополучие рабочих, а которые, заразившись узкой партийной дисциплиной социализма, ради желания добиться несбыточных мечтаний вертят рабочими, как куклами".

В июле рабочие всех фабрик начинают забастовку, выставляя одинаковые требования: повышение платы и выдачи квартирных денег, 42-х часового отдыха в неделю, отмены расчетов на пасху, уничтожения штрафов и употребления существующего штрафного капитала на нужды рабочих, улучшение санитарных условий, выдача полностью жалованья за время болезни, отпуска для беременных, ясли, и, наконец, признание профессионального союза посредником между капиталом и трудом.

На солидарность рабочих всех фабрик ответом является солидарность всех фабрикантов отказы в требованиях мотивируются почти одинаково—ссылки на то, что изменения положения рабочих могут быть произведены только законодательным путем, что об улучшении гигиенического состояния фабрик хозяева неусыпно пекутся, что расчеты на Пасху отнюдь не носят характера избавления от неудобных рабочих. На требование поднять заработную плату указывается, что это было бы несправедливостью по отношению к крестьянину, „труд которого тяжелей, а вознаграждение меньше".

„Самим рабочим усердной и исправной работой да прекращением безобразного пьянства следует улучшить свое материальное положение"—добавляет Моргонов.

„Ясли, являясь благотворительным учреждением, для фабриканта не обязательны, и не могут быть предметом требования рабочих, а только добровольного желания фабриканта итти навстречу нуждам рабочих, но этого желания теперь у фабриканта явиться не может, ибо рабочие безобразным поведением и недобросовестной работой убивают подобное желание".

Интересно об'явление губернатора Веретенникова от 6 июля: „Наблюдая за ходом забастовки, я убедился, что большинство выставленных рабочими экономических требований являются лишь предлогом к осуществлению заранее намеченной программы, так называемой русской социал-демократической партии, имеющей ближайшей целью не благосостояние рабочего класса, а лишь расстройство государственного строя на почве общего экономического раззорения страны. Убежденный вместе с тем, что большинство рабочих далеки от намерения содействовать такому пагубному для родины замыслу и, успев выяснить себе истинные причины забастовки, желают приступить к работам, я дал распоряжение об открытии фабрик с 9 июля. При этом предупреждаю, что за малейшее покушение к насильственному прекращению работ или недопущению к таковым других рабочих, будет к виновным применено обязательное постановление, карающее подобные действия штрафом до 500 руб. или арестом на 3 месяца".

Вот коллективное об'явление всех фабрик, подчеркивающее солидарность капиталистов: „в виду того, что между рабочими усиленно распространяются слухи об уступках, на которые якобы пошли отдельные фабриканты, считаем необходимым заявить, что никаких уступок сделано не будет. Никакие требования не будут даже и рассматриваться, пока рабочие не заявят о желании встать на работу на прежних условиях" [1]).

Такова картина борьбы труда с капиталом.

Полиция неоднократно делала обыски в союзе, но никогда ничего компроментирующего не находила, благодаря осторожности работников. В правлении были: Симановский, Набегин, Соловьев, Гусев, Кокорев, Карманова и другие. В августе, после неудавшейся областной стачки, союз закрыли.

[1]) Статья М. Р в „Известиях Губкома" № 15.

Костромской комитет, переименовался в 1907 г. в Окружной. На Лондонский с'езд Р. С. Д. Р. П. были делегированы члены Окружного комитета Стопани и Гусев. Вернуться к нам они уже не могли. Первый уехал на Кавказ, второй в Тверь.

По инициативе Стопани была организована газета К. О. К. „Север. Рабочий".

14 янв 1907 года вышла газета № 1 Костромского окружного комитета РСДРП.—„Северный Рабочий".

Был период избирательной кампании во 2-ю думу. Партия решила использовать, как избирательную кампанию, так и самую думу для борьбы за полновластное народное представительство.

Такой цели служил и наш 1-й Костромской „Северный Рабочий". Критика избирательного закона, сопоставление гос. думы с полновластным учредительным собранием, отчеты избирательной кампании.

„Результаты выборов уполномоченных на местных фабриках свидетельствуют о сознательности Костромск. пролетариата. Из 969 избирательных голосов на 6 фабриках 794 подано за с.-д. На Кашинской фабрике, несмотря на усиленную агитацию администрации, черносотенцы блестяще провалились". И проч.

Следующий номер, выпущенный через неделю, обстоятельно трактует вопрос об учредительном собрании, отмечает успешный для с.-д. ход избирательной кампании, называет имена 7 с.-д., избранных в уполномоченные рабочих подавляющим большинством голосов.

Содержание следующих номеров вертится также вокруг гос. думы. Вот письмо депутата А. В. Калинина (Родники), распространявшееся тогда в рукописных списках по рукам рабочих, отчет о составе гос. думы, ее первые шаги. Освещаются и программные вопросы РСДРП—демократическая республика, народная милиция. Обстоятельно освещается настроение рабочих, нарастающее забастовочное движение в Костр. губ., требования рабочих г. Костромы к гос. думе, принимаемые на рабочих собраниях и митингах, обращение окружного бюро к с.-д. фракции думы относительно ее дальнейшей деятельности.

„Северный Рабочий" ведет также кампанию по подготовке к парт. с'езду. В № 10 помещается резолюция, принимаемая костромскими рабочими по поводу суда над их депутатами.

„Пусть палачи помнят, что усилив предательство над обвиняемыми по делу совета рабочих депутатов, они тем самым совершают его и над всем костром. пролетариатом".

Вот интересное приложение к № 10 „О социализме губернатора Веретенникова", по поводу выпускаемой им газеты „Рабочий".

Таково содержание первого „Северного Рабочего".

Революционное движение шло на убыль.

Пошли по всей России провалы, во всю заработали провокаторы. Приезжает напр., человек с печатью Ц. К. на мандате и оказывается провокатором. Так „товарищ" Игнат провалил Костр. типографию. Очень плохо было сидеть в это время в тюрьме, над заключенными издевался Кротков, начальник тюрьмы, расстрелянный в Окт. Рев. Он проводил одиночный режим, начались обструкции - отказывались от прогулок, ломали нары, выбивали рамы и пр. Вызывались солдаты, и открывалась по заключенным стрельба.

В это время судились арестованные 26 дек. 1906 г. члены боевой дружины: Лапшин, Махровский, Иванов, Шешин, Беликов Арк., Богословский, Знаменский, Успенский, Воскресенская, Гурьева, Горская, Лебедева, „за преступную противоправительственную деятельность".

Особенно много работы жандармам было по поводу убийства пристава Преображенского и ранении городового Васильева при обыске у Успенского 8 дек. и вооруженного нападения на тюрьму, нанесение ран приставу, городовому и стражнику с целью освобождения заключенных Данилова, Гурьева и Померанцева 26 декабря.

Было вынесено 2 смертных приговора Терехину (за убийство Преображенского) и Казуеву (за убийство урядника и побег). Жандармерия, опьяненная успехом рыщет всюду стараясь создать новые „дела".

„При обыске на Зотовской ф ке нашли гектограф, брошюры и газету „Северный Рабочий" пишет А. А Симановский. Ротмистр Юдичев вызывает меня в тюремную контору и говорит: „Эта газета принадлежит вам, а это Гусевой". Я указываю, что я уже сидел до обыска в тюрьме, и за то, что после меня нашли, я не отвечаю.

„А еще социалист, а от такого пустого дела отказываетесь". Дело создать всетаки не удалось.

1908 год.

В январе 1908 года в фабричном районе появился некто „Фрукт" (Никольский), оказавшийся провокатором.

Он организует группу рабочих, в нее вошли Анна Григ. Карманова, Серг. Абр. Беликов от Заволжского района и другие.

„В это время приехал в Кострому Алексей Станкевич, бежавший из ссылки, с целью убить начальника тюрьмы Кравкова, пишет в своих воспоминаниях А. А. Симановский. Я узнал его квартиру. Однажды они сошлись у меня и в присутствии „Фрукта" мы говорили о необходимости найти лучшую квартиру, так как Станкевичу стало трудно скрываться. Я наметил две квартиры, что бы жить ему по очереди. Первую неделю он прожил благополучно, а на вторую, как только переехал к моей сестре, нагрянула полиция, но он, по счастью, дома не ночевал. Дня через три, после обыска было назначено собрание за Волгой, куда был приглашен и Станкевич. Собрание было обставлено вроде пирушки,—как часто делали тогда, чтобы отвести подозрение. Пришел туда и „Фрукт" —положил на стол брошюры и сказал, что сходит только на вокзал. Сразу после его ухода нагрянули стражники, всех арестовали. Станкевича с нами не было. По пути на место собрания он увидал стражников и вернулся. Мы думали, что провалился и „Фрукт". Я пошел домой предупредить его жену, и меня поразило, до чего спокойно встретила она известие. Дня через три приходит неожиданно „Фрукт" и велит вести его к Станкевичу, т. к. им надо выехать немедленно в Москву. Через день после от'езда Станкевич был выдан „Фруктом".

Провокационная работа была поставлена так хорошо, что вскоре удалось ликвидировать всю с.-д. организацию

Вот как говорят об этом документы:

От тов. прокурора Костр. Окр. суда Костр. политического участка прокурору Костр Окр суда донесение.

„25 марта 1908 г. арестован в Костроме Заволжский районный Комитет с.-д. во время собрания, в числе 11 человек, из них двое нелегальных. В ночь на 27 и 28 марта произведена ликвидация Костромской организации с.-д., арестовано 11 чел., принадлежащих к составу с.-д. организации. Обнаружены печати Комитета, паспортные бланки, программы занятий, принадлежности ручной типографии, шрифт и мимеографы.

Донесение начальника жандармского управления от 2 апреля:

„Сообщаю Вашему Высокородию, что мною с 21—28 марта была произведена ликвидация Костр. организации с.-д. в следующем порядке: 1) 21 марта арестован нелегальный крестьянин Стулов, назвавшийся при задержании Андреем Софроновым Петровым по имевшемуся у него подложному паспорту.

2) 24 м. арестован Костромской мещанин Иван Матвеевич Соловьев

3) 25 марта арестовано собрание Заволжского района Костромской с.-д. организации в числе 11 человек.

4) 26 марта была произведена ликвидация всей Костромской организации городского района, всего 9 человек.

5) 27 и 28 произведены обыски и аресты по вещественным доказательствам и арестовано 9 человек.

6) Бежавший из административной ссылки сын чиновника Алексей Петров Станкевич, скрывшийся при ликвидации 30 марта, по моей телеграмме задержан в Москве.

Ликвидации предшествовали следующие обстоятельства, освещенные *внутренней агентурой* и подтвердившиеся наружным наблюдением.

После октябрьской ликвидации первые попытки организоваться вновь стали проявляться лишь в декабре, а именно: 7 и 16 числа того же месяца

состоялись собрания рабочих с участием интеллигентов. На этих собраниях по обсуждении организационных и технических вопросов было постановлено издать прокламацию к рабочим с призывом об'единиться. Второе собрание закончилось избранием исполнительной группы окружного и общегородского района, в состав которой вошли: организатор Сергей Васильев Башкиров, статистик—Павел Яковлев Евгеньев, кличка „Серафим", кассир—Наталья Васильева Соколова. Кроме того были выбраны два запасных члена.

Избранная исполнительная группа в январе месяце собиралась три раза: 12, 15 и 27 января. На первом собрании присутствовали: Сергей Башкиров, Павел Евгеньев и рабочий Николай Иванов Лапшев, предоставивший для собрания свою квартиру и заменивший собою арестованную Наталью Соколову. Обсуждались следующие вопросы: решили устраивать собрания рабочих для Зотовской и Михинской фабрик, предполагали издавать газету „Рассвет", сначала гектографированную, а потом печатную, переписку группы наметили поручить бывшему почтово-телеграфному чиновнику Федору Николаеву Вишневскому, назначили явочную квартиру у Сергея Башкирова, кассу пополнять сборами с конспиративных лекций и вечеров в гимназии и реальном училище, выпустить агитационный листок о задержании в Середе депутата Суркова, послали письма с просьбой выбрать товарищей на городскую конференцию и послать их в Кострому, помочь деньгами арестованной Наталье Соколовой. На втором собрании постановили: вместо денежной помощи внести за Соколову залог, выписать революционные книги для революционной библиотеки, итти в разрез с постановлением Центрального Комитета по вопросу о военно-технической коллегии и если губернская конференция тоже отклонит учреждение ее, то все-таки образовать боевую дружину для разбойных и террористических выступлений (на этом особенно настаивали Башкиров и Евгеньев), в „Заволжском районе" устроить кружок для рабочих, которому собираться в квартире рабочего Сергея Абрамова Беликова, а заниматься с ними Сергею Башкирову, на городской конференции стараться провести устройство первого мая всеобщей забастовки и демонстрации, учреждения военно-технической коллегии, военную организацию, т. е. пропаганду среди войск, крестьянские организации с необходимостью посылать в деревни людей, чтобы завести связи и начать пропаганду.

На собрании 27 января в квартире того же Николая Лапшева присутствовали: квартирохозяин Лапшев (вместо кассирши Соколовой), статистик Евгеньев („Серафим") и вновь приехавший из Москвы организатор и пропагандист „Алексей" (Стулов). Постановили: выступать к рабочим на летучках; на тему „о бездеятельности Государственной Думы и о коллективных договорах с хозяевами-фабрикантами". Для этой цели назначили: на Кашинскую фабрику- „Алексея", на Михинскую—Владимира Александрова Невского, этот Невский взял на себя прочесть платную лекцию, сбор с которой, как значилось на входных билетах, должен был поступить в пользу политических заключенных, причем на сказанном собрании было решено, что одна треть сбора поступит в пользу с.-д. организации. Обещанная Владимиром Невским лекция была прочитана в два приема 27 и 28 января (на квартире братьев Невских) слушателями были: гимназисты Павел Синицин, Михаил (Мовша) Лившиц и Павел Николаев Лебедев, гимназистки: Лидия Николаевна Леонтьева, Евреинова и Гинцбург, семинаристы: Алексей Федоров Орлов, бывшие семинаристы: Виктор Секованов и Геннадий Павлов Темпераментов, реалист Петр Васильев Перовский, а также Сергей Башкиров.

Кроме собраний исполнительной группы в январе месяце состоялись: 22 числа—собрание кружка рабочих Кашинской фабрики в числе 19 человек, на котором читал лекцию Михаил Михайлов Горбатов и 23 января за рекой Костромой у одного из рабочих Кашинской фабрики—собрание рабочих, представителей фабрик Зотова и Кашиной и профессионального союза, в числе 25 человек. Тут были: Павел Евгеньев („Серафим"), Николай Лапшев, Алексей Александров Симановский, П. С. Соловьев, Иванов, Федор Копылов

Анна Григорьева Карманова. Иван Матвеев Соловьев и Анна Павлова Винокурова. При этом решили: опросить подписными листами всех членов профессионального союза, согласны-ли они деньги союза, хранящиеся у Анны Кармановой (300 руб.) употребить на безработных. В случае согласия под предлогом „безработных" деньги должны поступить в распоряжение с.-д., а также решили отобрать у профессионального союза библиотеку и отдать ее тоже с.-д. и выработали при этом организацию пользования ею.

К концу января выяснилось, что с.-д. организация насчитывает: в заволжской группе 20 человек, на Михинской и Зотовской фабриках 50 человек и в городском районе 30 человек.

Городской район, как выяснилось, имел свой городской комитет, образовавшийся на декабрьском организационном собрании. В состав комитета вошли: Сергей Башкиров, Михаил Горбатов, Геннадий Темпераментов, Павел Синицын, гимназист Василий Румянцев (ныне умерший), Петр Перовский и прапорщик запаса Василий Александров Ситов.

Предполагавшееся издание газеты „Разсвет" не осуществилось. Независимо от нее 14 декабря 1907 года вышел № 1-й гектографированной газеты „Волны", 9-го января сего года—второй номер, далее издание прекратилось, редактором ее был Сергей Башкиров, а гектографировалась она Петром Перовским. В № 2-м этой газеты в одной статье отмечалась все усиливающаяся тенденция местной группы с.-д. к признанию разбойных актов соответствующими духу и условиям времени. К концу января образовалась боевая дружина с.-д., в которую вошли: Федор Савинов Соловьев, Павел Яковлев Евгеньев, Сергей Васильев Башкиров, Петр Васильев Васильев, Петр Васильев Перовский, Павел Синицын и бежавшие из административной ссылки Николай Сергеев Набатов и Алексей Петров Станкевич. Центральный Комитет, уступая господствующему настроению Костромской группы, по сведениям агентуры, к этому времени, предоставил ей для усиления средств организовать к весне нападение на одно из отдаленных уездных казначейств; кроме того, боевая организация самостоятельно вынесла смертный приговор помощнику моему ротмистру Юдичеву.

В последних числах января, крестьянин Яков Андреев Андреев был отправлен организацией в Москву с поручением на организационные деньги, около 500 руб., хранящиеся у нелегального „Карпа" (Александра Митрофанова Стопани) купить типографию, которая и должна быть доставлена в Кострому.

5 февраля исполнительная группа собралась в квартире Анны Винокуровой. Присутствовали Сергей Башкиров, Павел Евгеньев и освобожденная под залог Наталья Соколова. Решили собрать городскую конференцию к 25 февраля, товарищу „Алексею" поручили вести кружковые занятия на фабриках Михиной, Зотова и Кашиной. Михаилу Горбатову поручили вести переписку с тюрьмой.

Собрать конференцию 25 февраля однако не пришлось, и в деятельности группы вообще в феврале месяце наступил перерыв вызванный несвоевременными обысками и арестами организатора Сергея Башкирова, произведенными без моего ведома чинами общей полиции.

26 февраля в квартире Невских состоялось собрание вновь образованной коллегии пропагандистов, на котором принимали участие: братья Владимир и Александр Невские, Сергей Башкиров, Геннадий Темпераментов и Лидия Леонтьева. Кроме поименованных к коллегии принадлежали не бывшие на этом собрании Михаил Горбатов и товарищ „Алексей" (Стулов). На этом собрании было решено предложить войти в коллегию членами—Павлу Синицыну и семинаристу Алексею Орлову; затем занимались выяснением наличных сил, и в частности вопроса о наличных кружках, которых уже образовалось шесть, решили довести их число до пятнадцати, выработали программу занятий для кружков первоначального типа по следующей схеме: современное положение России, зависимость рабочих от капиталистов, история

экономического движения, история революции и рабочего движения в России, программы минимум и максимум, другие партии, детальную разработку программы поручили Владимиру Невскому и вместе с тем выбрали его ответственным пропагандистом и представителем от коллегии пропагандистов в городскую конференцию; потом, выясняя отношение свое „к лиге образования" порешили войти в нее и использовать лигу в целях с.-д. организации.

О всем происшедшем на собрании составили протокол, который передали Владимиру Невскому с тем, чтобы он сдал его на хранение Геннадию Темпераментову.

27 февраля у одного из рабочих Кашинской фабрики состоялось последнее собрание исполнительной группы прежнего состава. Присутствовали: Сергей Башкиров, Наталья Соколова, Павел Евгеньев и Анна Карманова. На собрании решили городскую конференцию назначить на 9 марта, что и состоялось. На городскую конференцию явилось 18 человек: Сергей Башкиров, два брата Владимир и Александр Невские, Геннадий Темпераментов, Анна Карманова, Алексей Симановский, Павел Евгеньев, Петр Васильев Васильев, Александра Иванова Бугрова, рабочий Михинской фабрики Василий Григорьев Смирнов, Евгений Кузьмин Козлов, Василий Николаев Козлов, Николай Иванов Румянцев, Наталья Васильева Соколова и рабочая Михинской фабрики Прошутинская и оставшиеся неизвестными три человека, в том числе хозяин квартиры.

В порядке дня обсуждали следующие вопросы:

а) порядок постановки организационной работы—новая исполнительная группа должна немедленно восстановить районные комитеты, заводские комитеты и кружки; б) решили послать письма о созыве на губернскую конференцию; в) приступить к легализации профессионального союза, выработать устав, найти учредителей и ходатайствовать об открытии; г) на предложение Областного Бюро поддержать однодневной забастовкой будущий запрос с.-д. думской фракции о преследовании профессиональных союзов—ответить, что забастовка в виде поддержки была-бы желательна, но по местным условиям не осуществима, а потому решено ограничиться письмом в Государственную Думу на имя с.-д. фракции с выражением протеста о гонении на профессиональные союзы; д) поручить исполнительной группе созыв первомайской конференции; е) той-же группе поручить отыскать имущество военно-технической коллегии. Затем занялись выборами в предрешенную новую исполнительную группу. В состав ее с правом кооптации новых членов вошли следующие: Владимир Невский, Анна Карманова, Сергей Башкиров, Евгений Козлов (кличка „Кузьма") и Павел Евгеньев.

Новая исполнительная группа 12 марта собралась на квартире Невских для распределения ролей, выбрали: Геннадия Темпераментова—секретарем, Сергея Башкирова—статистиком, Владимира Невского—ответственным пропагандистом, Павла Евгеньева—кассиром. Но так как на собрание явилось только три человека, то тут же еще решили собраться 16 марта для переизбрания, что и состоялось опять на квартире Невских. Присутствовали: Владимир Невский, Павел Евгениев („Серафим"), Петр Васильев, Анна Карманова и Евгений Козлов. Переизбрали: Геннадия Темпераментова секретарем, Анну Карманову—ответственным кассиром, Павла Евгениева („Серафима")—сборщиком денег по району, Владимира Невского—ответственным пропагандистом и Сергея Башкирова—ответственным организатором.

Новая исполнительная группа до ликвидации успела собраться еще один раз в той-же квартире Невских. Присутствовали: оба брата Невские, Сергей Башкиров, Анна Карманова, Петр Васильев и Яков Андреев. Занимались отчетом о собраниях, предположениями о кооптации новых членов, вопросом о постановке гектографа, сбором пожертвований в пользу бежавшего из административной ссылки (Алексея Станкевича), что решено произвести листками по всем учебным заведениям, наконец, явочной квартирой решили сде-

лать квартиру костромского мещанина Александра Васильева Ратманова в собственном доме на Сенной площади.

Яков Андреев делал сообщение о пребывании в Костроме представителя Центрального Комитета под кличкой „Макар", который по словам Андреева, останавливался у него.

Лучшего „доклада" пожалуй бы не мог сделать любой ответственный работник. Очевидно „внутренняя агентура" была поставлена образцово, так что „внешние наблюдения" только проверяли уже имеющиеся сведения. К делу по ликвидации присоединяется дело о взрывчатых веществах, найденных в духовной семинарии.

„В дневнике обвиняемого В. А. Невского указано, что в распоряжении сообщества имелись взрывчатые вещества, часть которых и была захвачена при обыске в здании семинарии". донесение прокурору Костр. Окр. Суда

Так с 1908 года вся партийная и профессиальная работа прекратилась, в 9, 10, 11 годах внимание сосредоточилось на кооперации до нового под'ема 12 и 13 годов, о котором будем говорить в следующем сборнике.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1967